

М. В. ЗЫЗЫКИНЪ,
Профессоръ Варшавскаго Университета.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

ЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫЯ И КАНОНИЧЕСКІЯ ИДЕИ.

„Никонъ, Божіей милостію Патріархъ, постави сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за Слово Божіе и за Святую Церковь на Бѣлоозерѣ въ Терапонтовомъ монастырѣ въ тюрьмѣ“

Глава I. Ученіе Никона о Царской власти.

Глава II. Ученіе Никона о Патріаршествѣ.

Глава III. Основные принципы церковнаго законодательства въ Россіи до Уложенія 1649 г.

Глава IV. Объ уходѣ Никона въ Воскресенскій монастырь 10 іюля 1658 года.

ВАРШАВА. СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ. 1934.

Часть II-я и III-я печатаются въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ были представлены вмѣстѣ съ I-й частью въ 1928 году въ Русскую Академическую группу въ Парижѣ въ качествѣ магистерской диссертаци.

Часть I-я: „Историческая почва и источники Никоновскихъ идей“, издана Варшавской Синодальной Типографіей въ 1931 году.

ЧАСТЬ II.**Ученіе Патріарха
Никона о природѣ
власти государствен-
ной и церковной и
ихъ взаимоотно-
шеніи.**

Глава I. Ученіе Никона о царской власти.

Борьба Никона съ политическимъ старовѣрствомъ, уклонявшимся въ сторону цезарепапизма. — Сравненіе царства съ священствомъ. — Источникъ царской власти и ея освященія. Духовная и свѣтская власть независимы другъ отъ друга. — Кому ввѣрена Церковь? — О церковныхъ законахъ. — Объ участіи царя въ церковномъ управленіи. О правахъ царя по отношенію къ соборамъ церковнымъ. О соборѣ 1660 г. — Объ участіи царя въ церковномъ управленіи, О повышеніи ранга Епископской каѳедры. — Царь — образецъ послушанія церковнымъ законамъ для народа. Церковный законъ неприкосновененъ для государства. Апостасіи. — О Церкви: ея самостоятельность. — Для управления въ Церкви необходимы Епископскія полномочія, а не царскія. — Дѣйствіе Антихриста: властительство надъ Церковью свѣтской власти. — Царь некомпетентенъ въ дѣлѣ суда надъ Епископами-клириками. — Положительныя обязанности царя къ Церкви. Обязанности царя къ церковной собственности. — Никонъ о своей службѣ царю. — Никонъ различаетъ обязанность царя въ Церкви отъ его обязанностей къ Патріарху. — Никонъ о сферѣ свѣтскихъ дѣлъ. О тяжести царскаго служенія. — Власть царская получается независимо отъ священства, но имъ благословляется. Гдѣ санкціи для соблюденія царемъ заповѣдей Божіихъ. — Царская власть и знаменіе пришествія Антихриста. — Лигаридъ выдвигаетъ новыя обвиненія противъ Никона. — Никонъ о лжепророкахъ цезарепапистахъ. — О власти удерживающей. — Цезарепапизмъ — отъ духа Антихриста. — Помощь Патріарха царю — быть царемъ православнымъ. — О природѣ послушанія царя Патріарху. Клятва 1652 г. — О превосходствѣ священства надъ царствомъ. — Критика Никономъ разныхъ теорій о соотношеніи духовной и свѣтской власти. Его теорія. — Никонъ о „Дареніи Св. Константина Великаго“. — Каждая власть происходитъ отъ Бога; ни одна не выше другой. — Въ церковныхъ дѣлахъ церковный законъ и Епископъ выше царя. — Каждая власть имѣетъ свой порядокъ и права отъ Бога и должна ихъ защищать. — Юридическое равенство властей, духовное превосходство власти духовной. — Никонъ о мѣрахъ самозащиты Церкви. Заявленіе протеста и духовныя наказанія. — Не должно повиноваться закону, противорѣчащему канону. — Возмездіе за нарушеніе правъ Церкви отъ Бога. — Никонъ и самъ отказывается исполнять государственный законъ, противорѣчащій церковному — Духовное оружіе царя въ борьбѣ со зломъ — христіанскія добродѣтели: смиреніе — прежде всего. — Праведность царя — основа прочности царской власти. Смысль ухода Никона въ Воскресенскій монастырь въ 1658 г. — Патріархъ — нравственная сдержка для царя. — Лигаридъ и Никонъ о правѣ обличенія царя. — Объ обязанностяхъ царя къ Церкви и ея представителямъ. — Значеніе отказа Никона въ прощеніи царю Алексѣю Михайловичу, какъ царю. — Никонъ обвиняетъ царя Алексѣя Михайловича въ томъ, что онъ пересталъ поступать, какъ подобаешь православному царю. — О времени Божіяго наказанія за нечестіе. — Никонъ указываетъ на современныя несчастія, какъ на Божія наказанія и предостереженія. — Уходъ Никона какъ мѣра протеста. — Источникъ Никоновой теоріи соотношенія властей: Св. Отцы. — Предшественники Никона (въ Россіи) въ ученіи о превосходствѣ священства. — Юридическая природа участія Никона въ государственныхъ дѣлахъ. — Чисто русское воспріятіе христіанства Никономъ. — Мнѣніе Каптерева о Никонѣ въ отношеніи ученія о царской власти. — Никонъ въ дѣлахъ смѣшаннаго характера, т. е. касающихся и Церкви и государства. — Никонъ прибѣгаетъ къ содѣйствию царя и въ чисто церковныхъ дѣлахъ. — Теорія симфоніи властей (духовной и свѣтской). Никонъ обѣимъ властямъ отводитъ доминирующее значеніе каждой въ своей сферѣ. — Нарушеніе симфоній въ 1658 и 1660 г. г. — О причинахъ ухода Никона. — Мнѣніе Соловьева, Пальмера, Горчакова и Бѣляева. — О поводѣ къ уходу Никона въ Воскресенскій Монастырь. — Никонъ о своемъ уходѣ въ Воскресенскій монастырь. — Царь и право Патріарха на обличеніе. — Сравненіе обличеній Св. Филиппа и Никона. — Нарушеніе симфоніи въ строѣ московскаго государства введеніемъ Уложенія и расцерковленія государства. — Смысль борьбы Никона въ свѣтѣ по слѣдующихъ мѣрѣ противъ Церкви. — Различныя мѣры Никона къ поддержанію церковнаго направленія въ правительствѣ и обиходѣ. — Сравненіе ученія Никона съ католическими писателями о соотношеніи властей. — Сравненіе ученія Никона съ протестантскими писателями. — Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго управленія передъ судомъ русской канонической науки. — Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго законодательства передъ судомъ русской канонической науки.

Борьба Никона съ политическимъ старовѣрствомъ, уклонившимся въ сторону цезарепапизма.

Патріархъ Никонъ, хотя не былъ теоретикомъ, разрабатывавшимъ вопросы права и каноники изъ чисто отвлеченнаго научнаго интереса, тѣмъ не менѣе онъ далъ послѣдовательное развитіе ученія по вопросамъ государственно-церковныхъ отношеній преимущественно съ той ихъ стороны, которая была выдвинута современной ему жизнью. Пока онъ былъ Патріархомъ, онъ не разрабатывалъ этихъ

вопросовъ, ибо былъ занятъ устройеніемъ Русской Церкви и государства, поскольку былъ призванъ къ государственному регентству; но, когда черезъ четыре года послѣ его ухода явилось стремленіе оправдать ту систему отношенія къ Церкви со стороны государства, которая являлась возрожденіемъ античной традиціи императора pontifex maximus, то онъ противопоставилъ ей другую теорію, въ основаніе которой были положены основы каноническаго церковнаго строя Православной Церкви съ одной стороны и то ученіе о царской власти въ ея отношеніи къ Церкви, которое выработалось на основѣ традиціи Вселенскихъ Соборовъ и Св. Отцовъ Церкви. Какъ извѣстно, пріѣхавшій въ Москву Газскій М-тъ Паисій Лигаридъ, явившійся идейнымъ руководителемъ партіи враждебной Никону, составилъ вопросы-отвѣты на разныя темы преимущественно церковно-правового характера съ нѣкоторой примѣсью вопросовъ государственно-правового свойства, съ цѣлью уясненія передъ сознаниемъ царя и придворныхъ бояръ положенія, созданнаго уходомъ П. Никона отъ управленія патріаршей кафедрой. Эти вопросы-отвѣты поражаютъ своимъ тенденціознымъ стремленіемъ во всемъ очернить Никона и выставить его невиданнымъ новаторомъ церковно-государственныхъ отношеній и, пожалуй, даже идейнымъ бунтовщикомъ противъ государственной власти, подрывающимъ ея основы. Самые вопросы-отвѣты были озаглавлены: „Обвиненія въ новыхъ обычаяхъ и разныхъ винахъ П-ха Никона, составленныя въ 30 вопросахъ боярина Симеона Лукьяновича Стрешнева и отвѣтахъ на оныя Газскаго М-та Паисія Лигарида“. Уже самое заглавіе наводитъ на мысль, что и въ вопросахъ церковно-государственныхъ противъ Никона была выдвинута та же точка зрѣнія священнаго status quo, которая отстаивалась партіей старины, то есть, вѣрнѣе, партіей, отстаивавшей церковные обряды, утвержденные Стоглавымъ Соборомъ 1550 года, противъ измѣненій, вводимыхъ Никономъ. Однако, предваряя наше изслѣдованіе, мы можемъ сказать, что какъ въ обрядовой реформѣ Никонъ по существу дѣла вводилъ не новостъ, а лишь возвращался къ старинѣ, зафиксированной въ древнихъ греческихъ книгахъ, такъ и въ вопросахъ церковно-государственныхъ онъ боролся съ той же порчей, вкравшейся въ Московскія политическія идеи послѣ половины XV вѣка и вылившейся въ политическое старовѣрчество, отстаивавшее создавшійся въ жизни уклонъ къ цезарепапизму. Тотъ фактъ, что хранителемъ Православія въ эпоху отпаденія въ унию Константинопольскаго императора, Патріарха и

русского Митрополита, оказался великий князь Московский, слишком содействовалъ возвышенію его значенія въ Церкви. А, если мы припомнимъ, что въ это же время, вскорѣ послѣ уніи, великий князь Московский заступилъ мѣсто Византійскаго императора, что съ установленіемъ фактической независимости Русской Церкви отъ Константинопольскаго Патріарха Московскіе Первосвятители потеряли опору для церковной независимости отъ своихъ великихъ князей, которую имѣли раньше въ Константинопольскихъ Патріархахъ, — то намъ ясно будетъ, что Московский великий князь становился *de facto* однимъ изъ главныхъ факторовъ въ церковныхъ дѣлахъ, имѣвшимъ возможность давить своимъ авторитетомъ и на іерархію.

Мы не хотимъ сказать, чтобы сознание особности церковнаго организма, какъ союза, имѣющаго свое законодательство, управление и судъ, совершенно померкло бы на Руси, чтобы Церковь настолько слилась съ государствомъ, чтобы принципиальное различіе было забыто. Соборы Церковные 1503 г. и 1550 г., напротивъ, показали, что Церковь умѣла отстоять себя отъ секуляризаціи своихъ имѣній во имя своего церковнаго закона. Однако, нельзя оспаривать того, что это различіе нерѣдко возможно лишь для взгляда, вооруженнаго юридическимъ анализомъ, и что въ дѣйствительной жизни, въ быту Церковь и государство переплетались настолько, что не всегда можно съ точностью опредѣлить, гдѣ кончались дѣйствія одного союза и начинались дѣйствія другого. Благочестіе Московскихъ государей только еще болѣе стирало *de facto* эти грани. Остановимся нѣсколько на этомъ смѣшеніи двухъ порядковъ, смѣщеніи, облегчавшемъ захватъ сильной стороной, то есть государствомъ, сферы церковной въ неподлежащей ему мѣрѣ. Въ этомъ хаосѣ отношеній, создавшемся ко времени царя Алексѣя Михайловича, тонко анализирующій умъ Никона произвелъ разграниченіе двухъ сферъ общежитія по ихъ внутренней природѣ и функціямъ ихъ по ихъ существу и источнику, а сильная воля его устремляется къ проведенію этого разграниченія, разбиваясь въ концѣ концовъ о косность, невѣжество и нецерковное отношеніе къ церковнымъ вопросамъ со стороны родовитаго боярства, представленнаго по преимуществу кн. Одоевскимъ, и боярства, родственнаго царю по женѣ и матери въ лицѣ бояръ Стрешневыхъ и Милославскихъ. Напрасно было бы утверждать, что это государственное засиліе было юридической нормой; напротивъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что норма была иная, именно теорія симфоніи властей, заимствованная изъ Юстиніанова кодекса въ Кормчую еще

до Никоновской редакціи и вошедшая тамъ въ 42-ую главу. Вотъ ея дословный текстъ: „Великая паче инѣхъ иже въ челоуѣцехъ еста дара Божія, отъ Вышняго дарована челоуѣколюбіи Божія, священничество же и царство: ово убо Божественнымъ служба, се же челоуѣческими владѣя и пекійся: отъ единого же итогожде начала обоя происходятъ челоуѣческое украшающіе житіе, якоже ничто же такъ бываетъ поспѣшнее царству сего ради, яко же святительская честь: о обоихъ самѣхъ тѣхъ присно вси Богове молятся; аще бо они непорочни будутъ во всемъ и къ Богу имуть дерзновеніе и праведно и подобно украшати начнутъ преданныя имъ грады, и сущія подъ ними будетъ согласіе нѣкое благо, все еже добро челоуѣчестѣй даруя жизни; сему быти вѣруемъ, аще священныхъ правилъ блюденіе сохранится, ихъ же праведно похваляеміи поклоняеміи самовидцы Божию Славу предаша апостоли и святіи отцы,охраниша же и заповѣдша“.

Надо было подробнѣе раскрыть теорію симфоніи, заключенную въ этомъ текстѣ. Вопросъ этотъ является краеугольнымъ, ибо всѣ контroversы, въ которые былъ вовлеченъ Патріархъ Никонъ, сходятся въ центральномъ пунктѣ въ вопросѣ о положеніи царя и Церкви, что въ свою очередь ставитъ насъ предъ вопросомъ о соотношеніи двухъ сферъ общежитія Церкви и государства и природы и полномочій. Въ свою очередь ученіе о царской власти у Никона есть слѣдствіе опредѣленнымъ образомъ понятой (т. е. въ строго православномъ смыслѣ) теоріи симфоніи. Разсмотрѣвъ его ученіе о царской власти, мы разсмотримъ его ученіе о Патріархѣ и его взглядъ на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича¹ и критику Никономъ постановленій Уложенія о церковномъ судѣ, управленіи и законодательствѣ. Эти вопросы познакомятъ насъ съ его взглядами на природу Церкви и ея полномочій и на характеръ отношеній ея къ государству.

Разсмотрѣвъ ученіе Никона о царской власти, мы сопоставимъ его ученіе съ нѣкоторыми ученіями по тому же вопросу у отцовъ Восточной Церкви съ одной стороны и съ другой стороны съ Западной церковной литературой среднихъ вѣковъ, а также съ ученіемъ нѣмецкой политической философіи 17 вѣка, давшей теоретическія основы для церковной реформы Петра I-го, для его *jus reformandi* въ Церкви.

¹ Не забудемъ, что власть Патріарха не была единоличной: при Московскомъ первосвятителѣ были Соборы изъ прилучившихся Архіереевъ для разсмотрѣнія вопросовъ текущихъ и такихъ, которые по каноническимъ правиламъ не могли рѣшаться единоличной властью первосвятителя, вродѣ суда надъ Архіереями.

Сравненіе царства съ священствомъ.

Никонъ говоритъ о царской власти большей частью въ сопоставленіи съ властью священства, разумѣя подъ послѣднимъ всѣ его іерархическія степени, и прежде всего устанавливаетъ, что существуютъ двѣ власти, духовная и свѣтская, происходящія отъ Бога, а не одна отъ другой; въ этомъ случаѣ остріе его направлено противъ той теоріи, которую ему противопоставилъ Паисій Лигаридъ, т. е. противъ цезарепапизма; обычно онъ сопоставляетъ обѣ власти и показываетъ превосходство священства надъ царствомъ въ духовномъ отношеніи, пользуясь нерѣдко буквально Златоустовскими выраженіями. Эти два порядка различны: „Развѣ это добро, что царь вѣроломно усваиваетъ себѣ чинъ священства? Ибо порядокъ священства — одинъ, а порядокъ царства — другой... Священство отъ Бога, а отъ священства цари получаютъ помазаніе на царство. Освященіе Моисеева священства послѣдовало, когда ликъ Моисея сіялъ при спускѣ съ горы. Моисей, по приказу Божьему, посвятилъ Аарона и его сыновей; это начало священства было не отъ людей къ людямъ, но отъ Самого Бога. Когда пришло время для исполненія стараго закона, Богъ послалъ Сына Своего. Господь помазалъ Іисуса Назорея Св. Духомъ и властью (Дѣян. X, 37, 38). Христосъ посвятилъ Своихъ учениковъ и Апостоловъ, говоря: Пріимите Духа Святаго, чьи грѣхи отпустите, тому отпустятся, и чьи свяжете, у того связаны. Пріятіе Духа Святаго даетъ ничто иное, какъ сообщеніе Божественной благодати и власти" (I, 225)¹, а въ другомъ мѣстѣ: „Видишь ли, нечестивый вопрошатель (обращается Никонъ къ Стрешневу), какъ священство имѣетъ свое начало не отъ человѣка, но отъ Самого Бога и ветхое священство и настоящее, и никоимъ образомъ не отъ царей, какъ думаешь ты? Но скорѣе отъ священства царство пріемлетъ и свое начало, какъ свидѣтельствуется чинъ коронованія. Священство во всѣхъ отношеніяхъ почетнѣе царства...." (I, 234). И Никонъ возстаетъ противъ того, что царь послѣ его ухода изъ Москвы распоряжается въ Церкви, назначая, помимо Никона, его замѣстителемъ Митрополита Питирима и другихъ духовныхъ лицъ на мѣста, какъ будто царь — источникъ правъ въ Церкви: „Ты говоришь, вопрошатель, что нашъ наияснѣйшій, наисчастливѣйшій царь поручилъ Никону надзоръ за всѣми церковными дѣлами и судами: это не царь поручилъ Никону эту власть, а благодать Святаго Духа, но царь разсматриваетъ эту

¹ Цитируемая въ предстоящихъ главахъ въ скобкахъ цифры означаютъ: римскія — томъ Пальмера, издаваемаго сочиненіе Никона „Раззореніе" на англійскомъ языкѣ, а арабскія цифры указываютъ страницу въ немъ.

благодать, какъ ничто, и нанесъ безчестіе Святому Духу и лишилъ ее силы, такъ что теперъ безъ приказа царя благодать Святаго Духа не можетъ дѣйствовать, и Епископы, по слабости своего пониманія, пишутъ теперъ: „Я посвятилъ или поставилъ такогото архимандритомъ, игуменомъ или пресвитеромъ и тому подобное, благодатью Святаго Духа и указомъ Великаго Государя". Такъ равно они готовы хоронить съ церковными молитвами нераскаянныхъ преступниковъ, повѣшенныхъ или казненныхъ за ихъ преступления, и читать молитвы при рожденіи за дѣтей, рожденныхъ въ грѣхѣ, и все по приказу царя. Что можетъ быть ужаснѣе этого.... Господь свидѣтельствуеетъ (Мѡ. 12, 31, 32): „Посему говорю вамъ: великій грѣхъ и хула простится человѣкамъ, а хула на Духа не простится человѣкамъ. Если кто скажетъ слово на Сына Человѣческаго, простится ему; а если кто скажетъ слово на Духа Св., не простится ему ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ". Кому же можетъ дать благодать Св. Духа тотъ, кто осмѣлился ругать Духа Святаго и считать ее безсильной прибавленіемъ словъ „и указомъ Великаго Государя". Не написано ли, что всякій избранный свѣтской властью низвергается вмѣстѣ съ посвятившимъ его? Но они ни на что не обращаютъ вниманія... Государь не боится этого, хотя ничего не можетъ быть страшнѣе, какъ оказаться неспособнымъ къ стяжанію прощенія и на землѣ, и на небѣ. Но онъ дѣйствуетъ, какъ если бы былъ великій понтифексъ: по его приказу посвящаютъ въ Епископы. Увы! Горе! Какое презрѣніе! Какое осужденіе за это! И кто освободитъ его отъ этого?" (I, 206, 207). Здѣсь Никонъ возстаетъ не на то собственно, что испрашивается согласіе царя на іерархическое поставленіе, ибо и самъ онъ въ чисто церковныхъ дѣлахъ дѣйствовалъ по соглашенію съ царемъ, а на то, что царь беретъ на себя инициативу въ рѣшеніи чисто церковныхъ вопросовъ безъ согласія находящагося въ живыхъ представителя церковной власти Патріарха Никона.

Источникъ царской власти и я ея освященія. Духовная и свѣтская власть независимы другъ отъ друга.

Царь получаетъ власть фактически мечомъ, но освященіе ея, царское имя получаетъ чрезъ епископское благословеніе, для котораго Епископъ есть источникъ. Законъ царскій никоимъ образомъ ни въ чемъ не можетъ нарушать законовъ духовныхъ, ибо въ духовныхъ дѣлахъ воля царская не можетъ быть поставлена выше духовныхъ законовъ, и въ отношеніи дѣла, по существу принадлежащаго Церкви, царь не можетъ поставлять или дѣйствовать безъ контроля духовной

власти. Равнымъ образомъ и Епископы и духовные каноны приказываютъ людямъ соблюдать царскіе законы. Ибо оба закона (и духовный, и свѣтскій) поддерживаютъ одинъ другой... Никто не можетъ противодѣйствовать канонамъ Церкви и законамъ царства и возражать, когда оба они утверждаютъ одно и то же. „Ты долженъ понять, что въ духовныхъ дѣлахъ, имѣющихъ дѣло со спасеніемъ души, Епископъ выше царя, и каждый православный обязанъ повиноваться Епископу, ибо онъ — отецъ нашъ въ православной вѣрѣ, которому ввѣрена забота о Церкви. Власть ихъ равная, и каждая имѣетъ свой собственный порядокъ установленный Богомъ; каждая изъ нихъ обязана поддерживать свой собственный порядокъ на свою отвѣтственность, и нѣтъ нормальнаго суда, передъ которымъ каждая изъ нихъ была бы отвѣтственна при нарушеніи этого порядка" (I, 254, 255). Въ этихъ словахъ яснѣе дня, что Никонъ различалъ обѣ власти по ихъ существу, обѣ сводилъ по происхожденію къ одному источнику — Богу, признавалъ ихъ самостоятельность въ осуществленіи своихъ функцій и считалъ, что гарантіей ихъ лояльности по отношенію другъ къ другу не можетъ быть какой либо обычный судъ, какъ не можетъ его быть въ государствѣ при дѣйствиіи высшихъ органовъ государственной власти¹. Но наказанія за такое нарушеніе надо ждать отъ Бога. „Богъ не пощадилъ ангеловъ, которые возстали противъ Бога, создавшаго ихъ Они пали. Такъ и теперъ тотъ, кто поднимается безумно противъ Бога и дѣйствуетъ не по благодати, данной ему, какъ царь, возносящійся властительски надъ епископскимъ (въ сферѣ Епископа) достоинствомъ, издавая приказы въ его сферѣ. Ибо власть царя — одно, а власть Епископа — другое. Но одна больше другой (въ духовномъ смыслѣ), какъ небо больше и превосходитъ земли, какъ видно изъ самыхъ молитвъ при посвященіи. Ибо Епископъ есть образъ Божій и сидитъ на тронѣ Божіемъ. Царю не дано ранга даже съ чтецами и субдіаконами, ни съ діаконами, еще менѣе съ Епископами. Но онъ помазанъ не царство этого міра. И благословеніе ему Богъ даетъ чрезъ Епископа" (I, 241). Если принять во вниманіе чинъ коронованія во времена Никона, то Никонъ былъ въ правѣ не вносить царскаго чина въ число іерархическихъ степеней, въ отличіе отъ того, какъ это было въ Византіи, гдѣ царь возводился въ санъ депутата, санъ равносильный діаконскому, — ибо въ Россіи только съ коронованіемъ

¹ См. Дюги у М. Зызыкина: Царская власть и законъ о престолонаслѣдіи въ Россіи, стр. 145.

Еоодора Алексѣевича послѣ исправленія богослужебныхъ книгъ царскій санъ возводится на степень священной іерархической степени, и царь впервые принимаетъ причащеніе подъ обоими видами раздѣльно, что допустимо только для чиновъ священной Іерархіи. Если мы сравнимъ молитвы при посвященіи царя и Епископа, то увидимъ и разнородность этихъ должностей. Въ молитвѣ при поставленіи Епископа читалось: „Ты, Господи, и сего явленнаго строителя святительской благодати сотвори же **подобника Тебѣ**, истинному пастырю, положившаго душу свою о овцахъ Твоихъ, наставника слѣпымъ, свѣта сущимъ въ тьмѣ, наказателя безумнымъ, свѣтильника въ мѣрѣ, яко да устройшь души, ввѣренныя ему въ настоящемъ семь житіи, предстанеть судищу Твоему непосрамленному и великую мзду пріимлять, юже уготоваль еси, пострадавшимъ о благовѣстіи Евангелія Твоего" (Актъ ист. IV, 10, 11).

Такъ, Епископъ названъ подобникомъ Божиимъ, но такихъ выраженій, говоритъ Никонъ, нѣтъ въ молитвахъ при поставленіи царя (I, 243). Тамъ говорится о молитвѣ недостойныхъ рабовъ Божіихъ о томъ, чтобы быть царю „на престолѣ правды", а „не на престолѣ величія Божіяго". „Препояшь его оружіемъ Святаго Духа, укрѣпи его руку, подложи подъ его ноги враговъ, посѣй въ его сердцѣ страхъ Божій", но не говорится „о жертвѣ" и подобіи Богу; говорится о „его милосердіи къ подданнымъ", о „сохраненіи въ чистой вѣрѣ", о томъ, чтобы онъ былъ „хранитель заповѣдей Св. Соборной Церкви", „стражемъ Церкви" (I, 250). При передачѣ скипетра Патріархъ говоритъ царю: „О, Божественно вѣнчанный царь, пріими отъ Бога скипетръ, который Онъ далъ тебѣ для управленія Россійскимъ царствомъ и храни его для блага твоей державы". Патріархъ благословляетъ царя и, беря его за правую руку, сажаетъ на царское мѣсто. „Смотриже, прибавляетъ Никонъ, умственный слѣпецъ, кто коронуетъ и кого, кто даетъ Божественныя права по твоему выраженію и кому, и какъ кто-либо можетъ дать что-либо тому, кто самъ получаетъ это отъ него" (I, 245). „Не царь кладетъ руку на голову Патріарха, а Патріархъ на голову царя, и царь склоняетъ свою голову во исполненіе долга своего". Здѣсь Никонъ утверждаетъ свое положеніе, **что благодать священства не можетъ имѣть источникомъ царскій приказъ.** „Ты говоришь, что царь облечь правомъ насъ, правомъ надзора надъ церковными дѣлами, чего самъ не имѣетъ. Ты видишь, кто антихристъ, кто — дѣти Божіи и кто дѣти сатаны. И теперь много антихристовъ, т. е. Митрополитъ

Крутицкій и подобные ему; духъ лжи — Митрополитъ Газскій и подобные ему" (I, 193). Митрополита Крутицкаго Питирима Никонъ клеймитъ за то, что онъ, будучи поставленъ Патріархомъ Никономъ замѣстителемъ на время его ухода, по приказу царя прекратилъ возношеніе имени Патріарха Никона послѣ его отъѣзда въ іюль 1658 г. въ Воскресенскій монастырь и сталъ управлять Церковью совершенно независимо отъ него; а Митрополитъ Газскій явился съ проповѣдью цезарепапизма въ Россію безъ всякаго соотвѣтствующаго каноническаго полномочія отъ своего Патріарха и безъ всякаго права учить въ чужой епархіи. А что сравненіе двухъ властей происходитъ именно съ духовной точки зрѣнія, ясно изъ словъ Никона: „Царь отпускаетъ денежные долги, а священникъ грѣхи. Одинъ дѣйствуетъ принужденіемъ, другой утѣшеніемъ; одинъ употребляетъ матеріальное оружіе, другой — духовное. Одинъ имѣетъ войну съ своими врагами, а другой съ властью вѣка сего. Удивительно долготерпѣніе Божіе, когда не только царь восхитилъ на себя епископское достоинство, но его сторонники (бояре) дѣлаютъ то же" (I, 134). Никонъ разумѣетъ, что всѣ назначенія на духовныя должности идутъ отъ Монастырскаго Приказа, гдѣ засѣдали въ 60-хъ годахъ XVII вѣка уже одни свѣтскіе люди, хотя въ началѣ его дѣятельности въ 50-хъ годахъ въ его составъ входили и духовныя лица, назначавшіяся, впрочемъ, свѣтскою властью. **„Царь имѣетъ несомнѣнно власть давать права и почести, но въ границахъ поставленныхъ Богомъ, но не духовную власть Епископамъ и архимандритамъ и другимъ духовнымъ лицамъ: вещи духовныя подлежатъ рѣшенію Бога, а земныя царю" (I, 555).** Здѣсь мы опять видимъ, что Никонъ не только различаетъ двѣ власти, но и сферу каждой опредѣлилъ соотвѣтственно съ природой каждой власти, примѣняя тотъ же методъ, какъ въ наше время Проф. Заозерскій при опредѣленіи полномочій церковной власти. Поставленіе духовныхъ лицъ есть передача имъ опредѣленныхъ правъ духовной власти въ опредѣленной мѣрѣ: поэтому **не дѣло царя издавать здѣсь односторонніе безъ согласія представителя Церкви указы.** „Ты, отвѣтотворче, говоришь, что Богъ поставилъ иныхъ Апостолами, иныхъ пророками; Онъ не далъ, вѣдь, всѣхъ даровъ одному, чтобы человекъ не возгордился и тѣмъ не изьялъ себя отъ дѣйствія Благодати. Посмотри же, лицемѣрь, уставы Апостольскіе, какъ они перечисляютъ отдѣльные дары, и какъ они говорятъ: **въ какомъ призваніи человекъ призванъ, въ томъ пусть и живетъ. Какъ же**

царь, забывая, что онъ долженъ быть образцомъ, несмотря на то, восхищаетъ священство?

Ты самъ цитируешь Іезекиіля 28, 17: „Отъ красоты твоей возгордилось сердце твое, отъ тщеславія твоего ты погубилъ мудрость твою: за то Я повергну тебя на землю, предъ царями отдамъ тебя на позоръ". Какъ можешь примѣнять это къ намъ, когда мы ушли отъ зла согласно Божьей Заповѣди и всѣхъ святыхъ. Не видишь ли, человѣкоугодниче, чье сердце надмилось? (I, 281).

Кому ввѣрена Церковь?

„Не царю или князю времени ввѣрена Церковь, строители которой были Божественные Апостолы, принявшіе лицомъ къ лицу въ Таинствѣ Тѣла и Крови Христовой чистое и вѣрное единеніе" (I, 555). Но, если внутреннія церковныя дѣла — обязанность Епископовъ-строителей Церкви, то забота о внѣшнемъ положеніи Церкви — долгъ царя: „Самая главная обязанность царя — забота о Церкви, ибо владѣніе царя никогда не можетъ быть прочно утверждено и быть благоденственнымъ, когда не установлено твердо положеніе его матери-Церкви Божіей, ибо Церковь Божія, всеславнѣйшій царь, есть твоя мать, и, если ты обязанъ почитать мать природную, родившую тебя, то ты тѣмъ паче долженъ любить твою духовную мать, которая возродила тебя въ Св. Крещеніи и помазала тебя на царство елеемъ и хризмой радованія. А вы слышали, отвѣтотворче и вопрошатель, что такое Церковь и что такое основаніе Церкви, и что такое стѣны и ея глава? Послушай, обманщикъ, Ап. Павла, законодателя Церкви Божіей и онъ перечислитъ тебѣ шагъ за шагомъ постановленія Св. Церкви (1 Кор., 12, 28—31): итакъ, Богъ поставилъ въ Церкви Апостоловъ, пророковъ, учителей; далѣе, инымъ далъ силу чудодѣйствовать, также дары исцѣленія, вспоможенія, управленія, разные языки. **Всѣ ли Апостолы, всѣ ли пророки, всѣ ли учителя, всѣ ли чудотворцы? Всѣ ли имѣютъ даръ исцѣленія, всѣ ли говорятъ языками? всѣ ли истолкователи? Ревнуйте о дарахъ большихъ, и я покажу вамъ путь превосходнѣйшій".** Видишь ли ты священную градацію? Почему же не названъ царь на первомъ мѣстѣ ради высоты царской власти? Для всякаго надо знать свою мѣру: „Каждый оставайся въ томъ званіи, къ которому призванъ" (1 Кор. 7, 20) (I, 123). Каждая власть призывается Никономъ осуществить свои благодатные дары, и царь, помазанный на царство, дол-

жень управлять царствомъ, а не Церковью; вопреки теоріи цезарепапизма, онъ считаетъ, что власть его не безгранична и не можетъ простираться на тотъ союзъ, гдѣ законъ даетъ Христось и Его Апостолы съ ихъ преемниками.

Царь не глава или правитель Церкви. „Гдѣ есть какое либо слово Христа, что царь имѣетъ власть надъ Церковью?" Христось говоритъ: вся власть дана Мнѣ на небеси и на землѣ, и въ другомъ мѣстѣ: кого свяжете на землѣ, будетъ связанъ на небеси. **Но кому дана такая власть? Ты слышалъ, что Апостоламъ и ихъ преемникамъ Епископамъ, но не царямъ; царю поручены дѣла этого міра, а намъ вручены небесныя дѣла.** Царю поручены тѣла, но священникамъ души людей. Царь отпускаетъ денежные долги, а священникъ грѣхи. Одинъ принуждаетъ, другой утѣшаетъ. Одинъ воюетъ съ врагами, другой съ началами и правителями тьмы вѣка сего. Поэтому и священство много выше царства. Чудо, что милосердіе Божіе такъ долготерпѣливо, когда царь не только восхитилъ на себя епископство, но и всѣ его слуги дѣлаютъ то же. Ты слышалъ, какъ въ старое время пали возставшіе противъ Аарона Даѳанъ, Авиронъ и Корей (Пс. 105, 16—18). Послушай, что случилось съ Сауломъ, первымъ царемъ Израильскимъ, и слово Божіе сказало Самуилу: Я раскаялся, что послалъ Саула на царство, ибо онъ пересталъ слѣдовать Мнѣ? Что же сдѣлалъ Сауль, что отъ него отвергся Богъ? Онъ, говоритъ, не послѣдовалъ Моимъ совѣтамъ" (1 Цар. 15, 10—28) (I, 129). „Видишь ли, отвѣтотворче, это — Слово Божіе, а не слово человѣческое: „Я сдѣлалъ тебя правителемъ надъ племенами Израиля и помазалъ на царство Израиля, а „не приносить жертвы и всесожженія", уча на всѣ будущія времена, что священство выше царства, и, что желающій большаго теряетъ и свое? Или этого тебѣ недостаточно? А царь Озія?" Мы постоянно встрѣчаемъ у Никона угрозу Божіимъ гнѣвомъ за правонарушенія царя, за вторженіе его въ святая святыхъ Церкви. Онъ не только не взываетъ къ человѣческимъ санкціямъ противъ злоупотребленія царской власти, но **опредѣленно говоритъ, что противъ нихъ нѣтъ человѣческой власти, но есть гнѣвъ Божій,** какъ въ цитируемыхъ имъ словахъ Самуила къ Саулу: „Не ворочусь я съ тобою, ибо ты отвергъ Слово Господа, а Господь отвергъ тебя, чтобы ты не былъ царемъ надъ Израилемъ" (1 Цар. 15, 26). И Никонъ безмѣрно возмущенъ тѣмъ, что Паисій Лигаридъ, не имѣвшій полномочій отъ духовныхъ властей (онъ былъ еще въ 1660 г. низвергнутъ изъ сана, а въ

Москву приѣхаль въ февралѣ 1662 г.), явился поучать въ Москвѣ и выступать по царскому полномочию въ переговорахъ съ нимъ, да еще по вопросамъ духовнымъ. И Никонъ пишетъ ему (I, 165): „Зачѣмъ же ты, святотатець, не слушаешь Писанія, но воздымаешься гордостью и узурпируешь не порученное тебѣ? Послушай Писаніе: тамъ Господь говорить: Я знаю, кого Я избралъ. Кто же тебя избралъ и поставилъ на высоту того, чего ты не достоинъ? Если ты скажешь, что царь приказалъ тебѣ то ты уже видѣлъ, что написано выше. **А теперь знай, что всякій получающій власть въ Церкви черезъ свѣтскую власть низвергается** (Ап. пр. 30), и ты обманываешь себя, когда говоришь: царь приказалъ мнѣ. Ты уже видѣлъ, что надъ царями есть высшій Царь — Христосъ, Который наказываетъ за такія нарушенія... Можетъ, ты думаешь, что я одинъ анаѳематствую тебя, но я не одинъ, но также и Богъ (Матѳ. 25, 41, 42). Тогда скажетъ Онъ тѣмъ, которые по лѣвую сторону: идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Ибо алкалъ Я, и вы Мнѣ не дали ѣсть". И если прокляты отъ времени не давшіе ѣсть голодному, то насколько болѣе прокляты грабители и отбирающіе то, что принадлежитъ другимъ?" (I, 165). Въ данномъ случаѣ право учить въ Московскомъ Патріархатѣ никоимъ образомъ не могло принадлежать Лигариду, ибо онъ и не былъ отпущенъ своей канонической властью и не былъ принятъ Московской церковной властью, а, какъ угодившій боярамъ, враждебнымъ Никону, былъ уполномоченъ только царемъ; его цезарепапистское ученіе Никонъ называлъ ложью и челоуѣкоугодничествомъ, а самого его сыномъ Сатаны. „Не Царю или князю міра обручена Церковь, строители коей были Апостолы" (I, 556). Никонъ съ отвращеніемъ относится ко всякимъ даже внѣшнимъ проявленіемъ цезарепапизма и пишетъ: „Предъ царемъ многіе кричали: ты — Богъ земной". И государь никому не запрещаетъ говорить это. Никонъ говорилъ царю, когда былъ въ Москвѣ, и послѣ ея оставленія, чтобы онъ запретилъ на будущее время такъ себя называть. Но царь молчалъ. Онъ не слушалъ тѣхъ, кто говорилъ подобно Давиду: нашъ Богъ на небеси. Онъ не поревновалъ князю Апостоловъ, о которомъ написано въ Дѣянїяхъ 14, 11—18. Апостолы были чисты отъ гордости и не только не желали почестей, но обезпокоивались, когда она имъ воздавалась: (2 Кор. 3, 5; 2 Кор. 6, 14). **Что это за соединеніе царя и Бога?** Послушай, новый Арїй (Лигаридъ)! Одинъ мудрецъ сказалъ: что есть царь. Онъ царь сегодня, а завтра умираетъ, онъ — наслѣдіе ползучихъ животныхъ и червей. Начало

гордости тогда, когда человекъ отходить отъ Бога, и когда сердце отворачивается отъ Творца, ибо гордость есть начало грѣха, и тотъ, кто ее имѣетъ, распространяетъ омерзѣніе (Прем. Сына Сирах. 10, 10—15). За это Богъ напускаетъ зло и разрушаетъ. Богъ сказалъ царю Вавилонскому, уподобившему себя Богу и говорившему: Это ли не величественный Вавилонъ, который я построилъ силой моего могущества и во славу моего величія. „Тебѣ говорятъ, царь Вавилонскій, царство отошло отъ тебя" (I, 401), и Никонъ цитируетъ Іезекіиля 28, 1—9, гдѣ царству ставится угроза гибелью за гордость царей, и Дѣян. 12, 21—23 о смерти царя Ирода за невозданіе славы Богу.

И противъ другого внѣшняго проявленія неограниченной власти царя возражалъ Никонъ, за то, что на двуглавом орлѣ нарисованъ былъ царь верхомъ на лошади съ надписью пророчества Соломона о Христѣ, отнесеннаго къ царю на переплетѣ Острожской Библии. „И ты пишешь: Почему орелъ представленъ двуглавымъ? Потому что онъ простирается и въ церковную и въ свѣтскую сферу. Вотъ отвѣтъ: **Вѣрно, что Царское Величество вознесся надъ Церковью, вопреки Божественнымъ Законамъ, превознося идею собственнаго достоинства, но не по какому либо Божественному закону.** И онъ не остановился здѣсь, но гордо воздымается противъ Бога полетомъ орла на щитѣ, недавно сдѣланномъ въ 1663 г. На немъ представленъ двуглавый орелъ, и на орлѣ царь верхомъ на лошади съ богатѣйшей добычей, а надъ нимъ надписано пророчество Соломона о Христѣ, которое царь снесъ къ себѣ. Слова эти изъ 3-й главы Пѣсни Пѣсней: „Войдите и посмотрите, дщери Сіона, на царя Соломона въ вѣнцѣ, которымъ увѣнчала его мать въ день бракосочетанія его, въ день радостный для сердца его". Есть тамъ и другой текстъ изъ Писанія, въ которомъ Исаія говоритъ о вѣчномъ царствѣ Христовомъ. „Вотъ праведный царь будетъ царствовать по правдѣ", и въ другомъ мѣстѣ: „Я установилъ царя правды; всѣ шаги Его прямы, онъ будетъ защищать мой городъ". Но все это Исаія пророчествовалъ не о царѣ Алексѣѣ, а о Царѣ Царей, Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ" (I, 555). **Царь связанъ Божиими заповѣдями и правилами Христовой Церкви, которыя установлены благодатью Духа Святаго черезъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ. Лишь соблюдая ихъ, какъ всякій православный христіанинъ, онъ очищается отъ страстей своихъ, и Его слово только тогда становится орудіемъ Божиимъ.** Никонъ пишетъ (I, 554): „Ты говоришь, что царь можетъ назначать архимандритовъ и всѣ церковныя власти, что это — одна изъ царскихъ привилегій, и

это обычай народовъ, чтобы онъ распредѣлялъ эти должности. Ты (Лигаридъ) и здѣсь солгаль, какъ лжешь всегда, будто это — привиллегія царей. **Нигдѣ въ царскихъ (Византійскихъ) законахъ не сказано, что Царю подобаеъ выбирать Епископовъ ли архимандритовъ или другихъ клириковъ, но есть совершенно противоположныя постановленія въ канонахъ Св. Апостоловъ, св. отцовъ и въ царскихъ законахъ по этому предмету.** Прочитай 30 Апостольское Правило, 13 Лаодик., VII Вс. Соб. 3 и 19 Антиох. Всякаго, кто окажется избраннымъ свѣтскими правителями, Божественные каноны не признають и извергають. И тѣхъ, которые избрали бы таковыхъ, хотябы это былъ и царь, подвергаютъ покаянію, и тѣхъ, которые были бы посвящены Епископами, такъ избранными, — считать непосвященными и крещенныхъ некрещенными. Всякій долженъ знать свою мѣру. Сауль принесъ жертву но потерялъ царство; Озія, воскурившій ѳиміамъ въ храмѣ, получилъ проказу. **Хотя ты и царь, но оставайся въ предѣлахъ своихъ. Скажешь ты, что сердце царевы въ руцѣ Божіей? Да, но тогда сердце царевы въ Божіей, когда царь пребываетъ въ границахъ, поставленныхъ ему Богомъ.** Такъ сказала Господь Саулу черезъ Самуила: „Ты отвергъ Слово Божіе, и Онъ отвергъ тебя отъ царства надъ Израилем“.

О церковныхъ законахъ.

А о природѣ церковныхъ законовъ, ихъ происхожденіи, Никонъ повѣствуетъ въ обращеніи къ боярину Кн. Одоевскому, главному составителю Уложенія, по поводу изданія гражданскихъ законовъ, вторгающихся въ Церковь вопреки канонамъ, почитая такое дѣяніе пятнаніемъ Церкви Христовой, ибо „Церковь есть не стѣны, не храмы, а законы церковные (I, 534—539): видишь ли ты Церковь? И что такое Церковь? И какъ Христосъ помолвилъ ее съ Собой и очистилъ ее? Тогда зачѣмъ же ты запятналъ ее прелюбодѣяніемъ, исказилъ и обезчестилъ всѣ ея священные законы и въ ничто поставилъ и осквернилъ ея Главу Христа? Какъ говоритъ Апостоль: „Глава жены мужъ, и онъ есть спаситель тѣла, какъ учитъ Христосъ Спаситель: какъ вы хотите, чтобы люди поступали съ вами, такъ и вы поступайте съ ними“. Хотѣлъ ли бы ты, чтобы твой слуга унизилъ жену твою прелюбодѣяніемъ, даже, если бы ты ничего тягостнаго не переносилъ за нее и не проливалъ бы за нее кровь, какъ дѣлалъ Христосъ? Какого бы наказанія не пожелалъ ты наложить на такого беззаконнаго и дурнаго слугу? Я думаю, что ты

не оставилъ бы такового въ живыхъ. И какъ старый законъ приказываетъ таковыхъ побивать камнями, такъ и гражданскій законъ ихъ наказываетъ смертию. **Но ты унижилъ прелюбодѣянiемъ жену Царя, жену Агнца, не имѣющаго скверны или порока или нѣчто отъ таковыхъ...** Ты изъ зависти нападаешь на Церковь и борешься противъ Бога, ибо ты ослѣпленъ завистью къ благодати, данной твоему брату. А какъ интересъ Церкви связанъ съ его искусствомъ, то съ его паденiемъ онъ нарушается. Ты дѣлаешь сатанинское дѣло, строя заговоръ противъ тѣла Христова, ибо, какъ тѣло и голова — одинъ человекъ, такъ Церковь и Христосъ — едино. Слушай: **откуда законы церковные? Они — свѣше отъ Бога и говорятъ съ небесъ; основанiя стѣны — благословенные Апостолы, на которыхъ основана Церковь Божiя, но стѣна Церкви есть Самъ Христосъ. И зачѣмъ же ты стараешься разрушить стѣну Церкви, которая есть Христосъ? Свѣтъ Церкви есть Христосъ, почему же ты, который есть темнота, тушишь его? Но она основана на скалѣ, и врата адовы не одолѣють ю. Архангелъ Гавриилъ свидѣтельствуешь, что царству Его не будетъ конца, зачѣмъ же ты кладешь конецъ царству Христову беззаконнымъ кодексомъ такъ, чтобы явилась власть князя мiра сего? Но, если другой приходитъ, то этотъ другой никто, какъ Антихристъ. На Апостоловъ въ день Пятидесятницы сошли огненные языки, и они заговорили на разныхъ языкахъ. Видишь ли ты теперь, откуда явилось Евангелiе, что оно пришло съ небеси, и какъ Апостолы сдѣлались мудры не сами собой, но по наитiю Святаго Духа? Но и послѣ такого дара и прiятiя Святаго Духа Апостолы не переставали свидѣтельствовать отъ закона и пророковъ (Дѣян. 2, 14—18). Почему же ты не принимаешь заповѣди Божiей и Его святыхъ учениковъ и Апостоловъ? Видишь, что не своей властью или благочестiемъ дѣлали все Апостолы, но благодатью Святаго Духа свѣше? Князь Апостоловъ учитъ, что праведно слушать Бога болѣе нежели людей. (Дѣян. IV, 19), но ты не слушаешь избраннаго сосуда Христа, проповѣдника Божественной тайны (Апостола Павла), говорящаго: „Кто не имѣетъ Духа Христова, тотъ не Христовъ..." Какъ же ты возмечталъ о себѣ и не слѣдуешь Евангелiю Христа и Его св. учениковъ и Апостоловъ 12 главныхъ и 70 другихъ и съ ними семи Вселенскихъ и девяти Помѣстныхъ Соборовъ, которые ты отвергъ и не только отвергъ, но и оклеветалъ". Мы не будемъ сейчасъ входить въ подлежащiй разборъ критики Никономъ Уложенiя, но обратимъ вниманiе, что въ его представленiи Церковь есть особое**

учрежденіе, Богомъ установленное, съ особыми законами, изданными свыше по благодати Духа Святаго черезъ Апостоловъ, и что въ этомъ учрежденіи неприемлемы законы, не соотвѣтствующіе его основамъ, тѣмъ болѣе исходящіе отъ власти посторонней, какой является власть государственная. Никонъ не касается здѣсь вопроса, всѣ ли законы Церкви Божественны, нѣтъ ли среди нихъ и законовъ человѣческихъ, обусловливаемыхъ земными условіями мѣста и времени, но онъ устанавливаетъ принципъ, что въ Церкви есть неизмѣнные Божественные законы, и что для нея неприемлемы законы имъ противорѣчащіе.

„Развѣ царь — глава Церкви? Нѣтъ! Глава Церкви Христосъ (Кол. I, 16—20). Но царь не глава и не можетъ ею быть, но есть одинъ изъ ея членовъ. Вслѣдствіе этого онъ не можетъ дѣйствовать въ Церкви" (1, 129). Если бы кто увидель царя въ своихъ царскихъ одеждахъ служащимъ, какъ священникъ, литургію или дѣлающимъ что либо, принадлежащее къ священству, то кто же бы могъ такой актъ назвать правильнымъ и соотвѣтственнымъ, если онъ не сумасшедшій? Какъ же ты, безумный отвѣтотворче, говоришь, что главное дѣло царей — управленіе Церковью?... Гдѣ Христосъ сказалъ, что царь имѣетъ власть надъ Церковью? (1, 129).

Объ участіи царя въ церковномъ управленіи. О правахъ царя по отношенію къ Соборамъ церковнымъ. О Соборѣ 1660 г.

Царь, мы видѣли, по Никону не имѣетъ права назначать самостоятельно духовныхъ лицъ, не имѣетъ права и самостоятельно созывать Соборовъ Епископскихъ. „37 Апост. Правило: дважды въ годъ Епископы собираются для церковныхъ дѣлъ и для вопросовъ вѣры". Смотри, отвѣтотворче, какъ говоритъ св. канонъ: „собираются", а не созываются царемъ или кѣмъ другимъ. Также говорятъ I Вс. Соб. пр. 5; IV Вс. Соб. пр. 194 Если вѣрно, что въ древности созывались Соборы благочестивыми царями, то это дѣлалось по просьбѣ Епископовъ, а не по приказу царя, какъ это теперь практикуется созывать приказомъ и принужденіемъ". Въ этомъ пунктѣ Никонъ возражаетъ противъ взгляда (1, 40) на Соборы, какъ на органъ царской власти по церковнымъ дѣламъ, и въ этомъ отношеніи сходится съ огромнымъ большинствомъ современныхъ канонистовъ. Одновременно Никонъ намекаетъ на Соборъ 1660 г., созванный въ его отсутствіе въ февралѣ 1660 г., когда онъ съ разрѣшенія царя уѣхалъ изъ Воскресенскаго монастыря въ Иверскій и Крестный монастыри, Соборъ, созванный царемъ для суда надъ Никономъ вопреки 75 апост. правилу, требующе-

му для суда надъ Епископомъ его троекратнаго вызова. Никонъ былъ строгъ самъ въ исполненіи церковныхъ законовъ и требоваль соблюденія ихъ отъ другихъ. **Такъ онъ обратилъ вниманіе на допросъ свидѣтелей на Соборъ 1660 г.**, допросъ, тенденціозность котораго въ исторической наукѣ впервые доказана Пальмеромъ и проф. Николаевскимъ и совершенно опорачиваетъ цѣнность многихъ свидѣтельскихъ противъ Никона показаній объ уходѣ Никона изъ Москвы 10 іюля 1658 года, показаній, на основаніи коихъ судилъ не только Соборъ 1660 г., не приведенный въ исполненіе вслѣдствіе несогласія между судьями о подсудности Патріарха и о наказаніи за оставленіе паствы, но и осудившій Никона Соборъ въ декабрѣ 1666 г. Никонъ указаль на полное отсутствіе свободы дѣйствій Собора 1660 г., составленнаго и руководимаго по пристрастію заинтересованнымъ царемъ. „Когда я больной ради нужды своего существованія уѣхаль въ Иверскій и Крестный монастырь, то царь приказаль однимъ своимъ приказомъ (безъ духовной власти) созвать Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и, созвавъ ихъ, говорилъ о нашемъ уходѣ въ такихъ выраженіяхъ, какъ ему было угодно, и послаль свитки свидѣтельскихъ показаній о моемъ уходѣ, заготовленныхъ имъ, въ Крестовую Палату Патріаршаго Дворца. Кто допрашиваль каждого изъ свидѣтелей, не написано, но надо полагать, что самъ великій государь или какой либо бояринъ допрашиваль и руководилъ слѣдствіемъ. Но не написано, по какому правилу Св. Апостоловъ и св. отцовъ допрашивался, а есть постановленіе о созывѣ Соборовъ въ 37 Ап. пр., VI Вс. Соб. 8 пр. **Правило 6-е или 5-е II Никейскаго Собора приказываетъ, чтобы Соборы всѣхъ Епископовъ собирались однажды въ годъ, но не говорится, что царь долженъ былъ ихъ собирать.** Также и I Вс. Соб. пр. 5; 12 Ант. пр.; 39 Лаод. И 30(18) Карѳ. Вездѣ одинаково говорится: „Собираются". **Нельзя найти примѣра послѣ Вселенскихъ Соборовъ, въ которыхъ бы царь созываль Соборъ...** А этотъ Соборъ я могу назвать не только жидовской синагогой, но и діавольской, такъ какъ онъ созванъ не по канонамъ, а затѣмъ въ своихъ дѣяніяхъ его члены дѣйствовали по царскому Указу въ угоду царю. Соборъ былъ созванъ царскимъ Указомъ, и все дѣлалось по царскому Указу, какъ написано и въ Дѣяніяхъ Собора, и засвидѣтельствовано подписью его членовъ съ Евангеліемъ во свидѣтельство и ихъ собственными языками. Канонъ 104 Карѳаг. Собора гласить: „Всякій Епископъ, прибѣгающій къ свѣтскому суду ца-

ря, низвергается", а канонъ 106: „Тотъ, кто по какому либо необходимому дѣлу желаетъ идти къ императору, долженъ увѣдомить о томъ Карѳагенскаго Епископа и Римскаго и взять отъ нихъ отпускную грамоту; иначе пусть будетъ отлучень". Но если даже тотъ, кто ищетъ для себя **царскаго суда, низвергается, то насколько же болѣе незаконно для царя созывать своимъ собственнымъ Указомъ Епископовъ для суда?"** (1, 102).

Объ участіи царя въ церковномъ управленіи. О повышеніи ранга епископской каѳедры.

И по другому коренному вопросу церковнаго управленія о повышеніи ранга епископскихъ каѳедръ, также, какъ и всегда, вооруженный канонами, Никонъ доказываетъ, **что повышать рангъ каѳедры — не компетенція царя.** Онъ указываетъ на общее 38 пр. VI Вс. Соб. „Если какой либо городъ построенъ или будетъ построенъ вновь впослѣдствіи царемъ, то порядокъ церковныхъ дѣлъ долженъ слѣдовать гражданскимъ законамъ". Никонъ говоритъ **объ учрежденіи у насъ патріаршества, какъ примѣръ самостоятельности духовной власти.** „Въ соборномъ актѣ при Θεодорѣ Іоановичѣ, пишетъ онъ (1, 45), говорится, что освященный Соборъ и бояре говорили царю о необходимости Обращенія къ Патріархамъ по поводу учрежденія патріаршества, чтобы не подумали другіе, особенно латиняне и другіе еретики, что Патріаршій Престоль воздвигается въ царствующемъ градѣ Москвѣ только властью царя, и благочестивый царь внялъ имъ. И хотя онъ могъ устроить это своей властью, т. е. возвысить въ рангѣ Московскую каѳедру, **онъ рѣшилъ подчиниться волѣ Божіей, какъ она открыта въ канонахъ Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ, и совѣту Епископовъ, ибо онъ почиталъ священство выше царства т. к. священники стоятъ предъ алтаремъ и своими руками приносятъ непорочнаго агнца. Согласно Божественному Писанію, чтить священниковъ значитъ чтить Высочайшаго Бога, ибо часть священническая восходитъ къ Богу не по естеству (substantially), — Богъ запрещаетъ такъ мыслить, — но вслѣдствіе великой милости, которая дана Христомъ Богомъ нашимъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ: „Слушающій васъ Меня слушаетъ, и слушающій Меня, слушаетъ пославшаго Меня, а отвергающій васъ отвергаетъ Меня, а отвергающій Меня отвергаетъ Пославшаго Меня."** Показывая себя превыше всего, какъ послушный Сынъ Церкви, царь далъ приказъ, согласно ихъ совѣту, и отправлены были грамоты отъ царя и Епископовъ къ четыремъ

Патріархамъ. Отвѣтъ былъ, что Святые Отцы опредѣлили кому либо изъ Патріарховъ идти въ Москву, если можно, то Константинопольскому, какъ занимающему высшее мѣсто" (I, 45).

Царь — образецъ послушанія церковнымъ законамъ для народа. Церковный законъ неприкосновененъ для государства. Апостасіи.

Никонъ тѣмъ паче требуетъ отъ царя ненарушенія церковныхъ законовъ, что царь, не дисциплинируя себя, разрушаетъ свой собственный народъ (I, 554). Такимъ образомъ, санкціей послушанія Церкви должна быть забота о благѣ его собственнаго народа. **Но царь не только лично долженъ быть образцомъ ихъ соблюденія, но и въ законодательствѣ государственномъ не допускать отступничества отъ нихъ.** Отступничество государственнаго закона отъ церковныхъ нормъ въ смыслѣ ихъ разрушенія Никонъ разсматриваетъ, какъ поклоненіе государства передъ антихристомъ. Этотъ антихристъ не сатана, но человѣкъ, который получить отъ сатаны всю силу дѣйствія. **Откроется человѣкъ, который вознесется надъ Богомъ, и онъ будетъ противникомъ Бога и разрушитъ всѣхъ боговъ и прикажетъ поклоняться себѣ вмѣсто Бога, и онъ сядетъ не въ храмъ Іерусалимскомъ, но въ Церквахъ, выдавая себя за Бога.** Какъ Мидійская имперія была разрушена Вавилономъ, а Вавилонская Персидской, а Персидская Македонской, а Македонская Римской, такъ Римская должна быть разрушена антихристомъ, а онъ Христомъ. Эго открываетъ намъ пророкъ Даніиль. Если бы не пришелъ антихристъ, не повѣрили бы во Христа. Божественный Апостоль предупредилъ насъ о вещахъ грядущихъ, и онѣ для насъ наступили черезъ васъ и ваше злодѣйство (обращеніе къ составителю Уложенія князю Одоевскому). **Развѣ не явилась апостасія отъ Святаго Евангелія и отъ преданій Св. Апостоловъ и св. отцовъ?** (Никонъ разумѣетъ вторженіе черезъ Уложеніе свѣтской власти въ управленіе Церкви). Развѣ не обнаружился человѣкъ грѣха, сынъ погибели, который возносится надъ всѣмъ, что называется Богомъ, или чему поклоняются? Апостасія, ибо онъ погубитъ многихъ. И что можетъ быть болѣе разрушительно, чѣмъ оставленіе Бога и заповѣдей Его, какъ они предпочли преданія человѣческія, т. е. свой кодексъ полный злобы и лукавства? Но кто это? Сатана? Нѣтъ. Это — человѣкъ, принявшій дѣло Сатаны, который присоединилъ къ себѣ многихъ другихъ, подобныхъ тебѣ, составитель лжи, и твоимъ товарищамъ. Сидѣніе въ храмъ Божіемъ означаетъ не въ храмъ Іерусалимскомъ, но всюду въ Церквахъ. **И сидѣніе не буквальное во**

всѣхъ Церквахъ, но обладаніе властью надъ всѣми Церквами. Церковь — не каменные стѣны, но — церковные законы и пастыри, противъ которыхъ ты, апостать, поднялся, согласно дѣлу сатаны, и предоставилъ въ Уложеніи свѣтскимъ людямъ юрисдикцію надъ Патріархомъ, Митрополитами, Архіепископами, Епископами, и надъ всѣмъ духовенствомъ, **не имѣя мысли о дѣлѣ Божіемъ**. Какъ Господь сказалъ по одному случаю: отойди отъ Меня, сатана, **такъ какъ ты думаешь не о томъ, что Богу угодно, а людямъ**. Вы отца вашего діавола и похоти его творите. О такихъ Церквахъ Христосъ сказалъ: Мой домъ наречется домомъ молитвы, но вы сдѣлаете его притономъ разбойниковъ; какъ говоритъ Іеремія (7, 4): не полагайтесь на обманчивыя слова говорящихъ: здѣсь храмъ Господень. Какъ это — **храмъ Божій**, который подъ властью царя и его подчиненныхъ, въ которомъ они приказываютъ, что угодно? **Такая Церковь больше не храмъ Божій, но домъ тѣхъ, которые имѣютъ власть надъ нимъ** ибо, если бы это былъ храмъ Божій, то никто изъ страха Божія не былъ бы способенъ узурпировать власть надъ нимъ или отнимать что либо отъ него. Но что касается преслѣдованія Церкви, то Богъ открылъ объ этомъ Своему любимому ученику и лучшему богослову Іоанну" (I, 403-408). Это преслѣдованіе Церкви Никонъ усматриваетъ въ изданіи Уложенія съ его закономъ о подсудности всего духовенства государственному суду и во вмѣшательствѣ Монастырскаго Приказа не только въ судъ надъ духовными лицами, иногда и въ духовныхъ дѣлахъ, но и въ управленіе Церкви, въ смыслѣ финансовомъ и въ назначеніи на духовныя должности, а также въ конфискаціи части церковныхъ имѣній. Эти вопросы будутъ нами въ послѣдствіи обсуждаться подробно; для даннаго же момента намъ достаточно установить **положеніе Никона о полной самостоятельности Церкви, какъ Богомъ Установленнаго учрежденія, для управленія въ которомъ необходимо имѣть соотвѣтствующую благодать Апостоловъ, а не благодать на управленіе царствомъ**. Никонъ пишетъ: (1, 175) „Вотъ, глоссы на изгнаніе торжниковъ изъ храма на Марк. 11, 15-17. Глосса: онъ не просто ихъ выгналъ, но побилъ съ позоромъ кнутомъ, который Самъ сдѣлалъ. Онъ назвалъ храмъ притономъ воровъ за незаконное имъ завладѣніе", а въ другомъ мѣстѣ пишетъ глосса: „Такъ возненавидѣлъ Я вашу наглость, что собственный домъ не называю Своимъ домомъ, но вашимъ. Пока добродѣтель и любовь жили въ немъ, онъ былъ Моимъ домомъ, а съ тѣхъ поръ, какъ вы унизили его и сдѣлали его рынкомъ и притономъ

воровъ, столы, на которыхъ они продають голубей, опрокинуты, т. е. стоить главныхъ священниковъ, продающихъ духовные дары, ибо голубь есть символъ Духа, и посвящающій за деньги подлежить проклятію". Что же сказать о Митрополитѣ Питиримѣ, который въ епархіяхъ другихъ Епископовъ и по приказу царя и вельможъ совершаетъ посвященіе. Какого великаго проклятія онъ не заслуживаетъ, согласно тому, что избранный свѣтской властью низвергается вмѣстѣ съ посвятившимъ его! Но теперь Архіепископы, архимандриты и попы въ монастырѣ избраны самимъ царемъ, и Митрополитъ Крутицкій ихъ посвящаетъ" (I, 176).

Къ вопросу о самостоятельности Церкви Никонъ возвращается снова въ нѣсколькихъ другихъ, хотя близкихъ выраженіяхъ, когда онъ полемизируетъ съ Лигаридомъ по вопросу о томъ, можетъ ли царь послѣ ухода Никона замѣщать его кѣмъ либо на патріаршемъ престолѣ. Вопросъ этотъ для Лигарида съ его ученіемъ о царѣ, какъ источникѣ всякой власти, разрѣшался иначе, чѣмъ для Никона, для котораго Церковь была независимымъ отъ государства учрежденіемъ, непосредственно установленнымъ Богомъ. „Ты, вопрошатель, говоришь, совершилъ ли царь грѣхъ, что онъ допустилъ Церковь Божию остаться во вдовствѣ? Объясни мнѣ, что есть Церковь, и я тебѣ скажу: если не знаешь, я скажу тебѣ, что такое Церковь. Господь сказалъ: „Ты еси Петръ, и на семь камней созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолѣють ю“.

О Церкви: ея самостоятельность.

Но подъ Церковью Онъ разумѣетъ не мѣсто только, но известное нравственное состояніе, не стѣны Церкви, но церковные законы. Ибо Церковь — не стѣны и крыша, но вѣра и жизнь. Какимъ образомъ врата адовы не одолѣють ю? Потому что Христосъ съ нами. Ибо, конечно, если бы Онъ не былъ съ нами, Церковь не одолѣла бы, какъ удалось ей съ распространеніемъ Евангелія по всему міру чрезъ Св. Апостоловъ - основателей Церкви и сѣятелей Слова Евангелія. По истинѣ Апостолы — основаніе Церкви. Стѣна города имѣетъ 12 основаній, и на нихъ имена 12 Апостоловъ Агнца (Апок. 21, 14). Но основаніе стѣны, какъ мы говорили, благословеніе Апостоловъ, на которыхъ основана Церковь Христова, которыхъ имена вписаны въ нашихъ сердцахъ. Но великая стѣна Церкви, которая выше всѣхъ и покровительствуетъ находящимся внутри святаго города есть Христосъ и Онъ — Глава или куполь (Еф. 5,

23; Кол. 1, 18). Но кто ты, что говоришь неправильно: „Если царь не дѣлаеть (не замѣщаетъ патріаршей кафедрѣ послѣ ухода Никона) этого изъ нѣкоторыхъ основаній, и путемъ экономіи, по неизвѣстнымъ намъ основаніямъ, то онъ грѣшитъ не тяжко, т. е. не навлекая смертнаго грѣха, но не свободенъ отъ меньшаго грѣха простительнаго, ибо многіе соблазнены и приписываютъ его промедленіе нерадивости, какъ если бы онъ не оказывалъ дѣлу вниманія, а самая де главная забота царя о Церкви, ибо положеніе царя не можетъ быть прочнымъ, пока не установлено твердо положеніе Церкви". Но ты, отвѣтотворче, слышалъ съ своимъ вопрошателемъ, **что есть Церковь, и что есть основаніе Церкви, и что стѣны и Глава. Послушай ты, обманщикъ, законодателя Апостола Павла, законодателя въ Церкви, и онъ перечислитъ тебѣ членовъ Св. Церкви (1 Кор. 12, 28-31). „И иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви во первыхъ Апостолами, во вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями... „Почему же царь не названъ на первомъ мѣстѣ по высотѣ царской власти? Каждый долженъ знать свою мѣру (1 Кор. 7, 20-24), и Самъ Богъ свидѣтельствуеть о необходимости брачной одежды для участія въ брачномъ пиру (Мѡ. 22, 11-13); зачѣмъ же ты приводишь въ Божественный храмъ не имѣющаго брачной одежды?"**

Для управленія въ Церкви необходимы епископскія полномочія, а не отъ царя.

Такъ оспаривалъ Никонъ право царя управлять внутри Церкви, что усваивалъ ему Лигаридъ; но Никонъ для права въ Церкви требовалъ благодатныхъ полномочій Епископскаго сана, какъ это признаеть и современная каноническая наука. Это вторженіе онъ признавалъ за проявленіе антихристового духа обольщенія, духа отступленія отъ Бога; отступленіе и въ томъ, что **Епископы, оставивъ свое достоинство, поклоняются царю, какъ владыкѣ надъ собой въ духовныхъ дѣлахъ, и ищутъ отъ него почестей.** „Ты, злой вопрошатель, говоришь, что царь облекъ насъ надзоромъ за церковными дѣлами, которыми онъ самъ не владѣеть, и ты видишь теперь, кто антихристы, что есть духъ и что — духъ обольщенія. Даже теперь много антихристовъ: т. е. Митрополитъ Крутицкій и остальные подобные ему. Дѣти врага — ты и подобные. Духъ заблужденія — Митрополитъ Газскій и подобные ему. Послушай Павла во 2 Фес. 2, 3 (да не обольститъ васъ никто никакъ: ибо день тотъ не придетъ, доколе не придетъ прежде отступленіе, и не откроется чловѣкъ грѣха, сынъ погибели) и Матѡ. 24, 9-12. Изъ

этихъ словъ всякій можетъ понять, что это время характеризуется вещами, подобными тѣмъ, которыя происходятъ теперь."

Дѣйствіе Антихриста: властительство надъ Церковью свѣтской власти.

Что болѣе нечестиво чѣмъ то, что царь судитъ Епископовъ, восхищая на себя власть, которая не дана ему Богомъ? Гдѣ теперь послушаніе Слову Евангелія и соблюденіе Его Святыхъ Заповѣдей? Это — отступленіе отъ Бога. Мы видимъ дѣйствіе злобы антихриста, его слуги дѣйствуютъ подобно антихристамъ, т. е. какъ говорить Св. Іоаннь: даже теперь есть много антихристовъ, т. е. много противниковъ Бога, которые дѣйствуютъ противъ Его Евангелія и не только просто дѣйствуютъ, но они еще гордятся своимъ нечестіемъ. И онъ сядетъ, говоритъ онъ, въ Церкви Божіей, не въ той, которая въ Іерусалимѣ, но всюду его власть будетъ въ Церквахъ, такъ свидѣтельствуемъ Іоаннь Богословъ, говоря, что Антихристъ уже въ мірѣ. Но никто его не видѣлъ и не слышалъ чувственно, т. е. свѣтскія власти начнутъ въ нарушеніе Божественныхъ заповѣдей властвовать надъ Церковью Божіей. Ибо слово „тронъ" означаетъ имѣть церковную власть, а не просто сидѣніе... И онъ прикажетъ поклоняться ему не внѣшне или чувственно, но тѣмъ же способомъ, какъ теперь Епископы, оставляя свое священническое достоинство и честь, поклоняются царямъ, какъ своимъ владыкамъ. И просятъ ихъ обо всемъ и ищутъ отъ нихъ чести" (1, 193). Изъ послѣднихъ словъ цитаты видно, что Никонъ не только былъ сторонникомъ самостоятельности Церкви, но и не одобрялъ вліянія того тлетворнаго духа придворности, который давалъ такія отрицательные результаты еще въ Византійскомъ бѣломъ придворномъ духовенствѣ съ его духомъ чрезмѣрной „экономіи", приспособленія къ обстоятельствамъ и толкованіемъ каноновъ, идущимъ вплоть до ихъ уничтоженія, съ чѣмъ такъ боролся между прочимъ Св. Ѳеодоръ Студитъ.

Царь не компетентенъ в дѣлѣ суда надъ епископами - клириками.

Въ той же цитатѣ Никонъ упоминаетъ о недопустимости для царя судить Епископовъ. Объ этомъ онъ говоритъ много и подробнѣе въ другихъ мѣстахъ, и мы приведемъ это мѣсто, гдѣ онъ обосновываетъ свое положеніе канонами (1, 302, 303): „Тѣмъ, которые хотятъ быть судимы передъ свѣтскими судьями, будучи клириками или какогонибудь чина духовнаго, Апостоль говоритъ: осмѣливается ли кто изъ васъ, имѣя дѣло противъ другого идти на судъ передъ непра-

ведными, а не передъ святыми? Развѣ не знаете, что святыя будутъ судить міръ? Если же вами будетъ судимъ міръ, то неужели вы недостойны судить маловажныя дѣла?" (1 Кор. VI, 1, 2). Видишь ли, отвѣтотворче, что потомъ они будутъ судить міръ, а ты хочешь, чтобы теперь міръ судилъ ихъ? И какъ же кто сможетъ быть судимымъ тѣми, кого онъ самъ долженъ судить? „Если же вами будетъ судимъ міръ, то неужели вы недостойны судить маловажныя дѣла?" Это, говоритъ онъ, приноситъ вамъ стыдъ и несказанное униженіе. Не знаете ли вы, что мы будемъ судить ангеловъ, не тѣмъ ли болѣе дѣла житейскія? (1 Кор. VI, 3). Видишь ли ты великое превосходство чести священства? Если Павелъ говоритъ, что мы будемъ судить ангеловъ, а не только дѣла этого міра, то какъ можно для святыхъ принять судъ отъ свѣтскихъ лицъ? Поэтому, онъ говоритъ (1 Кор. VI, 4): „Когда вы имѣете житейскія тяжбы, поставьте судьями тѣхъ, которые, по крайней мірѣ уважаемы въ Церкви (1 Кор. VI, 5). Къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими? Если нѣтъ такого, то лучше оставить дѣло совсѣмъ..." По IV Вс. Соб. 9 пр. „если клирикъ имѣя тяжбу противъ другого клирика обратится къ свѣтскому суду, то подлежитъ каноническому наказанію. Клирики, имѣющіе что либо противъ Епископа, должны ждаты созыва Собора. Если Епископы имѣютъ что либо противъ Митрополита, они должны увѣдомить Константинопольскаго Патріарха". Толкованіе Кормчей (л. 38): „Клирикъ, имѣющій что либо противъ другого, не долженъ обращаться въ свѣтскій судъ, но только къ своему Епископу; если, оставляя своего Епископа, онъ обратится въ свѣтскій судъ, то наказывается по канонамъ. Равнымъ образомъ, если клирикъ, имѣющій противъ своего Епископа, долженъ идти къ Митрополиту этой провинціи; и когда всѣ Епископы этой провинціи соберутся на Соборъ къ Митрополиту, тогда дѣло будетъ разбираться въ Соборѣ передъ Митрополитомъ. Но, если Епископъ или клирикъ имѣетъ споръ съ Митрополитомъ, его дѣло долженъ судить Патріархъ, подъ которымъ стоятъ Епископы и Митрополиты всѣхъ провинцій этой области. Или онъ можетъ быть судимъ Патріархомъ Константинопольскимъ; но эта власть не дана никому изъ другихъ Патріарховъ ни канонами, ни гражданскими законами (т. е. судить Митрополита, подчиненнаго другому Патріарху), но только Константинопольскому Патріарху".

Означенныя ссылки Никона на самостоятельность церковнаго суда показываютъ, что онъ признавалъ Церковь имѣющей не только право самостоятельнаго законодательства и управленія, но и суда, — такъ же, какъ считаютъ это и современные канонисты, не слѣдующіе цезарепапистской теоріи. Правда, современная каноническая наука различаетъ судъ церковный въ чисто церковныхъ дѣлахъ по Божественному праву отъ суда церковнаго делегированнаго государствомъ, напримѣръ, въ дѣлахъ гражданскаго права и уголовнаго, и отъ суда Епископскаго посредническаго по гражданскимъ дѣламъ, бывшаго въ первые вѣка Христіанства, изъ котораго и родилась подсудность духовенства Церкви въ гражданскихъ дѣлахъ. Однако, и у Никона встрѣчаются выраженія, показывающія, что въ дѣлахъ церковнаго суда онъ, **если не вполне отчетливо, то все же чувствовалъ различіе оснований для подсудности Церкви разныхъ дѣлъ:** на это указываютъ нѣкоторыя его ссылки не на Божественныя права, а на историческую традицію, въ видѣ указаній на признаніе подсудности гражданскихъ дѣлъ духовенства суду церковныхъ учрежденій по уставамъ Св. Владиміра и Ярослава и на Стоглавый Соборъ, и это несмотря на то, что онъ прекрасно сознавалъ, что часть дѣлъ, подлежащихъ Церкви, во всякомъ случаѣ подлежатъ по праву Божественному ей, какъ учрежденію, основанному непосредственно Богомъ. **Объ основаніи церковнаго суда Никонъ пишетъ Стрешневу въ отвѣтъ на Лигаридовскую теорію, будто царь является основой всякаго церковнаго суда.** Вотъ, что говоритъ ему Никонъ (1,189-190): „Ты говоришь, что наяснѣйшій и всесчастливѣйшій царь поручилъ Никону надзоръ надъ всѣми церковными дѣлами и судами, т. е. что онъ далъ ему всѣ привилегіи, которыя далъ Константинъ Великій Папѣ ради своего великаго уваженія къ Римскому Папѣ Сильвестру. Равно де и Никону нашъ царь далъ много письменныхъ привилегій. Твой вопросъ полонъ сатанинскаго страха и гордости. Что касается полнаго благополучія царя, то объ этомъ нѣтъ надобности говорить; всѣ это знаютъ; каждый знаетъ, какую выгоду мы получили отъ царскаго благополучія; **но что касается того, будто царь поручилъ намъ надзоръ надъ всѣми церковными судами, то это просто богохульство и превосходитъ гордость Люцифера,** ибо онъ сказалъ: поставлю тронъ мой на небеса и буду подобно Всевышнему. А здѣсь онъ думалъ поставить власть даже надъ Богомъ. Ты говоришь, что наяснѣйшій государь поручилъ Никону надзоръ надъ церковными судами. Но изъ вышеписаннаго ты долженъ познать, что

высочайшій авторитетъ священства не полученъ отъ царей, но наоборотъ черезъ священство цари помазуются на царство. Поэтому ясно, что священство больше царства. Ты говоришь, что Никону царь поручилъ надзоръ надъ церковными судами, но мы не знаемъ иного законодателя, кромѣ Христа, Который далъ власть связать и рѣшить. Какую же власть далъ мнѣ царь? Эту? Нѣтъ, но онъ самъ ее восхитилъ себѣ, какъ ты самъ свидѣтельствуешь, и какъ свидѣлствуютъ его беззаконныя дѣянiя. Что онъ дѣлаетъ? Онъ вознесся надъ Церковью, обогащается ея собственностью и питается ею; онъ хвалится дѣлами такъ, что всѣ клирики, Митрополиты, Архіепископы, Епископы и священники и все низшее духовенство подчиняются, служатъ ему, какъ его рабы, платятъ поголовный налогъ и служатъ въ его войскахъ; онъ властвуетъ надъ ними судомъ и налогами. Такія привилегіи мы не только не получали отъ него, но гнушаемся ихъ и бѣжимъ отъ нихъ, какъ отъ сѣмени дракона; мы гнушаемся ихъ, какъ захватовъ антихриста, согласно заповѣди, данной Христомъ, когда, указывая на наши настоящія времена, Онъ сказалъ ученикамъ Своимъ: „Берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ; ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: „я — Христосъ“, и многихъ прельстятъ" (Мѡ. 24, 5). Также учитъ и Апостоль Павелъ въ Еф. 5, 15; Кол. 4, 5, а въ Рим. 12, 1, 2: „И не сообразуйте съ вѣкомъ симъ, но преобразуйте обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познавать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная". И дальше Никонъ обращается къ источнику, изъ котораго вытекало одобреніе всѣхъ мѣропріятій свѣтскаго правительства послѣ ухода Никона въ Воскресенскій монастырь, когда пріостановленное на время его дѣятельности Уложеніе стало примѣняться не только по точному его смыслу, но и съ превышеніемъ власти, чисто свѣтскимъ учрежденіемъ, какимъ былъ выдѣленный изъ Приказа Большого Дворца въ самостоятельное учрежденіе Монастырскій Приказъ. Этимъ источникомъ была цезарепапистская теорія, глашатаемъ которой былъ Паисій Лигаридъ. „Кто ложные пророки? продолжаетъ Никонъ (1, 191), Митрополитъ Газскій, который ничего не говоритъ отъ Божественнаго писанія. А люди принимаютъ его ложныя писанія за каноническія правила, но онъ ложный пророкъ: „И вслѣдствіе изобилія нечестія любовь многихъ охладѣетъ". Какого нечестія? Нечестія того, кто, вопреки воли Божіей, присваиваетъ себѣ непринадлежащее, какъ государь царь теперь незаконно захватилъ и подчинилъ своему господству Церковь и

всю ея собственность. И потому онъ возненавидѣлъ насъ, какъ и прелюбодѣй не можетъ любить законнаго мужа, но всегда замышляетъ противъ него. Ты говоришь, что царь Никону вручилъ надзоръ за церковными судами. Но что онъ поручилъ? Священство? Но онъ самъ его не имѣеть, И какъ можетъ дать другимъ то, чего самъ не имѣеть? Если ты скажешь, что царь даетъ не самое священство, а благодать священства, то это было бы противъ благодати Св. Духа и Того, Чьей милостью мы получаемъ благодать. Но говорящій противъ Св. Духа не имѣеть прощенія ни здѣсь, ни въ будущей жизни. Кто это говоритъ? Самъ Христось, нашъ Богъ. Но, можетъ, скажутъ, что царь даетъ власть связывать и разрѣшать, но не въ его власти дарить это, а во власти одного Христа, ибо Онъ далъ ее Своимъ ученикамъ, сказавъ: Приимите Духа Святаго, чьи грѣхи отпустите, отпустятся имъ, и чьи грѣхи удержите, удержатся имъ. **Никонъ, такимъ образомъ, основу церковнаго суда въ чисто церковныхъ дѣлахъ прямо связываетъ съ властью вязать и разрѣшать.** Кромѣ того, въ XVII вѣкѣ еще не было опредѣленія подсудности по предметамъ, а было опредѣленіе подсудности по лицамъ, черезъ что духовенство подпадало суду Церкви по всѣмъ вопросамъ, а не только по духовнымъ. „Желаешь ли знать истину? Тогда знай, что даже тотъ, кто отличенъ діадемой, подчиненъ власти священника, и связанный имъ на землѣ будетъ связанъ на небеси. Это — истина, но, если царь связываетъ кого во времени или убиваетъ, то онъ дастъ за это отчетъ Богу въ день судный, ибо Христось училъ насъ не бояться тѣхъ, кто можетъ убить тѣло, но не можетъ убить души, но мы должны бояться Того, Кто можетъ низвергнуть въ адскій огонь и душу, и тѣло. А что касается того, что царь поручилъ мнѣ надзоръ надъ всѣми церковными судами, то сказалъ ты ложь, сказатель нечестивыхъ словесъ. Царь не давалъ намъ какой либо власти (разумѣется духовной), и мы не ищемъ и не нуждаемся отъ него получать какую либо власть, зная Божественные каноны, выше писанные: „Всякій получающій Церковь черезъ свѣтскую власть низвергается". И, хотя Богъ терпитъ нынѣ его правонарушеніе, и царь, вопреки Божественнымъ правиламъ, избираетъ кого хочетъ на священническія степени и даетъ приказъ посвящать, но все это — не избранники Божіи и недостойные. **За все это царь отдастъ отчетъ передъ Богомъ.** Какъ можетъ кто либо дать то, чего самъ не имѣеть?"

Въ этой цитатѣ опять мы видимъ все ту же основную мысль Никона объ особой природѣ духовной власти, получаемой Епископа-

томъ независимо отъ власти свѣтской, власти чисто **духовной, заключающейся въ правѣ вязать и разрѣшать грѣхи, власти, которую можетъ проявить простой священникъ по отношенію къ царю.** Никонъ говорить о высотѣ духовной власти священника, а не только Епископа, по сравненію съ царской, и особо подчеркиваетъ, что „царь исповѣдуется передъ священникомъ, который, по каноническимъ правиламъ, не можетъ принимать исповѣдь безъ уполномочія со стороны Епископа" (I, 301). Когда царь посылалъ съ Одоевскимъ въ 1663 г. сказать Никону, чтобы онъ не давалъ цѣловать своей руки людямъ, то Одоевскій спросилъ его: „Ты даешь руку цѣловать всѣмъ по образу царей? Это неправильно." Никонъ спросилъ: „Кто тебѣ сказалъ это? Царь или ты отъ себя?" — „Царь". Никонъ сказалъ: „Мы удивляемся, почему царь цѣлуетъ руки священниковъ, посвященныхъ нами, и самъ при благословеніи склоняетъ голову? Мы удивляемся, почему царь заставляетъ Епископовъ и священниковъ цѣловать свою руку. Это — не епископская и не священническая рука. Хотя государь по чрезмѣрной гордости думаетъ, что священство меньше царства, но онъ узнаетъ разницу, когда мы будемъ передъ нелицепріятнымъ судомъ Иисуса Христа". Никонъ говорить объ отсутствіи такой духовной власти у царя и о томъ, что, признавая высоту власти священниковъ, нельзя отказывать въ ней тѣмъ, отъ кого ее получаютъ священники. „Ты и твой отвѣтотворче много говорите, какъ будто Богъ сказалъ царямъ и князьямъ: пріймите Духа Святаго, кому отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и кому удержите, удержатся. **Но кому это сказано? Его святымъ ученикамъ и Апостоламъ и преемникамъ ихъ власти — Епископамъ, но не царямъ и князьямъ.** Смотрите, что же дѣлаетъ теперь, въ нарушение канонъ 7 и 43 Карѣ. Собора, дающихъ права разрѣшенія грѣховъ только Епископу и запрещающихъ это священнику безъ особаго разрѣшенія Епископа. Если по обычаю вошла произвольная форма дисциплины, и цари и князья терпятъ запрещенія и связыванія отъ священниковъ, почитая ихъ дѣйствительными, то насколько же больше они должны слушать тѣхъ, о комъ Богъ сказалъ въ лицѣ Апостоловъ: „Слушающій васъ, Меня слушаетъ и слушающій Меня слушаетъ Пославшаго Меня, а отвергающій васъ, отвергаетъ Меня, а отвергающій Меня, отвергаетъ Пославшаго Меня" (I, 31). **Никонъ требовалъ повиновенія духовной власти только, какъ духовной власти въ предѣлахъ ея компетенціи, принадлежащей ей въ силу Божественнаго права.**

Мы перечислили цѣлый рядъ ограниченій царской власти, которыя ей ставить Никонъ, ограниченій, которыя вытекають изъ природы Церкви, и которыя ей ставили Святые Отцы и Учители Церкви тѣхъ самыхъ временъ, когда Христова Церковь была признана христіанскими императорами, какъ мы видѣли въ историческомъ очеркѣ объ этомъ предметѣ, и это вполнѣ соотвѣтствуетъ сознанию лучшихъ Византійскихъ императоровъ, державшихся догмы права, а не льстивыхъ утвержденій придворнаго Византійскаго духовенства. Никонъ писалъ не теоретическій трактатъ, а доказательства правоты своей точки зрѣнія и потому затрагивалъ преимущественно вопросы, бывшіе предметомъ его борьбы (Издание Уложенія съ противоканоническими статьями, восхищеніе царемъ на себя церковнаго управленія послѣ ухода Никона, судъ Монастырскаго Приказа и т. д.); однако, всѣ эти вопросы имъ освѣщены съ теоретической точки зрѣнія. **Никонъ подходилъ къ вопросу черезъ изученіе того, чего не можетъ касаться царь въ церковныхъ дѣлахъ**, ибо самое его сочиненіе носило оборонительный характеръ противъ ученія Лигарида о безграничности царской власти, подкрѣпляемаго нерѣдко цитатами изъ языческихъ писателей, Гомера и Виргилія. Въ этомъ отношеніи Никону пришлось, при раздѣленіи природы церковнаго законодательства, управленія и суда, выяснить особую природу Церкви и ея самостоятельность отъ государства, какъ въ наше время проф. Бердниковъ и Заозерскій полемизировали съ совершенно одиноко стоящимъ въ православной канонической наукѣ въ вопросѣ о царской власти въ Церкви проф. Суворовымъ. Принципъ же первенства каноновъ надъ законами красной нитью проходитъ черезъ всю Византійскую исторію, признанъ былъ даже Вальсамономъ, и былъ руководящимъ принципомъ въ русскомъ законодательствѣ, возглашенномъ еще на Стоглавомъ Соборѣ въ рѣчи Грознаго, и ничего новаго въ этомъ отношеніи Никонъ не возвѣщалъ, а только возстановивалъ старую, но забытую истину.

Положительныя обязанности царя къ церкви. Обязанности царя къ церковной собственности.

Мы перечисляли до сихъ поръ отрицательныя обязанности царя относительно Церкви по ученію Никона, обязанности не вторгаться въ законодательство, управленіе и судъ церковный, основанныя на апостольскомъ полномочіи. Скажемъ теперь о положительныхъ обязанностяхъ царя относительно Церкви, и въ этомъ отношеніи переходной ступенью долженъ быть вопросъ объ отношеніи царя къ

имущественнымъ правамъ Церкви, ибо здѣсь на ряду съ положительными обязанностями, есть и отрицательныя — не вмѣшиваться въ ея управление и не посягать на ея неприкосновенность. И здѣсь Никонъ противопоставляетъ царю церковный канонъ. Онъ пишетъ (I, 117-119): „Тѣ вещи, которыя посвящены Богу и даны Церкви или монастырю, не должны отбираться, согласно 24 правилу IV Вселенскаго Собора: „пустъ монастырь, основанный съ содѣйствія Епископа, останется неприкосновеннымъ; пусть его собственность будетъ неотчуждаема, а если кто поступитъ вопреки, долженъ быть наказанъ...“ То же говоритъ VI Вселенскій Соборъ пр. 49; 1 пр. двукратнаго Собора и 12 пр. VII Всел. Соб. **Эти св. каноны запрещаютъ что либо отбирать у церквей и монастырей или превращать ихъ въ свѣтскія жилища, или обращать ихъ на мірскія цѣли;** Самъ Богъ приказываетъ воздавать Божіе Богу и Кесарево Кесарю... Объ управленіи церковной собственностью говоритъ 38 кан. Св. Апостоловъ: „Пусть Епископъ управляетъ съ властью церковной собственностью, но пусть оттуда ничего не беретъ для своихъ родственниковъ, развѣ что они бѣдны; въ томъ же смыслѣ канонъ 41, а также 25 ант. правило: пусть Епископъ имѣетъ власть надъ церковной собственностью. Но если онъ не довольствуется брать для собственныхъ необходимыхъ нуждъ, но затрагиваетъ церковную собственность, жатву съ полей и доходы епископской кафедры и присваиваетъ это себѣ безъ вѣдома и согласія своего духовенства, то онъ призывается къ отчету передъ Соборомъ провинціи за присваиваніе того, что должно быть отдано бѣднымъ“. И дальше пишетъ Никонъ (I, 120): „**Но чтобы царь могъ располагать собственностью церкви и монастырей, этого нигдѣ не написано**“. Никонъ ссылается далѣе на Св. Никона, писавшаго, что захватывать церковную собственность есть святотатство, за которое Богъ посылаетъ несчастіе...., ибо собственность церквей и монастырей, какъ и дѣла монаховъ, — вся посвящена Богу и не должна употребляться на иныя цѣли, какъ на бѣдныхъ, странниковъ, на плѣнниковъ и на нужды самыхъ церквей и монастырей, и я не могу назвать свѣтскаго правителя, который бы бралъ что либо изъ доходовъ церквей, но, если и былъ, то подлежитъ Божьему суду, какъ святотатецъ... Если твое величество поищетъ Божественнаго писанія, то найдетъ, что такой человекъ не только оскорбляетъ Бога и навлекаетъ великое несчастіе, но гдѣ бы такія дѣла ни совершали люди насиліемъ ли, во имя ли партійности или родства, или по инымъ подобнымъ мотивамъ, они

низвергаются, и могущество, собранное ими изъ разныхъ источниковъ, обращается въ ничто.... Я удивляюсь, какъ ты можешь просить молитвы у монаховъ и Церкви, когда ты ничего не дѣлаешь, чтобы заслужить эти молитвы, и не только не даешь имъ милостыни, но приказываешь ихъ грабить. На словахъ ты только щедръ, но не обнаруживаешь этого въ мѣрѣ. Ибо обнаруженіе міра имѣетъ формы, состоящія въ простомъ словѣ, но обнаруженіе Божественнаго духа — въ дѣлѣ и въ истинѣ....Отъ взявшаго твое не требуй обратно" (Лук. 6, 30). Это предписано не только для монаховъ, но и для всѣхъ христіанъ (I, 122). **Никонъ признавалъ реальное значеніе молитвы и молитву за царя считалъ обязанностью духовенства, а приношенія царя, его матеріальныя жертвы Церкви почиталъ выраженіемъ его собственной благодарности Всевышнему за свое благополучіе, но не принималъ этихъ приношеній на свой счетъ.** „Мы не преклоняемъ колѣна за Царскія милости, но молимся только Богу. Какую честь мы принимаемъ отъ царя? Что онъ дѣлаетъ малое пожертвованіе за прощеніе его грѣховъ? Но здѣсь царь не даетъ, а скорѣе получаетъ. Не слышалъ ли ты Божіе свидѣтельство, **что приносящій получить во стократъ и наслѣдуетъ вѣчную жизнь.** Но если человекъ не даетъ то, что онъ получить, или какъ наслѣдуетъ вѣчную жизнь, хотя былъ царемъ? То, что даете единому изъ малыхъ сихъ, вы даете Мнѣ (Матѳ. 25, 45). **И если царь дѣлаетъ что либо для Бога, тогда почему же вы заставляете царя требовать отъ насъ за это почитанія**" (I, 238).

„Но мы не должны полагаться только на молитву и оставаться бездѣятельными, не удаляясь отъ зла и не дѣлая усилій въ добрѣ; не должны и просто дѣлать добро, не оцѣнивая помощи молитвы. Ибо, **великая власть въ молитвѣ, которую мы совершаемъ, лишь бы только сами въ то же время дѣлали доброе**" (I, 180). Относительно самой церковной собственности Никонъ писалъ: **„Церковная собственность не наша собственность, а Божія, и, какъ въ древности, согласно Божественной заповѣди, люди платили десятину, какъ императоръ Константинъ Великій, а у насъ Великій Князь Владиміръ и другіе цари дѣлали дары Св. Божіимъ Церквамъ, Богу, Спасителю, Божіей Матери, но не Патріарху, не Митрополитамъ, не Епископамъ или монастырямъ, какъ это ими самими свидѣтельствуется**" (I, 546). **Никонъ возстаетъ противъ конфискаціи въ Уложеніи пригородныхъ посадовъ у Патріарха и рассматриваетъ это направленіе государственной политики, стремящейся къ пониженію общест-**

веннаго значенія Церкви, гибельнымъ въ конечномъ будущемъ итогъ для самаго государства. „Если старый законъ, скинія, храмъ и жертвы, которыя были тѣнью будущихъ вещей, т. е. Новаго Закона, Церкви и Христіанскаго священства получали великія почести, то какъ же должны почитаться Церкви и священства Новаго Завѣта? Подумай, князь Никита (Одоевскій), какъ вы ихъ безчестите! Какое бы малое количество посадовъ для ихъ обслуживанія ни было раньше въ Москвѣ и другихъ городахъ, вы все это присвоили для своихъ надобностей. Кто теперь обслуживаетъ необходимѣйшія нужды Церкви и Епископа, какъ наказаль Богъ Моисею? Никто, только посторонніе. А не слышаль ли ты, что Богъ сказаль, что всякій посторонній, близко подошедшій къ священнымъ вещамъ, будетъ преданъ смерти? Подъ постороннимъ здѣсь разумѣется не только, кто чуждъ Израилю изъ язычниковъ, но всякій не изъ племени Левіина, какъ Корей, Даѳанъ и Авиронъ, которыхъ Богъ не избраль, и пламя пожрало нечестивыхъ; и Озія царь положиль свою руку на ковчегъ, чтобы поддержать его, и Богъ поразиль его, и онъ умеръ (2 Цар. VI, 6, 7). Такъ же и тѣ, кто смотритъ на Церковь Божию и завидуютъ ей и говорятъ, что тѣ посады — собственность Патріарха, Митрополитовъ, монастырей, и мы ихъ возьмемъ. **Они взяли немного, но потеряли гораздо больше, чѣмъ было у нихъ. Они взяли тысячи и потеряли много тысячъ черезъ гражданскія раздоры, чуму, войны и разныя другія несчастія, которыхъ невозможно описать или перечислить точно**“. А что касается употребленія церковной собственности, то Никонъ свидѣтельствуеть, что и онъ лично для себя ничего не взяль, а все посвятиль Богу.

Никонъ о своей службѣ царю.

Никонъ пишетъ (I, 285): „Обвиняй въ неблагодарности, отвѣтотворче, того, кто живетъ, выходя изъ своихъ границъ и возносится не противъ меня только, но противъ Бога и Его закона. Опять ты уносишься въ басни и говоришь: „Видя его среди столь многихъ благодѣяній неблагодарнымъ, что вы думаете? Не есть ли такая неблагодарность отъ чрезмѣрной злобы и жадности?...“ Но кто неблагодаренъ? Не я, — я ничего не получилъ отъ царя, чего бы не заработаль, имущества движимаго или недвижимаго, **но за большіе труды на службѣ ему, какъ Богъ знаетъ, и я не расточаль съ распутными женщинами, но все посвятиль Богу, какъ свидѣлствуютъ факты**; и царь въ возвратъ имѣеть вдвое и втрое и постоянно возвраща-

еть, какъ плоды въ этомъ мірѣ, и не перестанеть получаетъ за это и въ будущемъ мірѣ послѣ этой жизни (да будетъ онъ долговѣченъ), какъ показано въ притчѣ о зернѣ горчичномъ (Мѡ. 13, 24-43). Видишь ли ты ученіе Спасителя? Тѣ, которые считались добрымъ сѣменемъ, растутъ и приносятъ плоды къ жатвѣ, т. е. къ окончанію міра. Гдѣ же, вновь спрашиваю, моя неблагодарность? Если царь — добраго сѣмени, которое Богъ собираетъ въ житницу, то зачѣмъ ты заставляешь его мѣнять настроеніе, дѣлаться плевеломъ, которое будетъ горѣть въ огнѣ, какъ и ты будешь горѣть за твои соблазны? И если царь — сынъ Церкви, то зачѣмъ ты его дѣлаешь сыномъ вражды? Пусть же царь не раскаивается, чтобы съ переменной своего настроенія не потерять своего сокровища. Такъ и Божественный Апостоль учитъ: всякій получить награду по своей работѣ (I, 285). Въ этой цитатѣ есть цѣнное и показательное выраженіе Никона о службѣ его царю; **подъ этой службой онъ разумѣетъ, конечно, не его церковное служеніе, а помощь государю въ государственномъ правленіи, когда онъ въ качествѣ перваго сановника государства, въ качествѣ Патріарха, замѣняль государя въ его отсутствіе по случаю войны, съ половины мая 1654 г. до февраля 1655 г. и съ марта 1655 г. до декабря 1655 г., съ половины мая 1656 до января 1657 г., въ государственномъ управленіи, боролся съ чумой, лично спасаль отъ чумы царское семейство, перевозя его то въ Сергіевскую Лавру, то въ Калязинскій монастырь. Но что касается собственно церковныхъ дѣлъ, то здѣсь Никонъ многократно отвергаетъ признаніе полномочій отъ царя, и, когда говоритъ, что государь поручилъ Никону надзоръ за церковными дѣлами, то онъ всегда повторяетъ: „это не царь поручилъ, а благодать Св. Духа" (I, 206).**

Положеніе для отбирающаго собственность у Церкви отягощается тѣмъ, что церковная собственность въ значительной степени составила изъ пожертвованій царей и частныхъ лицъ, а пожертвованія дѣлались на вѣчныя времена съ произнесеніемъ заклятій на возможныхъ ихъ нарушителей. „Видишь ли ты, злочестивый отвѣтотворче, что сказано издревле о дающихъ обѣты, какъ ужасно не исполнить обѣщаніе. Что стало съ Ахавомъ, когда онъ взялъ немного изъ того, что посвящено Богу, а гнѣвъ Божій палъ на Израиля. Когда Фараонъ, царь Египетскій, отпустилъ дѣтей Израиля, а потомъ снова хотѣлъ взять ихъ, онъ былъ поглощенъ въ красномъ морѣ со всею ратью. Амалехъ хотѣлъ сопротивляться Израилю въ пустынѣ и былъ убитъ. Шишалъ, царь Египетскій, пошелъ въ

Иерусалимъ взять сокровища храма, и Господь поразилъ его. Сенахеривъ, царь Ассирійскій, пошелъ взять св. городъ и осквернить Св. Сіонъ, и ангель поразилъ у него 185000 людей". Приведя много другихъ примѣровъ, Никонъ продолжаетъ: „Господь говоритъ: если приносишь даръ къ алтарю и вспомнишь, что имѣешь что либо противъ брата, оставь даръ передъ алтаремъ и иди сначала примириться съ братомъ... Видишь ли, что, если даже кто либо, находясь въ ссорѣ, принесъ даръ къ алтарю, Господь не позволяетъ его брать обратно, но приказываетъ оставить его у алтаря до примиренія... Знаешь ли, что говоритъ Златоустъ о нарушающихъ свои обѣты: хотя наказаніе не слѣдуетъ отъ Бога на нихъ тотчасъ, но тѣмъ большее основаніе для страха, чѣмъ большія муки ждуть впереди" (I, 275-280). Въ вопросѣ о церковной собственности мы видимъ иное обоснованіе ихъ защиты у Никона, чѣмъ для права Церкви на управленіе въ чисто церковныхъ дѣлахъ. Если тамъ основаніемъ неприкосновенности служить у Никона Божественное полномочіе, данное Церкви Вселенской, то здѣсь основаніемъ неприкосновенности является неприкосновенная воля жертвователей предоставить имущество Церкви для церковныхъ цѣлей, основаніе, хотя и богоугодное, но чисто человѣческое, въ полномъ соотвѣтствіи съ истинной природой правъ Церкви въ томъ и другомъ случаѣ.

Никонъ, защищая каноны, преувеличивалъ квалификацію церковной собственности, уравнивая въ священномъ значеніи земли съ предметами освященными и священными, а также преувеличивалъ и объемъ неприкосновенной для государства части каноническаго законодательства, ставя подъ одинаковую санкцію и вторженіе въ существенныя права Церкви, и въ ея прикладныя права; но онъ боролся съ духомъ вѣка и въ пылу борьбы секуляризацію церковныхъ имѣній подводилъ подъ такія же санкціи, какъ и захватъ чисто церковныхъ функцій государственной властью; **но онъ былъ въ то же время и правъ въ протестѣ своемъ, поскольку и то, и другое было проявленіемъ одного и того же свѣтскаго насилія надъ Церковью**, стремящагося лишить ее собственныхъ источниковъ дохода. Для Никона всѣ эти вопросы сливаются въ одинъ общій вопросъ объ отношеніи государства къ Церкви, и онъ приводитъ, какъ примѣръ должнаго благочестія, языческаго царя Артаксеркса (Ездры VII, 11-26). Артасерксъ говоритъ священнику Ездрѣ: „Все, что повелѣно Богомъ Небеснымъ, немедленно должно дѣлаться для Бога Небеснаго, чтобы не было гнѣва Его на царство, царя и дѣтей его. И

увѣдомляю васъ, что ни на кого изъ священниковъ или левитовъ, пѣвцовъ, привратниковъ и служащихъ при семь домѣ Божіемъ не позволяю налагать ни податей, ни налоговъ, ни пошлинъ. А ты, Ездра, по премудрости Бога твоего, которая въ рукѣ твоей, поставь правителей и судей, которые бы судили весь народъ, что за рѣкой, всѣхъ знающихъ законъ Бога твоего, а кто не знаетъ, того учите. А всякаго, кто не будетъ исполнять законъ Бога твоего и законъ царя, немедленно судите на смерть ли, на изгнаніе ли, на заключеніе въ тюрьму или штрафъ. **Вотъ, видишь, вопрошатель, какъ языческій древній царь, боялся Бога Израиля, какую честь и свободу предоставлялъ священникамъ. Не возстанетъ ли Онъ въ день Судный и не осудитъ ли тѣхъ, кто теперь наноситъ обиду чести и власти священства?"**

Никонъ различаетъ обязанность царя къ Церкви отъ его обязанностей къ Патріарху.

Это долгъ въ отношеніи Церкви, въ смыслѣ облегченія и содѣйствія ея дѣятельности, — **долгъ православнаго царя въ Церкви, а не долгъ его къ Патріарху.** Никонъ сильно возмущается на князя Одоевскаго за то, что онъ говоритъ о патріаршей собственности: „Почему же, оставляя Бога, ты оскорбляешь Его слугъ? Патріархъ, какъ и остальное духовенство, слуга Божій и слуга Святой Церкви, и онъ не имѣетъ своихъ имуществъ, но все — и слободы, и крестьяне — Божіе наслѣдіе. Патріархомъ бываетъ то одинъ, то другой человекъ, но Богъ есть и будетъ всегда, и Онъ неизмѣняемъ..." Никонъ ссылается на выдѣленіе левитовъ на служеніе Богу (Чис. III, 6-13; VIII, 9-26 и XVШ, 1-9 объ обязанности священства и отвѣтственности за небрежность) и говоритъ: „И мы всѣ принадлежимъ Богу, и часть священниковъ есть Божія часть и собственность. Зачѣмъ же ты оставляешь въ сторонѣ большее и спускаешься къ меньшему, т. е. къ нашему смиренію, и называешь Божию часть нашей собственностью? (I. 541-548). Считаая монаховъ людьми, отдавшими себя Богу", Никонъ считаетъ, что **царь изъ уваженія къ священству не долженъ простираетъ свои права на употребленіе его на царскую службу.** „Монахи — Божіи слуги, а царю они только богомольцы, не рабы его, а теперь царь принуждаетъ Епископовъ и монастыри ко всякой мірской тяжелой работѣ, даже къ военной службѣ, подобно всѣмъ прочимъ" (I, 178).

Господь далъ людямъ однѣ и тѣ же заповѣди, но теперь царь не только не соблюдаетъ ихъ, но и пренебрегаетъ всѣми прежними ус-

тавами благочестивыхъ царей и великихъ князей. Онъ вовсе не считается даже съ дарами, данными ему отцомъ, въ подражаніе древнимъ благочестивымъ царямъ Константину и Юстиніану, но беретъ людей силой изъ Патріаршей епархіи и отъ другихъ церквей, Митрополитовъ, Архіепископовъ и святыхъ монастырей и посылаетъ ихъ куда хочетъ, на войну и на другія его службы. Господь заповѣдуетъ: всякому просящему у тебя, давай и отъ взявшаго твое, не требуй назадъ (Лук. 6, 30), а царь дѣлаетъ какъ разъ наоборотъ" (I, 201-202). Когда Никонъ здѣсь разумѣетъ употребленіе на царскую службу людей, прикрѣпленныхъ къ церковнымъ землямъ, то, поскольку эти люди связаны съ землей, они раздѣляются по понятіямъ того времени назначеніе самихъ земель, предоставляемыхъ Церкви, а потому вопросъ сводится къ возможности отбирать у Церкви принадлежащее ей для ея назначенія; равно вопросъ о налогахъ на церковныя земли (не на земли духовныхъ лицъ) сводился къ вопросу объ отобраніи отъ Церкви части предназначеннаго для ея цѣлей. Поскольку же онъ разумѣетъ людей, предоставившихъ себя служенію Богу, какъ монаховъ и священниковъ, то можно поставить вопросъ, не имѣетъ ли Церковь въ силу Божественнаго права для осуществленія своихъ Божественныхъ полномочій право привлекать на свою службу людей, которыхъ признаетъ соответствующими ея требованіямъ и нужными ей (Мѡ. 9, 37, 38: тогда говоритъ ученикамъ Своимъ: жатвы много, а дѣлателей мало; итакъ, молитесь господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву свою), а христіанское государство не обязано ли, признавая Церковь и ея цѣли, не ставить Церкви препятствія въ подборѣ своихъ служителей, высокія требованія къ которымъ со стороны Церкви отстраняютъ для государства опасность отвлеченія поданныхъ отъ государственнаго дѣла? „А честь, отнесенная къ священнослужителямъ, восходитъ къ Самому Богу".

Никонъ о сферѣ свѣтскихъ дѣлъ. О тяжести царскаго служенія.

Никону приходилось объяснять и отстаивать права Церкви отъ Лигаридовскаго цезарепапизма, и естественно, что о другой сторонѣ вопроса — о сферѣ дѣлъ присущихъ собственно царю, онъ почти не касался, ибо ея никто, и онъ въ томъ числѣ, и не оспаривалъ, но что онъ признавалъ ее, видно, хотя бы уже изъ того, что признавалъ въ его сферѣ, какъ мы видѣли, себя слугой царя; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „царь принялъ власть отъ Бога для царствованія на землѣ" (I, 237); онъ говоритъ также: „Мы не на-

носимъ обиды царю и не называемся царями. Что я есмь, то и есмь; такъ и онъ есть то, что есть, хотя нѣкоторые подражаютъ евреямъ, ибо какъ тѣ, отвергая Христа своего Спасителя кричали: мы не имѣемъ царя, кромѣ Цезаря, такъ эти теперь говорятъ: не надо намъ Патріарха, хорошо де дѣйствуетъ и Митрополитъ Крутицкій" (I, 299). Никонъ, какъ предстоятель Церкви, молится за царя и пишетъ (I, 287): „Если ты не удостоилъ видѣть наши молитвы за царя, которыя мы возносимъ ежедневно и еженощно въ Св. Церкви, то спроси того, кто знаетъ." При Никонѣ была даже измѣнена при переносѣ Даровъ молитва за царя въ смыслѣ усиленія титула царя: — вмѣсто: „да помянетъ Господь благородіе твое", было введено: „благочестивѣйшаго, тишайшаго (отъ западноевропейскаго слова *clementissimus*), самодержавнѣйшаго" („Титулы въ Россіи" Карповича; приведено по Иконникову: „Новые матеріалы и труды о Патріархѣ Никонѣ", Кіевъ, Унив. Изв. 1888, № 6). „Никто изъ царей не достигъ побѣды безъ священныхъ молитвъ (I, 187). Безъ нихъ онъ входитъ въ безмѣрность и тяжесть царскихъ заботъ, могущихъ быть облегченными только молитвой. Вы можете назвать челоуѣка царемъ, но онъ не способенъ даже жить спокойно. Его жизнь полна заботъ и стѣсненій. Не смотрите на діадѣму, но на безпокойство и заботы, которыми мучитъ его корона, не смотрите на пурпуръ, но на душу, которая омрачена больше, чѣмъ этотъ пурпуръ. Не такъ тяжело корона облегаетъ его голову, какъ заботы его душу. Не смотрите на множество его вооруженныхъ людей, но на множество его заботъ и скорбей. Нѣтъ комнаты, въ которой можно было бы найти столь много великихъ заботъ, какъ въ комнатѣ царя. Люди ежедневно ждутъ смерти передъ его лицомъ, и прежде, чѣмъ онъ сядетъ обѣдать, уже пролита кровь... Но не таково небесное царство; когда оно достигнуто, то достигается праведность, миръ, любовь, радость (Рим. XIV, 17), Но что касается земного царства, то видимъ, какими несчастіями оно полно (I, 187).

Власть царская получается независимо отъ священства, но имъ благословляется.

И власть царя, по Никону, мы видѣли, получается самостоятельно, независимо отъ священства, и только благословляется имъ; „царство дано Богомъ міру, но въ гнѣвѣ, и оно дается черезъ помазаніе отъ священниковъ елеемъ вещественнымъ, но священство есть прямое помазаніе отъ Духа Св., какъ и нашъ Господь Іисусъ Христосъ былъ возведенъ въ первосвященники непосредственно

отъ Духа Святаго, такъ и Апостолы. Поэтому, при посвященіи въ Епископы, посвящающій держитъ открытое Евангеліе надъ головой посвящаемаго" (I, 234, 235). „Царя надо чтить", и Никонъ приводитъ текстъ Апостольскій: Бога бойтесь, царя чтите (1 Петр. 2, 17) (I, 117), говоря, что Апостоль приказаль чтить царя, какъ такового (но не за щедроты Церкви "I, 238). **Надъ царемъ нѣтъ суда человѣческаго, но есть предостереженіе отъ пастырей Церкви и судъ Божій:**

Гдѣ санкціи для соблюденія царемъ заповѣдей Божіихъ?

„Ты говоришь, отвѣтотворче, что такъ Евреи поносили Самого Бога, Который далъ имъ манну и мясо утромъ и вечеромъ. Если ты намекаешь на царя, будто я его поношу, тогда скажу тебѣ: нѣтъ, избави Богъ, я его не поношу, а порицаю злобу и несправедливость. А что касается того, что евреи поносили Моисея, Божьяго слугу и священника и Самого Бога, то слѣдуетъ тебѣ обратить вниманіе, что за ихъ великій грѣхъ разверзлась земля и поглотила Даѳана, и покрыла сборище Авирона, и если бы не долготерпѣніе Божіе, то и теперь, когда люди принимаютъ на себя священство подобно Даѳану и Авирону, Онъ приказаль бы землѣ раскрыться и поглотить ихъ безпощадно, или, въ случаѣ грѣховнаго приношенія, огонь охватилъ бы ихъ и пожралъ бы тѣхъ грѣшниковъ безъ милосердія" (I, 288). И въ другомъ мѣстѣ Никонъ опять пишетъ, что онъ не злословить царя, а предостерегаетъ отъ несчастія, которыя обрушатся на царство за нарушеніе строя церковнаго. Какъ ветхозавѣтный пророкъ, припоминаетъ Никонъ о санкціи соблюденія царемъ Его заповѣдей. Вотъ, эта замѣчательная по силѣ рѣчь, показывающая, что Никонъ вовсе не властвовать хотѣлъ надъ царемъ, а какъ пророкъ Божій, указываль недопустимость обиды священства и горькіе результаты отъ такой обиды для царства. „Ты, вопрошатель, говоришь, что Никонъ поносить государя за то, что онъ установилъ Монастырскій Приказъ и посадилъ въ немъ мірскихъ людей, и за то, что царь назначаетъ въ монастыри архимандритовъ и игуменовъ по своему собственному избранію. Никонъ не поносилъ и не поносить царя, но не перестаетъ упрекать его за зло. Послушай, какъ въ древнее время чтить Господь священство и какъ, когда хотѣли сдѣлать насиліе надъ первымъ Патріархомъ Авраамомъ изъ за жены его Сарры (для царя Египетскаго, желавшаго взять ее отъ мужа), Богъ поразилъ за это его язвой, и онъ отпустилъ Патріарха со славой и богатствомъ. Также и Авимеле-

ху Богъ явился во снѣ и велѣлъ отпустить Сарру. Фараонъ неправедно хотѣлъ держать въ рабствѣ народъ Божій и былъ пораженъ гнѣвомъ Божиимъ. Такъ и теперь, если кто обидитъ Божіихъ первосвященниковъ-Епископовъ, Богъ накажетъ его съ меньшей строгостью. „И взошелъ Моисей на гору, а старшинамъ сказалъ: оставайтесь здѣсь, пока мы возвратимся къ вамъ, и вотъ, Ааронъ и Оръ съ вами; кто будетъ имѣть дѣло, пусть приходитъ къ нимъ" (Исх. 24, 13, 14). Видишь, вопрошатель, не старѣйшинамъ Онъ вручилъ судъ, а Первосвященнику". И снова Богъ сказалъ (Исх. 28, 29): „И будетъ носить Ааронъ имена сыновъ Израилевыхъ на наперникѣ судномъ у сердца своего". Но когда Корей, Даѳанъ и Авиронъ изъ племени Рувимова, а не изъ священническаго племени, поднялись противъ Моисея и Аарона, то Моисей, услышавъ объ этомъ, палъ на лицо свое и сказалъ Корею и его товарищу: завтра покажетъ Господь, кто Его и кто святъ, чтобы приблизить Его къ Себѣ и кого Онъ изберетъ, того и приблизить къ Себѣ (Числ. 16, 5). Они не послушались Моисея и неистовствовали противъ священства; они взяли кадильники и воскурили ѳиміамъ, Земля разверзлась и поглотила ихъ и ихъ дома и всѣхъ людей, бывшихъ съ Кореемъ, и ихъ скотъ. Они и всѣ бывшіе съ ними пали живыми въ пропасть, и земля покрыла ихъ, и они погибли среди собранія. Снова на другой день сыны Израилевы возроптали на Моисея и Аарона, говоря: ты погубилъ народъ Божій. И Богъ поразилъ четырнадцать тысячъ семьсотъ человекъ, кромѣ умершихъ по дѣлу Корею. Такъ и теперь, если кто либо не вразумится этими примѣрами, осмѣлится судить и господствовать надъ священствомъ и его собственностью, того и Богъ накажетъ также..." (I, 293, 294). И другое мѣсто изъ пророка Осіи приводитъ Никонъ, напоминающее, что самое существованіе (XIII, 4-11) царской власти въ волѣ Божіей (I, 295), о чемъ люди не должны забывать, чтобы не прогнѣвать Бога: „Я Господь твой отъ самой земли Египетской и другого Бога, кромѣ Меня, ты не долженъ знать и иного Спасителя нѣтъ, кромѣ Меня. Я любилъ тебя въ пустынѣ, въ землѣ засухи. Когда были пажити у нихъ, они сыты были, а когда насыщались, то превозносилось сердце ихъ, и потому они забывали Меня. И Я буду для нихъ, какъ левъ, какъ скимень буду подстерегать ихъ при дорогѣ. Буду нападать на нихъ, какъ медвѣдица, лишенная дѣтей, и раздирать вмѣстилище сердца ихъ и поѣдать ихъ тамъ, какъ львица; полевые звѣри будутъ терзать ихъ. Погубилъ ты себя, Израиль, ибо только во Мнѣ — опора твоя. Гдѣ царь твой теперь? Пусть онъ спасаетъ тебя во всѣхъ горо-

дахъ своихъ. Гдѣ судьи твои, о которыхъ говоришь ты: „дай намъ царя и начальниковъ?" **И Я далъ тебѣ царя во гнѣвѣ Моемъ и отнялъ въ негодованіи Моемъ".** Мы писали это не хуля царя (за то, что онъ царь), а порицали его неподобающія дѣйствія (I, 295). Если Израильскій народъ получилъ царя во гнѣвѣ Божіемъ, ибо люди отвергли непосредственное управленіе Божіе черезъ пророковъ, то Богъ можетъ осудить ихъ за забвеніе Его заповѣдей въ худшее положеніе и лишить ихъ и царя". Какое же значеніе придавалъ Никонъ царской власти въ отношеніи ея обязанностей по соблюденію Божіихъ заповѣдей? Огромное, котораго нельзя переоцѣнить.

Царская власть и значеніе пришествія Антихриста.

Это — значеніе власти удерживающей_ Здѣсь мы должны выяснить, какъ понималъ Никонъ знаменіе пришествія Антихриста. Никонъ показываетъ Лигариду, что онъ, Никонъ, всегда учитъ отъ Священнаго Писанія и каноновъ, а Лигариду, за то, что онъ, вопреки Божественнымъ канонамъ, устанавливаетъ начало новому законодательству на соблазнъ людей, провозглашаетъ анаѹему (I, 68) отъ святыхъ каноновъ. И въ отвѣтъ на проповѣдь Лигарида о пришествіи Антихриста изъ Новаго Іерусалима, гдѣ живетъ Никонъ, онъ говоритъ, что человекъ тотъ непогрѣшимъ былъ бы противъ истины, который повѣсилъ бы жерновъ на твою шею и бросилъ бы тебя въ пучину морскую, какъ говорится въ Евангеліи. Если ты не знаешь, гдѣ долженъ родиться отецъ твой Антихристъ, то мы покажемъ тебѣ это на основаніи Священнаго Писанія, а не какъ ты, который говоритъ все отъ себя и только одну ложь, какъ и въ данномъ случаѣ. И называя еще разъ Лигарида кователемъ лжи, Никонъ цитируетъ мѣста Евангелія и апостольскихъ посланій о признакахъ появленія Антихриста, о мерзости запустѣнія, предсказанной пророкомъ Даніиломъ на мѣстѣ, гдѣ ея не должно быть, и другія мѣста (2 Тес. 2, 3-13; 2 Петр. 3, 3 и 2,-1; 1 Иоан. 3, 8; Лук. 21, 8; 1 Иоан., 4, 1 и 2, 18; Фил. 3, 2; Кол. 2, 8; Быт. 49, 8-10, 16, 17; Іер. 8, 16); приводитъ выдержки изъ Меѹодія, Епископа Патарскаго, Св. Ефрема и Св. Андрея объ Антихристѣ, гдѣ они говорятъ, пишетъ Никонъ, что Антихристъ воссядетъ въ храмъ Божіемъ; это должно быть не въ томъ Іерусалимѣ, который въ древности былъ разрушенъ за грѣхъ противъ Христа, и возстановленіе котораго евреи, воинствующіе противъ Христа, ждутъ отъ Антихриста, а дѣйствительно, въ храмъ Божіемъ, т. е. во Вселенской Церкви, подавляя ее и присваивая ее себѣ, выдавая себя за

Бога, какъ говорить Апостоль. Но это не будетъ продолжаться долго". „Этихъ свидѣтельствъ для себя, лжесловесный, достаточно, а мы, наученные Спасителемъ, будемъ молиться усердно о томъ, чтобы мы были пощажены отъ испытаній вещей, предсказанныхъ о времени пришествія Антихриста, и чтобы не видѣть ни его пришествія, ни волненія народа, которое должно ему предшествовать, ни преслѣдованія насъ вслѣдствіе отступленія отъ вѣры, и чтобы показать свою совѣсть незапятнанной Христу нашему Богу, искупившему насъ Своей Кровью, и, показывая горячность нашей любви къ Нему добрыми дѣлами, заслужить вѣчное счастье" (I, 73). Въ послѣднихъ словахъ о любви къ Спасителю выражень основной стимуль Никонской дѣятельности, которая много объясняетъ изъ того въ Его дѣятельности, что иногда совершенно ложно толкуется. Въ другомъ мѣстѣ Никонъ приводитъ Мѡ. 24, 7, 8: „Возстанетъ народъ на народъ и царство на царство и будутъ глады и моры и землетрясенія по мѣстамъ. Все это — начало болѣзней". Видишь, что положено; не все ли это примѣнено къ намъ?" Никонъ разумѣетъ современныя событія: когда Никонъ писалъ свое возраженіе въ 1663 г., происходила тяжелая война съ Польшей, начавшаяся въ 1654 г., въ 1662 г. былъ бунтъ из-за вздорожанія жизни; только что кончилась неудачная война со Швеціей (лѣто 1661 г.), а въ 1654 и 1655 г. страшная чума поражала дважды Москву и другія области. „Но слушай дальше, что говорить Христось, вѣрный пророкъ: „Тогда будутъ гнать и убивать васъ, и вы будете ненавидимы всѣми людьми ради Моего имени" (т. е. будутъ спорить изъ за Слова Божьяго, какъ мы теперь) „И тогда многіе соблазнятся и возненавидятъ другъ друга." Не исполнилось ли все это въ насъ? И многіе лжепророки возстанутъ. Кто эти лжепророки? Конечно, Митрополитъ Газскій, ибо онъ ничего не говоритъ отъ Писанія, а все отъ себя. И люди принимаютъ такое Писаніе за каноническое правило (цезарепапистская теорія). „Отъ изобилія нечестія любовь многихъ охладѣетъ". Какого нечестія? Ясно, нечестія того, кто вопреки волѣ Божіей присваиваетъ непринадлежащее ему, какъ государь царь незаконно захватилъ и подчинилъ себѣ Церковь и всю ея собственность, почему онъ и ненавидитъ насъ" (1, 193). Никонъ обращается къ боярину Стрешневу и говоритъ: „О такихъ людяхъ, какъ твой составитель отвѣтовъ, Божественный Апостоль, задолго ихъ предвидя, сказалъ: „Духъ же ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ оболстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ, черезъ лицемѣріе лжесловесниковъ,

сожженныхъ въ совѣсти своей" (1 Тим. 4, 1, 2), „ибо есть много и непокорныхъ, пустослововъ и обманщиковъ, особенно изъ обрѣзанныхъ, каковымъ должно заграждать уста: они развращаютъ цѣлые дома, уча чему не должно изъ постыдной корысти" (Тит. 1, 10, 11). О комъ Апостоль говоритъ? О васъ. И кому вы внимаете, какъ духу оболъщенія и ученіямъ бѣсовскимъ черезъ лицемѣріе лже-словесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей? Митрополиту Газскому, который учитъ изъ постыдной корысти за изобильныя яства и за красивые наряды, за что онъ и найдетъ себя въ день пира брачнаго безъ брачной одежды, какъ показываютъ его обманчивые и діавольскіе отвѣты" (I, 236, 237). Никонъ разумѣетъ, что обвиненіе его со стороны бояръ со времени вступленія въ это дѣло Лигарида получило идейное подкрѣпленіе въ теоріи цезарепапизма, чего до пріѣзда Лигарида въ февралѣ 1662 года не было. На Соборѣ 1660 г. разбирался только вопросъ, насколько виновенъ Никонъ, покинувъ свою кафедру; прямого же обвиненія въ покушеніи на державу царскую ему самому до Лигарида не предъявлялъ никто. Бояре не знали, какъ избавиться отъ Никона. На Соборѣ 1660 г. были крупныя разногласія не только о томъ, подлежитъ ли Никонъ удаленію на покой или лишенію сана, но и о томъ, компетентенъ ли судъ Архіереевъ судить своего Патріарха. Хотя одно изъ проектированныхъ рѣшеній Собора было въ пользу низверженія, однако, царь, руководившій дѣломъ слѣдствія и судебными засѣданіями (лично присутствовалъ только на первомъ засѣданіи), не рѣшился приводить въ исполненіе рѣшенія Собора. Съ одной стороны царь не увѣренъ былъ въ компетентности суда Архіереевъ надъ Патріархомъ, а съ другой, чувствовалъ недостаточность самыхъ обвиненій въ одномъ уходѣ съ кафедры для осужденія Никона.

Лигаридъ выдвигаетъ новыя обвиненія противъ Никона.

Пріѣхавшій Лигаридъ подготовилъ новыя обвиненія. Онъ составилъ вопросы, якобы отъ имени боярина Стрешнева, вопросы о которыхъ ни одинъ бояринъ никогда раньше и не думалъ (I, 12), и которые дали бы возможность въ отвѣтахъ представить Никона человѣкомъ неправильно посвященнымъ (1-й вопросъ), получавшимъ чрезвычайныя царскія милости, но въ гордости своей зазнавшимся (11-й) (15-й), превышавшимъ свою Патріаршую власть по отношенію къ Архіереямъ, отрекшимся отъ Патріаршества (Вопр. 5-й), непризнающимъ соборной власти Архіереевъ надъ собой (10-й), вознося-

щимся въ свѣтскую сферу (12-й) (16-й), обидчикомъ по отношенію къ царю (27-й).

Наряду съ этимъ Лигаридъ проводилъ теорію, что царь самъ можетъ созывать Соборы (9-й вопросъ), что его обязанность озаботиться о прекращеніи вдовства Церкви (20-й, 21-й), и что церковное управленіе и судъ исходятъ отъ царя, какъ отъ своего источника (24), что царь можетъ отбирать у Никона данныя ему права по церковному управленію (25-й), по своему реорганизовать церковный судъ и вручать его кому угодно (26-й).

Никонъ о лжепророкахъ цезарепапистахъ.

Естественно, что Никонъ называлъ все ученіе Лигарида ложью, челоуѣкоугодничествомъ (какъ и Симеонъ Солунскій квалифицировалъ цезарепапизмъ). „Кто ты и что твои дѣла? Не ты ли Антихристъ, пришедшій къ намъ? Не одѣлся ли ты въ овечью шкуру, будучи внутри хищнымъ волкомъ, захватывающимъ простецовъ? Не твои ли плоды — плоды терновника и чертополоха? Не ты ли худое дерево, дающее худые плоды, о которомъ Христосъ сказалъ: по плодамъ ихъ познаете. О такихъ пророчествахъ говоритъ Божественный Апостоль Петръ (2 Петр. 2, 13): были и лжепророки въ народѣ, какъ и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси... И многіе послѣдуютъ ихъ разврату и черезъ нихъ путь истинный будетъ въ поношеніи" (1, 284). А, обращаясь къ Одоевскому, говоритъ: „Кто ты, что вопреки Божественнымъ законамъ и канонамъ составляешь новые сатанинскіе законы, какъ новый Лютеръ (I, 365)?" Такъ какъ именно составитель Уложенія Одоевскій проводилъ въ жизни понятіе о безграничной власти царя въ церковныхъ дѣлахъ, которой Лигаридъ черезъ 13 лѣтъ придавалъ теоретическую опору и вдохновеніе, то его клеймитъ Никонъ прозвищемъ Лютера, предоставившаго церковное управленіе государственной власти. Никонъ считаетъ долгомъ возстать противъ этого и напоминаетъ, что Іоаннъ Грозный говорилъ на Стоглавомъ Соборѣ Епископамъ, чтобы они страдали за имя Христа, что, если бояре или царь прикажутъ что-либо дѣлать не по правиламъ Святыхъ Отцовъ, то не слушаться, хотя бы имъ угрожали смертью (1, 343). „Антихристъ прикажетъ поклоняться себѣ не внѣшне или чувственно, но такъ же, какъ теперь Епископы, забывая свое достоинство, поклоняются царямъ, какъ владыкамъ, и просятъ ихъ обо всемъ, ища отъ нихъ чести" (I, 293). Здѣсь Никонъ разумѣетъ, что Епископы послѣ его ухода подчинились Митрополиту

Крутицкому, которому царь поручилъ самостоятельно (безъ согласія Никона) управленіе Церковью. „А, вѣдь, они обѣщали при своемъ поставленіи во всемъ слѣдовать и повиноваться Вселенскимъ Патріархамъ и намъ, ихъ отцу, и Патріархамъ, имѣющимъ быть на нашемъ престолѣ послѣ насъ, и не дѣлать ничего подѣ давленіемъ царя, боярѣ или князей или народной массы, хотя бы имъ угрожали смертью" (I, 137). Въ епископской присягѣ передѣ поставленіемъ (Акты историч. IV, 8, 9) дѣйствительно говорится, „...къ симъ же исповѣдую... не сотвориши ми ничто же по нуждѣ, ни отъ Царя и Великаго Князя, или отъ боярѣ или отъ князей многихъ, ни отъ множества народа..." И въ другомъ мѣстѣ далѣе: „И на томъ обѣщаваюся не послушати ми ся повелѣнія твоего, Великаго Господина, Отца моего Святѣйшаго.... Патріарха Московскаго и всея Руси и всего Освященнаго Собора." Эта ссылка Никона показывала, что цезарепапистская теорія не только не была признана въ официальныхъ актахъ, но и опредѣленно отвергалась въ XVII вѣкѣ ими, являясь лишь злоупотребленіемъ практики. Этотъ цезарепапистскій духъ и есть проявленіе духа Антихристового, охватившаго, по Никону, Русскую Церковь; и этимъ духомъ заразили бояре царя, вовлекши его въ изданіе Уложенія еще до Патріаршества Никона, когда царю было только 20 лѣтъ, а Никонъ еще не былъ въ силѣ, чтобы протестовать, когда самъ Патріархъ Іосифъ былъ увлеченъ по слабости общимъ теченіемъ. Въ этомъ укрѣпилъ царя своей ученостью низверженный изъ сана въ 1660 г. Газскій Митрополитъ Паисій Лигаридъ, продавшійся боярамъ, ѣхавшій въ Россію, никѣмъ не званный, за живой, котораго царь поставилъ предсѣдателемъ всего Архіерейскаго Собора 10 мая 1663 года, разбиравшаго вопросъ о преданіи Никона суду, и о способахъ дальнѣйшаго направленія этого дѣла. Лигаридъ сталъ душой всего похода противъ Никона, и всѣ распоряженія по дѣлу Никона были плодомъ его бесѣды съ пресвѣтлымъ синклитомъ: „Бояре во всемъ послушны ему были, и что возглаголетъ яко отъ устъ Божіихъ послушали его, яко пророка Божія", пишетъ современникъ.

О власти удерживающей.

Такъ смотрѣлъ на цезарепапизмъ Никонъ. Между тѣмъ, власть православнаго царя въ его глазахъ — преграда противъ зла, царящаго въ мірѣ, и потому должно предохранить ее отъ разрушенія; а это разрушеніе можетъ наступить, какъ наказаніе за презрѣніе къ Церкви, за покушеніе на ея права и положеніе со стороны цезарепапистскихъ

идей; опорой въ Православіи царю служитъ Патріархъ, какъ мы заключаемъ изъ его разсужденій въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Никонъ цитируетъ 2 Посланіе къ Ѳессалоникійцамъ объ отступленіи, имѣющемъ быть, и объ открытіи человѣка грѣха до пришествія Спасителя. „И нынѣ вы знаете, что не допускаетъ открыться ему въ свое время. Ибо тайна беззаконія уже въ дѣйствиі, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающей теперь" (2 Ѳес. 2, 6, 7). Никонъ приводитъ толкованіе этого мѣста, обращаясь къ боярину Одоевскому. „Надо изслѣдовать, кто удерживающей, и почему Павелъ говоритъ объ этомъ неясно. „Что препятствуетъ его появленію? Нѣкоторые говорятъ, что благодать Св. Духа, другіе, что Римская власть. Съ послѣдними я согласенъ. Ибо, если бы Павелъ разумѣлъ Св. Духа, то и сказалъ бы ясно. Если бы онъ долженъ былъ придти, когда оскудѣютъ дары Св. Духа, то они давно уже оскудѣли. Но, если онъ говоритъ о Римской власти, то онъ имѣетъ основаніе говорить прикровенно, ибо не хотѣлъ навлекать на христіанъ лишнихъ преслѣдованій. Ибо, если бы онъ говорилъ о скоромъ ниспроверженіи Римской власти, то навлекъ бы со стороны Имперіи преслѣдованіе на христіанъ, какъ на людей, якобы живущихъ и работающихъ на разрушеніе Имперіи. Поэтому онъ не говоритъ такъ ясно, хотя и упоминаетъ опредѣленно, что онъ откроется въ свое должное время. Ибо „тайна нечестія уже совершается," говоритъ онъ. Подъ этимъ онъ разумѣетъ Нерона, какъ образъ Антихриста, ибо онъ желалъ божественнаго себѣ поклоненія. Ибо, если до этого времени былъ уже кто-либо мало отличающійся отъ Антихриста, и если уже былъ образъ чудовища и тираніи въ родѣ такого, какой будетъ послѣ, онъ объ этомъ говорилъ прикровенно не изъ страха, но чтобы не наталкивать насъ на то, чтобы мы безъ нужды создавали себѣ враговъ. Такъ онъ и говоритъ: „Пока не будетъ взятъ удерживающей теперь, то есть, когда Римская власть будетъ уничтожена, онъ и придетъ, то есть, пока есть страхъ этой власти, никто не захочетъ ему подчиниться, но когда она будетъ разрушена, онъ наведетъ анархію и будетъ желать захватить себѣ всю власть, какъ человѣческую, такъ и божескую. Ибо, какъ раньше была разрушена Мидійская Имперія Вавилонской, Вавилонская Персидской, Персидская Македонской, а Македонская Римской, такъ эта послѣдняя будетъ разрушена Антихристомъ, а онъ Христомъ¹. Эти вещи передаетъ намъ Давидъ съ под-

¹ Въ глазахъ Никона Московское царство есть III-й Римъ, и ему грозитъ это разрушеніе.

робнымъ поясненіемъ. И тогда, говоритъ Павель, явится тотъ беззаконникъ, котораго Христось убьетъ дуновеніемъ устъ Своихъ и разрушитъ блескъ его пришествія, даже того, чье пришествіе есть дѣло Сатаны. Онъ покажетъ большую власть и ничего истиннаго. Всѣ эти обманы предсказаны, чтобы тѣ, которые будутъ жить тогда, не были обмануты, также его ложныя чудеса, которыя обманомъ введутъ въ ложь и въ разнаго рода нечестія погибающихъ... Антихристъ придетъ для разрушенія людей и нанесенія имъ вреда, и всякаго, не сотрудничающаго съ нимъ, онъ насильно подчинитъ и изумитъ всѣхъ и, вслѣдствіе его приказовъ, страха людей предъ нимъ, онъ будетъ страшень и своей властью, и своей жестокостью, и своими незаконными приказами. Видишь ли, компиляторъ лжи, что Божественный Апостоль предостерегаетъ насъ отъ вещей въ будущемъ, которыя теперь для насъ уже настоящія, благодаря вамъ и вашей злобѣ. Развѣ не наступило теперь отступленіе отъ Святого Евангелія и отъ преданій Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ? Развѣ не обнаружился человѣкъ, сынъ погибели, который противопоставитъ себя и вознесется надъ всѣмъ, что называется Богомъ или чему поклоняются. Апостоль говоритъ „отступленіе“, ибо онъ разрушитъ многихъ. И что можетъ быть болѣе разрушительно, чѣмъ оставить Законъ Божій и Его Заповѣди, предпочитать преданія человѣческія, то есть книгу Уложенія, полную горечи и коварства. Но кто же это, спросятъ? Сатана? Никоимъ образомъ. Это человѣкъ, который принялъ все дѣло Сатаны и который приготовилъ и принялъ много другихъ въ единеніе съ собой, такихъ, какъ ты, составители лжи, и свои товарищи, подобные тебѣ. А что касается сидѣнія въ храмѣ Божіемъ, то это не есть буквальное сидѣніе во всѣхъ Церквахъ; а владѣніе властью надъ Церквами, а Церковь — не каменные стѣны, а церковные законы и пастыри, противъ которыхъ ты, отступникъ, поднялся, дѣлая дѣло сатаны, и написалъ въ кодексъ, чтобы дать юрисдикцію надъ Патріархомъ, Митрополитами, Архіепископами, Епископами, и всѣмъ духовнымъ чинамъ свѣтскимъ людямъ, не имѣя мысли о Богѣ" (1, 404-406).

Цезарепапизмъ — отъ духа Антихриста.

Но, если царская власть — власть удерживающая отъ зла, то носитель ея долженъ особенно быть свободнымъ отъ всякаго зла, и ему необходима благодатная помощь отъ того, кто призванъ быть въ

государствѣ живымъ образомъ Христа, словомъ и дѣломъ свидѣтельствующимъ истину, — отъ Патріарха.

Помощь Патріарха царю — быть царемъ православнымъ.

Въ предисловіи къ служебнику, изданному въ августѣ 1655 года по благословенію Никона, говорится о царѣ и Патріархѣ, какъ о „богоизбранной сей и премудрой двоицѣ“, о „богоизбранной сей сугубицѣ“, о „благочестивой сей и богомудрой двоицѣ“¹, которая въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича и Патріарха Никона предсѣдательствовала на Соборѣ 1654 года и повелѣла собрать въ Москву древнія святыя книги. Обязанность Патріарха — говорить передъ царемъ истину, не стыдясь (I, 607). Но на протяженіи всѣхъ 615 страницъ Англійскаго перевода рукописи Никона нѣтъ ни одного слова о требованіи для Патріарха какихъ либо правъ въ дѣлѣ государственнаго управленія или требованія сораздѣленія власти съ царемъ. Мы видѣли, что Никонъ и свое регенство въ отсутствіе царя характеризировалъ, какъ службу царю. Даже по поводу называнія его „Великимъ Государемъ“ Никонъ недоумѣвалъ и писалъ: „Въ Вязьмѣ царь просилъ насъ писаться Великимъ Государемъ, но нашего согласія мы на то не давали. Но, если онъ раскаивается въ своей волѣ, а насъ порицаетъ, будто мы впервые сами такъ писали, то Богъ его будетъ судить въ день судный по очевидности его собственныхъ писемъ, въ которыхъ этотъ титулъ написанъ. Но какая разница между государемъ и господиномъ? Вѣдь, всякій кого угодно можетъ называть государемъ?“ (I, 66).

Когда Никонъ говоритъ о правахъ Патріарха, то говоритъ только о его правахъ въ нѣдрахъ Церкви и о правѣ печалованія передъ царемъ; онъ даже не говоритъ ни разу о тѣхъ правахъ въ государственномъ управленіи, которыя имѣлъ въ силу давняго обычая высшій предстоятель Русской Церкви по участию въ Боярской Думѣ, и о признанномъ, даже въ Уложеніи, положеніи Патріарха, какъ перваго государственнаго сановника, честь котораго охраняется наравнѣ съ царской (Улож. гл. X, 27, 31). Вообще, перечитавъ всѣ Никоновы писанія, намъ ни разу не попадалось встрѣтить претензіи Никона на участіе въ свѣтскихъ дѣлахъ. Такія поползновенія ему приписала враждебная ему боярская партія, которая, тяготясь его вліяніемъ на царя, желала возбудить противъ него царя, и потому убѣждала его, что Никонъ для того и „даръ Константина Великаго“ помѣстилъ въ

¹ Макарій, „Исторія Русской Церкви“, XII т., 235 стр.

Кормчую, чтобы добиться отъ царя совершенной независимости, подобно Папѣ Сильвестру, и что невозможно даже совмѣстное ихъ пребываніе въ одной столицѣ. Что именно бояре возбуждали царя противъ Никона, объ этомъ говорить не только всѣ безпристрастные историки, но даже подкупленный боярами Лигаридъ писалъ въ письмѣ Никону, что „бояре соблазнялись объ униженіи царскаго достоинства". А насколько бояре дѣйствительно ратовали за царя, видно уже изъ того, что они въ своихъ вопросахъ Восточнымъ Патріархамъ, отправленныхъ съ іеродіакономъ Мелетіемъ, самой постановкой вопросовъ обвиняли не только Никона, но и царя. Видно изъ этого, что они не щадили и царя, когда боялись умаленія своего положенія. Но для Никона помѣщеніе этого дополненія въ Кормчей служило лишь нравственнымъ образцомъ отношенія царя къ Церкви, отношенія юридически добровольнаго.

О природѣ послушанія царя Патріарху. Клятва 1652 г.

Лишь въ дѣлахъ церковнаго управленія Никонъ требоваль послушанія отъ царя; но послушаніе это онъ выводилъ не изъ правъ Патріарха, вытекающаго изъ его государственнаго положенія, а изъ особой добровольной клятвы царя передъ своимъ вступленіемъ въ Патріаршество, которое обновляло и повторяло то обязательство на послушаніе Церкви, которое царь уже носилъ въ силу обѣтовъ крещенія, какъ сынъ Церкви, и вторично принималъ при коронаваніи, какъ царь. Никонъ не могъ при своихъ воззрѣніяхъ на Церковь, какъ на самостоятельный организмъ, вступить безоговорочно въ управленіе ею въ 1652 году, когда только за три года передъ тѣмъ при его предшественникѣ введено было Уложеніе, исходившее, если не изъ сознательно другихъ взглядовъ на Церковь, то во всякомъ случаѣ осуществлявшее свѣтское засиліе надъ ней въ видѣ вторженія въ ея управленіе, нарушавшее вѣковой обычай. Еще Новгородскимъ Митрополитомъ онъ добился отъ царя непримѣненія Уложенія къ его митрополичьей области; теперь онъ передъ вступленіемъ въ Патріаршество поставилъ условіемъ принятія должности каноническое подчиненіе, которое основывалъ на словахъ Спасителя: „Слушающій васъ Меня слушаетъ." Никонъ самъ описываетъ свое вступленіе на Патріаршество въ интимномъ письмѣ, которое онъ отправилъ Константинопольскому Патріарху Діонисію въ декабрѣ 1665 года, и которое было перехвачено царемъ. Вотъ, въ какихъ словахъ Никонъ выразилъ свое пониманіе обязанностей всѣхъ христіанъ

къ Церкви и къ ея предстоятелю въ рѣчи къ царю и боярамъ: „Благочестивѣйшій царь и Великій князь Алексѣй Михайловичь, самодержецъ всея Россіи, и вы благочестивые бояре и вы члены Священнаго Совѣта, Митрополиты, Архіепископы, Епископы и христіанскіе люди. Вамъ извѣстно, какъ сначала пришли въ эти страны проповѣдь Св. Евангелія и канонѡвъ Св. Апостоловъ, семи Вселенскихъ Соборахъ и девяти Помѣстныхъ и Св. Отцовъ и царскихъ законѡвъ; именно какъ мы получили ихъ отъ благочестивыхъ греческихъ царей и отъ Вселенскихъ Патріарховъ по свидѣтельству исторіи. И мы называемся христіанами и послѣдователями Божественныхъ предъ писаній Евангелія, канонѡвъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ и законѡвъ благочестивыхъ греческихъ царей, но, что касается практическаго исполненія въ дѣйствительности, то оно весьма недостаточно у насъ; хотя нашъ Господь Іисусъ Христосъ говоритъ: „Почему вы зовете Меня Господи, Господи, и не дѣлаете того, что Я говорю". И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: „Тотъ, кто имѣетъ и исполняетъ Мои заповѣди, тотъ любитъ Меня, а кто не любитъ Меня, тотъ не соблюдаетъ и заповѣдей Моихъ.**„Не слушатели Слова праведны передъ Богомъ, но исполнители его, ибо блаженны слушавшіе Слово Божіе и исполняющіе его.** Поэтому, благочестивый царь, и вы, бояре, и вы, Священный Соборъ, и вы, христіанскіе люди, если угодно вамъ, чтобы наше смиреніе было вашимъ Патріархомъ, то вы дайте мнѣ ваше слово, и дѣлайте завѣтъ со мной въ этой Святой Соборной и Апостольской Церкви передъ Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и передъ Святыми Ангелами и всѣми Святыми и **обѣщайте соблюдать заповѣди Святаго Евангелія и каноны Святыхъ Апостоловъ и Св. Отцовъ и законы греческихъ царей неизмѣнно и повиноваться намъ, какъ пастырю и начальнику отцу во всемъ, что я буду возвѣщать вамъ по Божественнымъ заповѣдямъ и законамъ,** и, если вы это сдѣлаете, то я, видя ваше усердіе и вашу молитву, не смогу дальше отказываться отъ этой великой милости". Затѣмъ, благочестивый царь со всѣми почтенными боярами и всѣмъ освященнымъ соборомъ горячо и ревностно приняли нашъ отвѣтъ и обѣщали во Святой Соборной и Апостольской Церкви передъ Святымъ Евангеліемъ, передъ святыми почитаемыми иконами Христа и Богоматери и другихъ святыхъ неизмѣнно исполнять то, что мы упомянули, и призывали во свидѣтели нашего Господа Іисуса Христа и нашу Святую Непорочную, Преблагословенную и Славную Матерь Божію и Приснодѣву

Марію, всѣхъ Святыхъ и Св. Евангеліе и всѣ святыя чтимыя иконы" (Пальмеръ, III, 382-384). **Изъ текста клятвы видно, что вся** паства призывается Патріархомъ исполнять законы церковные, ибо и законы греческихъ царей, о которыхъ здѣсь говорится, и которые въ видѣ II части Кормчей вошли въ составъ ея при напечатаніи ея, какъ при Патріархѣ Іосифѣ въ 1651 г., такъ и при Патріархѣ Никонѣ въ 1653 г., — относятся къ Церкви, ею были приняты въ качествѣ церковныхъ законовъ, т. е. канонизованы. Уложение нарушало эти принципы своимъ новымъ церковнымъ судопроизводствомъ, и Никонъ добился отъ царя, если не отмѣны ихъ, то пріостановки дѣйствія Уложения въ этой части, что и соблюдалось, пока въ 1657 году боярамъ не удалось подорвать довѣрія царя къ Никону. Послѣ этого бояре стали примѣнять Уложение къ церковнымъ дѣламъ и даже превышали, какъ увидимъ впослѣдствіи, и права, предоставленныя Уложениемъ монастырскому Приказу. **Само по себѣ напоминаніе о каноническомъ подчиненіи Патріарху не представляло ничего, выходящаго за сферу его правъ, и повторялось и послѣ Никона при поставленіи Патріарха, какъ и было при поставленіи Патріарха Іоасафа II" (III, 473).**

Рѣчь Никона при поставленіи характерна въ томъ отношеніи, что въ ней сразу выявился тотъ ревностный блюститель дѣйствительнаго исполненія каноновъ, который и въ теченіе всей своей Патріаршей дѣятельности выполнилъ девизъ: не слушатели, а исполнители закона спасаются. Въ Возраженіи на вопросы-отвѣты Стрешнева-Лигарида нигдѣ не видно, чтобы Никонъ центромъ своего вниманія ставилъ права именно Патріарха, но разсужденіями объ обязанностяхъ христіанъ къ Церкви и въ томъ числѣ объ обязанностяхъ царя, въ силу его особаго положенія, переполнена его книга.

О превосходствѣ священства надъ царствомъ.

Также говоря о духовной власти и объ ея превосходствѣ надъ свѣтской, онъ говоритъ не столько о Патріархѣ и царѣ, сколько объ оцѣнкѣ полномочій духовной и свѣтской власти съ духовной точки зрѣнія, разсматривая ихъ содержаніе, т. е. онъ сравниваетъ власти духовную и свѣтскую въ объективномъ ихъ смыслѣ, выражаясь языкомъ юридическимъ, причемъ, въ такомъ случаѣ подъ властью священства разумѣетъ даже не собственно патріаршескую власть, а власть всѣхъ іерархическихъ степеней, начиная съ священнической. Послѣднее положеніе, между прочимъ, иллюстрируется тѣмъ, что

пишетъ Никонъ (I, 127): „Хочешъ ли знать, что священство почтеннѣе и есть высшее достоинство, чѣмъ само царство. Не говори мнѣ о пурпурѣ, коронѣ, золотыхъ одеждахъ, ибо все это какъ трава и ниже любого полевого цвѣтка. Ибо, какъ сказано, всякая слава человѣческая, какъ полевой цвѣтокъ, хотя бы это было и то, что вы называете императорскимъ пурпуромъ. Поэтому, не говорите мнѣ объ этомъ. Но, если ты желаешь видѣть, **какое различіе между священникомъ и царемъ, то изслѣдуй власти, которыя даны каждому, и ты увидишь, что священникъ поставленъ много выше царя.** Ибо, хотя тронъ царя можетъ казаться вамъ почетнѣе отъ драгоценныхъ камней на немъ и золота, которымъ онъ обложенъ, однако, **онъ получилъ власть управлять только земными вещами и не имѣетъ никакой власти дальше этого. Но тронъ священства — на небесахъ.** Кто говоритъ вамъ это? Царь Небесный. „Что свяжете на землѣ, то будетъ связано на небесахъ" (Мѡ. 18, 18). Какая честь можетъ быть равна этой? **Небо принимаетъ начало духовнаго суда отъ земли, ибо судящій имѣетъ свою плоть на землѣ. Богъ слѣдуетъ за Своимъ слугой. Какое рѣшеніе даетъ слуга, то утверждается Богомъ на небеси. И священникъ стоитъ между Богомъ и человѣкомъ, какъ низводящій на насъ благодать, вознося отъ насъ мольбы къ небесамъ, примиряя Его, когда Онъ гнѣвается, съ нашей собственной природой и освобождая своей рукой, когда мы Его прогнѣвали. Потому, сами цари помазываются руками священниковъ, но не священники рукой царя, и самая голова царей поставлена Богомъ подъ руки Его священниковъ, показывая намъ, что священники есть большая власть, чѣмъ царь, ибо большій благословляетъ меньшаго.**" Дальше Никонъ показываетъ наглядно обязательство для царя подчиненія церковнымъ законамъ. „Если бы кто либо громко сказалъ всенародно, что царь оставилъ Христа и Бога, то кто бы возрадовался, кромѣ апостата? Кѣмъ же можетъ быть такой человѣкъ, какъ не отступникъ отъ Христа, даже если бы это былъ царь. Ибо Богъ одинаково всѣмъ сказалъ: „Слушающій васъ Меня слушаетъ, и отвергающій васъ отвергаетъ Меня". Кто же можетъ назвать христіаниномъ отвергающаго Христа? Также, если бы царь сталъ порицать и безчестить своего духовнаго отца исповѣдника, всякій бы сталъ это порицать и справедливо, если онъ не сумасшедшій" (I, 127-127). „Власть царя — одно, а власть Епископа — другое (I, 242). Священникъ стоитъ передъ алтаремъ и своими руками приноситъ непорочнаго Агнца (I, 45). Одинъ при-

нуждаетъ, другой утѣшаетъ; одинъ ведетъ войну съ врагами, а другой съ князьями міра сего, тьмы вѣка сего. И потому священство гораздо больше царства" (I, 130). Духовная власть не знаетъ принужденія матеріальнаго у Никона и опирается на часто цитируемыя имъ слова Спасителя, сказанныя Имъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ: „Слушающій васъ Меня слушаетъ, и отвергающій васъ отвергаетъ Меня." Помимо внутреннихъ духовныхъ дѣлъ, въ которыхъ вѣрующій соприкасается съ духовной властью въ таинствахъ, есть внѣшній церковный порядокъ, который приходитъ въ соприкосновеніе съ порядкомъ государственнымъ, хотя имѣетъ свое происхожденіе, назначеніе, свои средства и свою цѣль, и особую природу.

Критика Никономъ разныхъ теорій соотношенія духовной и свѣтской власти.

Никонъ подвергаетъ разбору соотношенія двухъ властей и рассматриваетъ, подвергая критикѣ, различныя теоріи (I, 250-255). Здѣсь со всей ясностью выступаетъ теорія симфоніи въ Никоновскомъ пониманіи, и вполнѣ устанавливается тотъ фактъ, что Никонъ былъ одинаково далекъ, какъ и отъ цезарепапизма, такъ и отъ папскаго цезаризма. Устанавливая далѣе добровольное подчиненіе царской власти Церкви, онъ тѣмъ самымъ отвергаетъ и теорію косвенной власти предстоятеля Церкви, которымъ заражается католическая теорія съ XI вѣкѣ. Это сближаетъ Никона съ пониманіемъ симфоніи такими Отцами Церкви, какъ Св. Іоаннъ Златоустъ и Св. Ѳеодоръ Студитъ. Борьба Никона за самостоятельность Церкви во многомъ напоминаетъ такую же борьбу Св. Ѳеодора Студита во время засилія императоровъ иконоборцевъ и дѣлаетъ Никона такимъ же борцомъ за возстановленіе церковно-государственныхъ отношеній въ святоотеческомъ ихъ пониманіи, бывшихъ въ лучшія времена Византіи, какимъ онъ былъ въ борьбѣ за возстановленіе греческой редакціи богослужебныхъ книгъ.

Вотъ эта цитата, которая словами самого Никона раскрываетъ его ученіе о соотношеніи властей и суммируетъ прежде цитированное нами въ разныхъ мѣстахъ въ одно цѣлое ученіе: „Видишь ли, отвѣтотворче и челоуѣкоугодникъ, что не священство беретъ свое происхожденіе отъ царства (въ смыслѣ полученія отъ него освященія), какъ въ другомъ мѣстѣ совершенно точно говоритъ Ни-

конь¹ (I, 254), а наоборотъ, какъ показываютъ святыя церковныя молитвы и священнодѣйствія и поученія Епископа при коронованіи? Гдѣ же наша вина передъ царемъ и гдѣ его оправданіе? Въ молитвахъ сказано: „Вѣрный стражъ Святой Церкви“, а онъ ее только ограбилъ. И старыя греческіе законы объявляютъ, что есть два меча власти: духовный и свѣтскій, которые Господь Иисусъ Христосъ установилъ для защиты Своего народа въ Церкви, въ которой Епископъ есть духовный, а царь свѣтскій. Разсмотрѣлъ ли кто нибудь ради объясненія этого, что надо разумѣть подъ этими двумя мечами, т. е. какъ понимать эти выраженія? Если кто не повинуется Епископу, царь того вынуждаетъ къ повиновенію, равно тѣ, которые отказываются повиноваться царю, вынуждаются къ повиновенію Епископомъ, когда въ этомъ настанетъ нужда.

Но эти мечи **двухъ разныхъ родовъ власти и юрисдикціи — духовной и свѣтской** (т. е. власти различнаго порядка и компетенціи ихъ различны). Здѣсь иной можетъ спросить: если духовное и свѣтское правительство поддерживаются этими **двумя мечами, то который изъ нихъ выше и болѣе достоинъ вниманія?** Иные думаютъ, что царь долженъ быть выше Епископа, и аргументируютъ такъ: во-первыхъ, говорятъ они, царство не произошло отъ другого источника, а отъ Господа Бога. Во-вторыхъ, если бы Епископъ былъ выше, чѣмъ царь, то тогда изъ этого слѣдовало бы, что Епископъ имѣлъ бы инициативу, а царь принималъ бы его распоряженія, а этого нѣтъ (Напротивъ, царь временами принимаетъ даръ побѣды (тріумфъ отъ Церкви), а не наоборотъ). Къ этому прибавляютъ, что царю данъ мечъ для защиты закона, правды, вдовъ и сиротъ, чѣмъ онъ и можетъ судить всякаго рода дѣла, что не дано Епископу, ибо мы слышали о Св. Петрѣ, которому сказалъ Искупитель: вложи мечъ въ ножны, желая показать, что не желаетъ соучастія съ властью міра сего. Такъ аргументируетъ одна сторона. **Противъ этого возражаютъ, что Епископъ выше царя, доказывая это слѣдующимъ образомъ.** Господь Богъ далъ верховному первосвященнику оба меча и обладаніе этимъ

¹ Въ англійскомъ переводѣ Palmer'a слова Никона приведены такъ: But when the Bishop crowns the Tsar and consecrates him, he then acts and does this by virtue of his order; and in the same act the Tsar shows a voluntary submission to the Bishop. For even though he were not instituted or crowned by him he would still all the same be Tsar. He obtains and holds in point of fact the imperial or regal quality by the sword: but the name of Tsar (that is, of a sanctified and christian or orthodox Tsar) he gets by the episcopal consecration, of which the Bishop is the author and source (Но когда Епископъ коронуетъ и освящаетъ царя, онъ дѣйствуетъ въ силу своего сана; въ томъ же священнодѣйствіи царь обнаруживаетъ добровольное подчиненіе Епископу. Ибо, даже если бы онъ не былъ коронованъ, онъ все же оставался бы царемъ. Онъ получаетъ и удерживаетъ фактически свою царскую власть мечомъ, но имя царя (то есть имя царя освященнаго и христіанскаго или православнаго) онъ получаетъ отъ епископскаго освященія, для котораго Епископъ является совершителемъ и источникомъ).

міромъ и духовнымъ, именно де Господь Іисусъ Христосъ сказаль Апостоламъ: „Кого вы свяжете на землѣ, тотъ будетъ связанъ на небеси“, и это Онъ далъ въ ихъ лицѣ и всѣмъ ихъ викаріямъ и преемникамъ. Они говорятъ также, что здѣсь Епископу дана власть на небеси, которая есть нѣчто болѣе превосходное, чѣмъ власть этого міра. Такимъ образомъ, достаточно ясно, что Епископъ — высшій. Они прибавляютъ, что временами Епископъ вынужденъ употреблять и свѣтскій мечъ и свѣтскую юрисдикцію, и что онъ можетъ дѣлать то, что обычно дѣлаетъ царь, ибо онъ издаетъ норму для православныхъ людей. Далѣе; они говорятъ, что Епископъ ставитъ царя и имѣетъ власть связывать его по заповѣди Божіей. Ибо, если священникъ, которому царь исповѣдаетъ свой грѣхъ, и котораго называетъ отцомъ духовнымъ, можетъ связывать, то тѣмъ болѣе верховный первосвященникъ, который имѣетъ власть надъ тѣми священниками-исповѣдниками царя, имѣющими власть связывать и разрѣшать? Царь при помазаніи на царство обязывается покровительствовать правдѣ и искоренять неправду. Но оставимъ въ сторонѣ этотъ споръ и разрѣшимъ его такъ: **въ духовныхъ дѣлахъ, принадлежащихъ къ Славі Божіей, Епископъ выше царя, ибо тамъ только онъ можетъ осуществить духовную юрисдикцію**, но въ дѣлахъ этого міра выше царь¹. Такимъ образомъ, обѣ стороны не противорѣчатъ другъ другу. Однако, Епископъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ свѣтскимъ дѣламъ, какъ выше указано. Если царь не дѣлаетъ того, что ему подобаетъ дѣлать въ повиновеніи законамъ Божіимъ, тогда во власти Епископа наказать или отлучить его, не какъ царя, но какъ отступника отъ Божьяго закона" (Тѣмъ самымъ Никонъ отвергаетъ то ученіе о прекращеніи обязанности повиновенія подданныхъ, которое на лицо въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ теоріяхъ) (I, 250-252).

Никонъ о „Дареніи Св. Константина Великаго“.

Далѣе Никонъ затрагиваетъ историческое происхожденіе свѣтскихъ функцій Папы и ихъ обоснованіе по „Даренію Святаго Константина Великаго“, въ подлинности котораго онъ не сомнѣвается. Онъ передаетъ его содержаніе въ короткихъ словахъ (въ другомъ мѣстѣ онъ цѣликомъ его приводитъ) ровно настолько, чтобы, показавъ историческое происхожденіе свѣтскихъ полномочій Церкви, вновь продолжить оцѣнку обѣихъ властей; рѣшительно

¹ У Palmer'a приведено: But in these things which belong to the province of this world the Tsar is higher. (Но въ дѣлахъ, принадлежащихъ къ сферѣ этого міра, царь выше).

нигдѣ онъ не выставляетъ этого Даренія, какъ основанія для того, чтобы и въ Россіи создавать нѣчто подобное свѣтской папской области. Никонъ разсматриваетъ этотъ документъ при разсмотрѣннн соображеній, приводимыхъ сторонниками превосходства духовной власти надъ свѣтской, и не могъ не затрагивать его, ибо онъ помогаль ему, при смѣшеннн духовныхъ и свѣтскихъ полномочій у представителя Церкви, различать происхожденн и природу тѣхъ и другихъ. Никонъ отгѣнилъ, наконецъ, добровольность Константинова Даренія и высокое почитанн Константиномъ Великимъ Церкви въ виду исцѣленія, полученнаго имъ отъ Папы, тѣмъ самымъ невольно подчеркивая, что въ основѣ свѣтскихъ правъ Папы лежитъ право государства, а не право церковное (Аутентичность „Дареній" опровергалась передъ Папами еще въ 15 столѣтнн, но еще въ 16 и 17 вѣкѣ находились защитники его (Hergenrötter, „La chiesa cattolica e to stato cristiano (III, 30); ихъ число все падало послѣ кардинала Баронія. Вотъ, какъ рассказываетъ Никонъ: „Власть и авторитетъ Христіанской Церкви развились во время Константина Великаго, который былъ крещенъ Папой Св. Сильвестромъ и одновременно исцѣленъ отъ своей болѣзни. Когда онъ знакомъ Животворящаго Креста побѣдилъ Максенція и изгнать другихъ гонителей и дароваль миръ Греческой и Римской имперіи, то, во исполненн обѣта, который онъ далъ въ своей молитвѣ къ Богу, онъ далъ Папѣ собственный дворець въ Римѣ, именуемый Латеранскимъ, и назвалъ Папу викаріемъ князей Св. Апостоловъ Петра и Павла и послѣ возложилъ на него собственноручно корону и пурпуръ и остальные царскія одежды; въ прибавленн къ нимъ онъ Далъ ему императорскій скипетръ и всѣ инсигннн и степени императорскаго престола, даже его войско было устроено въ соотвѣтствнн съ различными должностями. Равнымъ образомъ, онъ приказаль и отличать священниковъ Св. Христіанской Церкви. Равно онъ почиталь и другихъ Епископовъ по ихъ достоинству. И превыше всего онъ установиль, чтобы тотъ достойнѣйшнн пастырь и его преемники были вѣнчаны той короной, изъ чистѣйшаго золота, которую онъ далъ Сильвестру съ своей головы. Все это онъ сдѣлаль для большей чести Св. Петра. Послѣ того этотъ христіанскій императоръ въ знакъ своего подчиненія взяль и повель за узду пѣшкомъ лошадь, на которой сидѣль Папа Сильвестръ. Онъ далъ ему въ даръ Римъ и отдалъ ему провинцію съ западными областями и перенесъ свой императорскій тронъ на востокъ и назвалъ по своему имени Константинополемъ" (I, 252). Тутъ Никонъ рассказы-

ваець этотъ историческій актъ, смѣшавшій въ лицѣ Папы функціи обѣихъ властей и засвидѣтельствовавшій полученіе свѣтскихъ полномочій и короны папой отъ свѣтской власти. Онъ продолжаетъ: „Если кто скажетъ, что при раздѣленіи двухъ мечей христіанства между двумя лицами, предоставленъ свѣтскій царю, а духовный Епископу, возникаетъ сомнѣніе о томъ, который же выше, то мы разберемъ сначала мнѣніе тѣхъ, которые обучены въ духовномъ законѣ и утверждаютъ, что царская власть должна подчиняться епископской власти. Они говорятъ такъ: епископской власти Богъ далъ ключи царства небеснаго и далъ ей на землѣ власть вязать и разрѣшать. Далѣе епископская власть — духовная, а императорская — этого міра, а сфера небесной власти много превосходитъ дѣль этого міра, т. е. власти свѣтской. Поэтому, ясно де, что царь долженъ быть менѣе, чѣмъ Епископъ, и долженъ быть ему послушенъ. Ибо я также говорю, что духовенство есть избранный народъ, избранный и помазанный Духомъ Святымъ. Если всѣ христіане обязаны повиноваться Епископу, то развѣ тѣмъ болѣе не обязанъ повиновеніемъ тотъ, кто мечомъ призывается приводить въ повиновеніе Епископу? Второй аргументъ тотъ, что Епископъ имѣетъ власть и авторитетъ дѣлать то, что относится къ царской юрисдикціи, т. е. по закону (разумѣется предоставленіе Іерархіи свѣтской юрисдикціи по свѣтскому закону); онъ можетъ судить и управлять въ обѣихъ сферахъ, т. е. по законамъ той или другой власти. Кромѣ того, царь обязуется излагать свое исповѣданіе передъ Епископомъ, и онъ, выслушивая его, долженъ опредѣлить, правильно ли вѣритъ царь и не подлежитъ ли анаѳемѣ (Это имѣло громадное значеніе въ Византіи въ періодъ выработыванія догмы на Вселенскихъ Соборахъ и уясненія того, какое ученіе считать православнымъ). Здѣсь Никонъ заканчиваетъ аргументацію сторонниковъ превосходства власти духовной: „Этотъ вопросъ, говоритъ онъ, требуетъ подробнаго обсужденія съ двухъ сторонъ. Чтобы не входить въ слишкомъ долгое обсужденіе, рассмотримъ, какъ примирить два противоположныхъ мнѣнія, и предоставимъ каждому, т. е. Епископу и царю, соотвѣтствующій авторитетъ, и такимъ образомъ споръ будетъ законченъ.

Каждая власть происходитъ отъ Бога; юридически ни одна не выше другой.

Всемогущій Богъ, создавъ небо и землю, приказалъ двумъ великимъ свѣтиламъ — солнцу и лунѣ — въ ихъ теченіи сіять надъ землей; однимъ изъ нихъ — солнцемъ - Онъ прообразилъ епископскую

власть, а другимъ — луной — царскую. Ибо солнце — большее свѣтило, сіяетъ днемъ, какъ Епископъ, просвѣщающій душу, но меньшее свѣтило сіяетъ ночью, подъ которой разумѣется тѣло. Какъ луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, и въ пропорціи удаленія отъ него на большее разстояніе получаетъ болѣе полное сіяніе, такъ царь производитъ свое освященіе, помазаніе и коронованіе (а не власть) отъ Епископа, и, получивъ это, онъ имѣетъ свой совершенный свѣтъ, т. е. **свою освященную власть и авторитетъ**. Совершенно такое же сходство между этими двумя лицами во всякомъ христіанскомъ обществѣ, какъ между солнцемъ и луной въ матеріальномъ мірѣ. Ибо епископская власть сіяетъ днемъ, т. е. надъ душами; а царская въ вещахъ этого міра. И эта власть, которая есть царскій мечъ, должна быть готовой для дѣйствія противъ враговъ Православной вѣры. Въ этой защитѣ отъ всякой неправды и насилія нуждается Епископъ и все духовенство. Это обязана дѣлать свѣтская власть. Ибо свѣтскіе нуждаются для освобожденія своихъ душъ, а духовные нуждаются въ свѣтскихъ для защиты своихъ тѣлъ. **И такимъ образомъ, въ этомъ ни одна изъ нихъ не выше другой, но каждая имѣетъ власть отъ Бога**. Было написано выше, что духовенство — избранный народъ. Отсюда ты можешь понять также, что въ духовныхъ дѣлахъ такихъ, какъ крещеніе, покаяніе и другія церковныя таинства, духовные кладутъ руки на голову и призываютъ на голову благодать Св. Духа. Когда они ставятъ царя, они помазуютъ его въ формѣ креста на плечахъ. И это указываетъ на различіе между тѣмъ, что свойственно этому міру и что духовному. Но когда Епископъ коронуетъ царя и освящаетъ его, онъ тогда дѣйствуетъ и дѣлаетъ это въ силу своего сана, и въ томъ же актѣ **царь выражаетъ свое добровольное подчиненіе Епископу**. Ибо, даже если бы онъ не былъ поставленъ или коронованъ Епископомъ, онъ былъ бы все же царь. Онъ получаетъ и сохраняетъ фактически императорское достоинство мечомъ, но имя царя, то есть освященнаго христіанскаго или православнаго царя, онъ получаетъ черезъ епископское освященіе, по отношенію къ коему (освященію) Епископъ есть творецъ и источникъ. Надо понять, что законъ имперіи или царства никакъ не затрагиваетъ закона церковнаго, **ибо въ духовныхъ дѣлахъ воля царя не можетъ стоять выше церковнаго закона, ни въ отношеніи какого либо дѣла, принадлежащаго Церкви, царь не можетъ дѣлать установленій или дѣйствовать съ властью контролирующей**.

Въ церковныхъ дѣлахъ церковный закон и Епископъ выше царя.

Также надо понимать и о Епископахъ и о церковныхъ канонахъ, которые повелѣваютъ соблюдать и поддерживать царскіе законы. Ни одинъ человекъ не можетъ противодѣйствовать канонамъ Церкви и законамъ царства и ученію Св. Отцевъ или что либо возражать противъ нихъ (когда они оба утверждаютъ одно и то же). Поэтому ты понимаешь, что надо думать о нихъ обоихъ, именно, что въ дѣлахъ, касающихся освобожденія души, Епископъ выше царя, и каждый христіанинъ православный обязанъ повиноваться Епископу, ибо онъ нашъ отецъ въ Православной вѣрѣ, которому вручена забота о Православной Церкви.

Каждая власть имѣетъ свой порядокъ и права отъ Бога и должна ихъ защищать.

Надо понимать, что ихъ власть одна и равная (одна, въ случаѣ если обѣ постановятъ одно и то же); **каждая имѣетъ свой собственный порядокъ и права, установленныя Богомъ, и каждая должна поддерживать и защищать свой собственный порядокъ для себя, на свою собственную отвѣтственность.** Это предоставлено и духовной власти ея Матерью Православной Церковью. Если одна изъ нихъ нарушаетъ этотъ строй, ни одна не отвѣчаетъ передъ какимъ либо обычнымъ судомъ" (I, 252-255). Столь ясное признаніе Никономъ верховенства царя въ свѣтскихъ дѣлахъ совершенно устраняетъ установившееся со временемъ Лигарида обвиненіе его въ папизмъ, хотя бы только въ смыслѣ слишкомъ широкаго пониманія объема духовной власти. При наличіи такихъ точныхъ опредѣленій, которыя мы видимъ у Никона о самостоятельномъ происхожденіи свѣтской власти, о различіи въ самой сущности власти духовной, нечего прибавлять къ тому, что сказано имъ самимъ.

Юридическое равенство властей; духовное превосходство власти духовной.

Мы не видимъ никакого противорѣчія между прежде высказаннымъ мнѣніемъ Никона о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтской и только что сдѣланнымъ имъ заявленіемъ объ ихъ равенствѣ. Когда Никонъ говорилъ о превосходствѣ, онъ разумѣлъ оцѣнку власти по ея содержанію, власти въ ея объективномъ смыслѣ, т. е. ея функціи; а когда Никонъ говоритъ объ ихъ равенствѣ, онъ говоритъ въ одномъ случаѣ о равной ихъ необходимости другъ для друга и для мірового строя, а въ другомъ случаѣ имѣетъ въ виду признаніе равенства ихъ юридическаго строя, существующаго парал-

лельно; послѣднее юридическое равенство нисколько не исключаетъ, что одна власть добровольно признаетъ надъ собой высшій въ духовномъ смыслѣ порядокъ, въ соотвѣтствіи съ требованіемъ котораго преобразуетъ свой собственный порядокъ, т. е. оцерковляетъ его. Это — совершенно отлично отъ католической теоріи косвенной власти, канонизованной въ § 24 Силлабуса.

Не можетъ насъ нисколько смущать и употребленіе тѣхъ же метафорическихъ сравненій властей съ двумя мечами и съ двумя свѣтилами, въ которыя въ католической доктринѣ Григорія VII-го и Иннокентія III-го вложенъ другой смыслъ. У Никона опредѣленно сравнивается съ освѣщеніемъ луны солнцемъ не происхождение царства, а его освященіе Епископомъ; что же касается меча, то у Никона мечъ свѣтскій вынимается для поддержки и защиты въ Церкви, но не по ея приказанію, а въ видѣ добровольнаго служенія, какъ нравственный долгъ передъ Церковью съ свободнымъ выборомъ порядка его осуществленія, а въ смыслѣ Иннокентія III-го Церковь распоряжается сама государственнымъ мечомъ, обязывая государство къ тѣмъ или другимъ мѣропріятіямъ, которыя она въ лицѣ Папы намѣчаетъ; въ этой системѣ уже не государство возвышается до Церкви, а Церковь понижается до государства. Что Никонъ не матеріализируетъ и не омірщаетъ Церкви, видно изъ тѣхъ средствъ, которыя онъ вкладываетъ въ ея руки для защиты своего самостоятельнаго строя, а затѣмъ и изъ тѣхъ санкцій, которыми онъ сопровождаетъ для царя требованіе соблюденія границъ царской власти, соблюденія ею долга передъ Церковью и передъ Ея Предстоятелемъ Патриархомъ.

Никонъ о мѣрахъ самозащиты Церкви. Заявленіе протеста и духовныя наказанія.

Относительно мѣръ, которыя священство должно принимать въ защиту церковнаго строя, Никонъ пишетъ: „Царь Озія вошелъ въ алтарь Господа воскурить ѳиміамъ, вопреки запрету священника, говоря: я праведенъ. Ты праведенъ, можетъ быть, но держись въ границахъ, тебѣ поставленныхъ. Границы, поставленныя царству — однѣ; границы, поставленныя священству — другія. Но священство выше царства. И Азарія священникъ пошелъ за нимъ и съ нимъ 80 священниковъ. И воспротивился онъ Озіи царю и сказалъ ему: не тебѣ, Озія, кадить Господу; это дѣло священниковъ, сыновъ Аарона, посвященныхъ на кажденіе; выйди изъ святилища, ибо ты поступилъ незаконно. И не будетъ тебѣ это въ честь у Господа Бога. И

разгнѣвался Озія, а въ рукѣ у него кадила для кажденія; и, когда разгнѣвался онъ на священниковъ, проказа явилась на челѣ его передъ лицомъ священниковъ, въ домѣ Господнемъ, у алтаря кадилаго" (2 Пар. 26, 17-19).

„Развѣ я безъ основанія сказалъ, что священникъ выше царя? Азарія и не думалъ удалять его съ почтеніемъ, какъ царя, но какъ какого нибудь отверженнаго презрѣннаго раба. Онъ пошелъ за нимъ гнѣвно, какъ нѣкій вѣрный песъ за гадкимъ дикимъ животнымъ, чтобы вытащить его изъ дома своего хозяина. Видишь ли, какъ душа священника была исполнена великой храбрости и высокой мудрости? Онъ не посмотрѣлъ на величіе правителя, онъ не думалъ, какъ трудно остановить душу, упоенную своей страстью. Онъ не слушалъ Соломона, говорящаго: „Гнѣвъ царя подобенъ рычанію льва“, но смотрѣлъ на истиннаго царя, Царя небесъ, и, думая о грядущемъ судѣ, подкрѣпилъ себя такими мыслями и поспѣшилъ къ оскорбителю. Онъ хорошо зналъ, что гнѣвъ царя подобенъ рычанію льва, но для того, кто приготовился скорѣе умереть, чѣмъ оставить безъ сопротивленія нарушеніе священной заповѣди, этотъ левъ былъ презрѣнень, какъ самая малая собака. **Нѣтъ въ дѣйствительности болѣе безвластнаго, чѣмъ человѣкъ, нападающій на Божественные законы, и нѣтъ ничего сильнѣе, чѣмъ человѣкъ, борящійся за нихъ. Ибо совершающій грѣхъ есть рабъ грѣха, хотя бы онъ носилъ тысячу коронъ на головѣ, но дѣлающій праведное дѣло больше царя самого, хотя бы онъ былъ послѣдній изъ всѣхъ.** Всѣ эти мысли были у священника, когда онъ вошелъ въ алтарь. Посмотримъ, что онъ сказалъ царю, и для насъ будетъ поучительно услышать его упрекъ царю, и что онъ ему сказалъ: „Не свойственно тебѣ возжигать ѳиміамъ передъ Господомъ“. Онъ обратился къ нему, называя не по царскому имени или по другому титулу власти, ибо царь уже лишилъ себя авторитета. Но что сдѣлалъ Богъ, видя, что священникъ оскорбленъ, и слово его растоптано, и самъ священникъ ничего не могъ сдѣлать болѣе. **Дѣло священника только протестовать и обнаружить смѣлость,** но не поднимать оружія, не хвататься за мечъ, не махать копьемъ, не натягивать лукъ, не стрѣлять, **но только смѣло протестовать.** И когда священникъ подвергъ царя порицанію, а царь не подчинился, и поднялъ свое оружіе, прибѣгнувъ къ своей власти, священникъ сказалъ: „Я сдѣлалъ свое дѣло, болѣе я ничего не могу. Защити, Боже, священство поруганное, законы оскверненные и повелѣнія Твои нарушенныя“.

Что же сдѣлалъ Богъ, любящій человѣчество? Онъ тотчасъ ни-спослалъ проказу на чело Озіи. Онъ не сдѣлалъ за этотъ грѣхъ того, что сдѣлалъ, когда Даѡанъ и Авиронъ пожелали раздѣлить священство съ Аарономъ, за что ихъ поглотила разверзнутая земля. Имѣя возможность наложить достойное наказаніе, Онъ этого не сдѣлалъ. Я говорю это не для упрека царю, но чтобы ты (Лигаридъ), упоенный гордостью и яростью, могъ познать, что священство выше царства. **Озія ушелъ изъ храма, помѣченный, какъ примѣръ для всѣхъ людей. Искавшій священство, онъ потерялъ и то, что было его"** (I, 131, 132). „Если царь, говоритъ Никонъ, не дѣлаетъ того, что онъ обязанъ дѣлать ради повиновенія Божественнымъ законамъ, то епископъ можетъ подвергать его духовному наказанію и отлученію, не какъ царя, а какъ отступника отъ Божественнаго закона" (I, 252). Никонъ ссылается на слова Златоуста, когда онъ запретилъ виновнымъ въ нарушеніи его наказа не клясться переступить порогъ храма. „Если кто не повинуется моему закону, говоритъ Златоустъ, тому я запрещаю переступить порогъ Церкви, хотя бы онъ былъ князь, хотя бы онъ былъ даже носитель діадемы; или низвергните меня съ этого авторитетнаго мѣста, или пока я остаюсь на немъ, не ввергайте въ опасность мою душу. Я не осмѣливаюсь подниматься на ступени этого престола иначе, какъ для какого либо духовнаго успѣха. Ибо, если это невозможно, то лучше стоять внизу. **Быть пастыремъ, не принося пользы пасомымъ, есть самое худое дѣло, которое можетъ быть"** (I, 530). Эта цитата, приводимая Никономъ, сопоставленная съ словомъ его 10-го іюля 1658 года, въ объясненіе самимъ Никономъ его ухода съ чтеніемъ имъ за той же литургіей передъ этимъ 29-й гомиліи Златоуста, толкованія на посланіе Апостола Павла къ Римлянамъ, многое объясняетъ въ его уходѣ въ Воскресенскій монастырь (IV, 123-128 и V, appendix 1-4). Никонъ говоритъ, что царь нарушилъ клятву, данную при его поставленіи, не нарушать самостоятельнаго управленія Церкви, въ соотвѣтствіи съ ея канонами, т. е. не исполнилъ клятвы своей быть православнымъ царемъ, и потому къ нему примѣнимо Златоустовское запрещеніе входить въ храмъ, относящееся ко всѣмъ нарушившимъ клятву. Онъ приводитъ и правила Василія Великаго о клятвопреступникахъ, т. е. о тѣхъ, кто поклялся во лжи или нарушилъ клятвенный обѣтъ (64 пр. Василія Великаго устанавливаетъ для нихъ 10 лѣтъ „покаянія") (I, 581). Онъ приводитъ и 82-ое его правило, устанавливающее за нарушеніе клятвы безъ принужденія два года быть

среди плачущихъ, три года слушать Божіе Писаніе, пять лѣтъ быть среди оглашенныхъ (substrati), и два года стоять съ вѣрными въ общеніи молитвенномъ, и только черезъ 12 лѣтъ позволяетъ быть допущеннымъ къ Причастію. Видишь, что нарушители клятвы недостойны даже стоять въ Церкви и молиться съ вѣрными. И это тебя (Лигарида) не беспокоитъ? Ты послушай Христа, сказавшаго: „Слушающій васъ, Меня слушаетъ... и т. д.". Но какъ ты говоришь, что царь выбираетъ Патріарховъ, Митрополитовъ? онъ не имѣетъ власти этого дѣлать; къ тому же не держитъ и клятвы своей. **Вслѣдствіе этого онъ недостойнъ даже входить въ церковь, но долженъ проводить всю жизнь въ покаяніи, и лишь въ часъ смертный можетъ быть допущенъ къ причастію... Златоустъ запретилъ всякому нарушившему клятву... переступить порогъ церкви, хотя бы то былъ самъ царь"** (I, 581). Такъ, за нарушение заповѣди Божіей царь по Никону подлежитъ мѣрамъ духовнаго наказанія.

Не должно повиноваться закону, противорѣчащему канону.

А какъ быть съ его законами и приказами, если они противорѣчатъ канонамъ? Никонъ отвѣчаетъ на это, что этимъ законамъ нельзя повиноваться. И самъ Никонъ, когда его заставляли въ 1663 году 25 іюня вести тяжбу съ Боборыкинымъ объ уведенной будто бы съ Боборыкинской земли его монастырскими крестьянами ржи (передъ окольничьимъ Сукинымъ и думнымъ дворяниномъ Баклановымъ), судиться отказался, но отдалъ всю наличность монастыря, превышающую въ 10 разъ стоимость спорной ржи. Такъ же въ 1653 г. 18-го іюля онъ предоставилъ комиссіи во главѣ съ кн. Одоевскимъ и Лигаридомъ, пріѣхавшей въ Воскресенскій монастырь для слѣдствія по дѣлу, будто онъ проклялъ на молебнѣ 26 іюня 1663 г. царя, — насильно приводить къ допросу подчиненное ему монастырское духовенство, но самъ благословенія имъ на дачу отвѣтовъ не давалъ. Такъ описано это дѣло Гюббенетомъ въ его изслѣдованіи о дѣлѣ Патріарха Никона. Все это происходило потому, что въ глазахъ Никона не могли производить царскіе судьи суда надъ Патріархомъ. Никонъ писалъ въ „Раззореніи": „Мы писали, не хуля царя, а порицая его дѣйствія. Пусть кто хочетъ служить царю и получаетъ отъ него судъ, но намъ Христось далъ законъ и Себя Самого поставилъ примѣромъ не повиноваться и не отвѣчать передъ нечестивыми судами и не привлекать къ нему другихъ (Матѳея 26, 59-63; Іоанна 18, 19, 21; Видишь ли ты,

подражатель жидовъ, какъ Христось и нашъ Богъ, неправильно привлеченный къ суду нечестиваго царя первосвященниками и старѣйшинами іудейскими, не отвѣчалъ и далъ примѣръ для всѣхъ вѣрующихъ въ Него? Онъ даже отвергъ, когда они спрашивали Его съ заклинаніемъ. Мѡ. 26, 63; Лук. 22, 67-71. Никонъ никогда не говорилъ вопреки Божественнымъ правиламъ и не говоритъ теперь. Но Никонъ сказалъ спрашивавшимъ его посланнымъ отъ царя: **Божественные законы не позволяютъ царямъ узурпировать власть надъ собственностью движимой или недвижимой, посвященной Богу, ни судить лицъ, посвященныхъ, т. е. клириковъ. Пусть кто хочетъ принимаетъ судъ царя, но, что касается насъ, то хотя бы мы лишились послѣдней одежды, Христось запрещаетъ намъ идти на судъ царя.**

Возмездіе за нарушение правъ Церкви отъ Бога.

Но если царь привлечетъ насъ къ своему суду силой, какъ сдѣлали евреи съ Христомъ и Его Св. Апостолами, то это увидитъ **Всевышній Царь царей, Господь Господствующихъ, Который отмщаетъ быстро за всякую обиду совершающимъ несправедливость и насиліе**, какъ и издревле Онъ давалъ возмездіе тѣмъ, которые возставали противъ Божьей собственности и наслѣдія и судили неправеднымъ судомъ", и Никонъ напоминаетъ наказанія отъ Бога Саулу, Озіи, Ироду, Ахаву... „Видишь ли, вопрошатель и подражатель еврейскаго нечестія, что Іисусъ не отвѣчалъ евреямъ, спрашивавшимъ Его, и также Онъ сдѣлалъ, когда Его привели передъ Пилатомъ (Матѡея 27, 11-14; Іоанна 18, 33-35, 36, 37, 38). Видишь ли, какъ язычникъ Пилать былъ склоненъ простить Іисуса, а мы никакой обиды не дѣлали царю и не назывались царями" (1, 296 и 297) Что Никонъ не вторгался въ гражданское управленіе, мы имѣемъ свидѣтельство самого царя, сдѣланное имъ въ 1657 году. Онъ сказалъ одному діакону, просившему у царя снять съ него наложенное Никонѡмъ запрещеніе; царь сказалъ: „боюсь Патріарха Никона, а ну какъ онъ скажетъ мнѣ: я не вмѣшиваюсь въ твои дѣла, царь, зачѣмъ же ты вмѣшиваешься въ церковныя". Никонъ писалъ Константинопольскому Патріарху Діонисію: „Мы великимъ государемъ не называлися и въ государственныя дѣла не вступалися, а что о неправдѣ кому говорили и бѣдныхъ отъ бѣдъ избавляли, то мы, Архіереи, на то и поставляемся".

Никонъ и самъ отказывается исполнять государственный законъ, противорѣчащій церковному.

Апостольское правило слушаться Бога, нежели людей, Никонъ считалъ своимъ руководствомъ, потому все то, что онъ почиталъ церковнымъ канонемъ, онъ ставилъ выше законовъ свѣтскихъ и, согласно догмѣ Византійскаго права о преимуществѣ канонѣ надъ законами, правовой догмѣ, перешедшей и въ Россію, онъ отвергалъ свѣтское законодательство, которое нарушало канонъ. Съ нашей современной юридической точки зрѣнія можетъ казаться покушеніемъ на свѣтскую юрисдикцію отказъ Патріарха повиноваться въ гражданскихъ дѣлахъ царскому суду, но въ XVII вѣкѣ не было еще подсудности по предметамъ дѣлъ, а только по лицамъ, и потому духовенство, по Божественному праву подчиненное въ духовныхъ дѣлахъ церковному суду, и въ свѣтскихъ почиталось съ точки зрѣнія Никона подлежащимъ его же суду.

Такимъ образомъ, этотъ отказъ Никона былъ не слѣдствіемъ желанія оторвать отъ государства юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ, а естественнымъ результатомъ современнаго ему пониманія объема церковныхъ дѣлъ, охватывавшаго всѣ дѣла духовенства, въ томъ числѣ и гражданскія и уголовныя, послѣднее только за исключеніемъ убійства и разбоя. Въ вопросѣ объ имущественныхъ правахъ видно, что Никонъ различалъ благодатныя права Церкви, полученныя свыше, и права земныя, полученныя отъ царей Церковью, какъ видимымъ обществомъ-учрежденіемъ. Имущественныя права Церкви онъ признавалъ полученными въ порядкѣ земныхъ отношеній, хотя и по заповѣди свыше. „Ты говоришь, что царь далъ Никону привилегіи, какъ Константинъ Великій Папѣ. Какія? Скажи мнѣ. Десятины"? Но онѣ установлены еще въ Ветхомъ Завѣтѣ. Что иное онѣ, какъ не древнее установленіе закона или традиція благочестивыхъ царей? Но что царь далъ намъ? Отнялъ у Церкви собственность, и изгналъ насъ самихъ, лишивъ привилегій и всего" (I, 207). „Ты говоришь, что даръ можно отобрать отъ неблагодарнаго. Отъ кого же царь приказываетъ отбирать дары, данныя Богу въ благодарность за Его великія милости? Если они мнѣ даны за мои труды и старанія, то почему же царь долженъ отбирать ихъ въ неправедномъ гнѣвѣ? И какъ онъ будетъ отбирать то, что дано и посвящено Богу?" (I, 270).

Принципъ подсудности церковнаго духовенства въ гражданскихъ дѣлахъ Церкви соблюдался въ Россіи со временъ Святого Кня-

зя Владиміра вплоть до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, впервые его нарушившаго. Нарушеніе это произошло съ согласія Патріарха Іосифа и руководимаго имъ духовенства и было однимъ изъ признаковъ чрезвычайной слабости этого Патріарха. Нарушеніе церковныхъ канонѡвъ, сдѣланное Уложеніемъ, вызывало требованіе возстановленія прежняго законодательства; вотъ почему, между прочимъ, Никонъ, такъ отстаивавшій каноническій строй, и не могъ вступить на Патріаршій престоль, не получивъ обѣщанія въ возстановленіи этого строя. Что это дѣлалось не ради какого то властолюбія, то это видно уже изъ того, что Уложеніе сравнительно мало затрагивало юрисдикцію самого Патріарха, который обычно получалъ отъ царя несудимую грамоту, ставившую всю его патріаршую область въ привилегированное положеніе. Ее получилъ Никонъ еще для Новгородской епархіи, когда былъ туда поставленъ Митрополитомъ. И, конечно, онъ ни одной минуты не могъ сомнѣваться, что царь дастъ ее ему и для Патріаршей области, тѣмъ болѣе, что эта несудимая грамота для Патріаршей области требовала только обычнаго подтвержденія ея.

Духовное оружіе царя въ борьбѣ со зломъ — христіанскія добродѣтели: смиреніе прежде всего.

Никонъ неоднократно, какъ мы видѣли, писалъ, что онъ не хулилъ царя, а лишь порицалъ его дѣйствія, и дѣлать такъ онъ считалъ себя обязаннымъ по своему положенію. Но, что онъ власть царя ставилъ на высочайшую степень, видно не только изъ его признанія, что **власть царя — власть верховная въ гражданскихъ дѣлахъ; но и изъ того, что онъ отводилъ ей значеніе власти, удерживающей отъ зла, господствующаго въ мірѣ, а чтобы бороться съ этимъ зломъ, то есть сатаной, недостаточно матеріальнаго оружія, надо бороться и съ крестомъ въ груди, т. е. имѣть добродѣтели, которыя по христіанскому ученію составляютъ главное средство въ борьбѣ надъ преобладаніемъ зла.** Среди этихъ добродѣтелей есть главная; это — христіанское смиреніе; она — одно изъ необходимыхъ свойствъ царя и вообще необходимое средство побѣды надъ врагомъ. На это многократно указываетъ Никонъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги, и мы ихъ должны привести. Объ этомъ смиреніи-послушаніи церковнымъ правиламъ Никонъ напоминаетъ указаніемъ на поученіе царю, читанное по чину при его коронованіи царю вѣнчавшимъ его Іерархомъ. Тамъ говорится: „Государь и возлюбленный сынъ во Святомъ Духѣ Святой Церкви и нашего смиренія, царь и

великій князь Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ всея Руси, смотри, ты отнынѣ поставленъ царемъ по благодати, данной тебѣ отъ Святаго и Животворящаго Духа наложеніемъ рукъ нашего смиренія вмѣстѣ съ Соборомъ духовенства въ Святой и Великой Церкви Успенія Божіей Матери. И ты, государь и сынъ, Божественно вѣнчанный и православный царь Алексѣй Михайловичъ, **самодержецъ всея Руси, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ своемъ и держи христіанскую вѣру греческаго закона чисто и непоколебимо и предохрани свое царство, которое ты принялъ отъ Бога чистымъ и непорочнымъ.** Люби справедливость и милость и суди праведнымъ судомъ. Будь милосердъ къ послушнымъ подданнымъ. Покажи вѣру и страхъ Божій въ Святой Соборной Церкви (Успенія) и всѣмъ Церквамъ. Воздай ей честь, ибо въ ней ты возродился въ святомъ крещеніи духовнымъ возрожденіемъ. **И къ нашему смиренію и ко всѣмъ святымъ богомольцамъ во Святомъ Духѣ покажи твое царское духовное повиновеніе, согласно словамъ Св. Евангелія: слушающій васъ Меня слушаетъ, и отвергающій васъ отвергаетъ Меня.** И знай: какую кто честь воздаетъ Епископу, эта честь переходитъ на Самого Спасителя, отъ Котораго они получаютъ награду во сто кратъ" (I, 581, 582).

Евангельскія слова о послушаніи апостольскомъ разбросаны по всему сочиненію Никона и являются основой, на которой онъ строить не только загробное, но и земное благополучіе. Не говоря о томъ, что это послушаніе не выходитъ за предѣлы церковной сферы, оно исключаетъ всякій архипастырскій произволь. Въ томъ самомъ обѣтѣ, котораго требовалъ Никонъ отъ царя и бояръ передъ вступленіемъ на Патріаршество, прямо говорится, что **обѣщаютъ слушать все то, что Никонъ будетъ говорить согласно церковнымъ правиламъ.** Что Никонъ вообще не считалъ Патріарха верховнымъ судьей церковныхъ правилъ, видно изъ того уваженія, которое онъ питалъ къ соборному принципу. Въ вопросѣ объ исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ, когда онъ убѣдился въ необходимости ихъ исправленія, онъ созвалъ Соборъ 1654 года, который рѣшилъ предварительно вопросъ о необходимости ихъ исправленія, а послѣ этого Никонъ писалъ Константинопольскому Патріарху Паисію, испрашивая его мнѣніе объ исправленіи, и послѣ полученія одобренія, предоставилъ на просмотръ и одобреніе Собора всѣ исправленныя книги. Это обращеніе къ Соборамъ и къ Восточнымъ Патріархамъ показывало, что Никонъ не считалъ себя единовластительнымъ и въ

Патріаршемъ санѣ; письмо 1665 г. къ Константинопольскому Патріарху Діонисію показываеъ, что онъ считалъ и всѣхъ Патріарховъ, вмѣстѣ взятыхъ, связанными канонами въ своемъ высшемъ судѣ.

Праведность царя — основа прочности царской власти.

Слова Никона о послушаніи указываютъ на тотъ фактъ, что правила церковныя требуютъ добровольнаго повиновенія, не имѣя матеріальнаго принужденія, но что они обязательны для каждаго христіанина; безъ исполненія ихъ христіанинъ есть христіанинъ только на словахъ; безъ исполненія ихъ, по Никону, онъ не можетъ надѣяться получить отъ Бога и земное благополучіе. Поэтому онъ постоянно ссылается на ветхозавѣтные примѣры благополучія благочестивыхъ царей и несчастій царей нечестивыхъ, постигающихъ ихъ самихъ, и царства ихъ. Первое дѣло царя — заслужить милость Божію, потому праведность — основа его жизни, а праведность неразлучна со смиреніемъ предъ Церковью. И Никонъ цитируетъ Златоуста: „Дѣлающій волю Божію имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ 10.000 нарушителей. Поэтому, все въ безпорядкѣ, все перевернуто вверхъ дномъ; ибо какъ въ театрѣ мы желаемъ имѣть просто множество людей, а не множество надлежаще воспитанное. Какая польза отъ множества? Развѣ не знаешь, что дѣйствительный народъ — святые, а не многіе? Выведи на битву милліонъ людей и одного святого, и посмотри, кто сдѣлаетъ больше. Иисусъ Навинъ пошелъ на войну, и одинъ добился успѣха; остальные были ненужны: даже такое множество людей, когда оно не дѣлаетъ воли Божіей, есть и все и ничто" (I, 530). Также, разбирая царскія инсигніи, Никонъ приводитъ древнюю форму поставленія царя, связывая съ каждой изъ инсигній особое нравственное значеніе, символизирующее соотвѣтственныя требованія къ царю. „Есть пять инсигній собственно принадлежащихъ царю, которыя Патріархъ при посвященіи ему вручаеъ: первая — корона, которую онъ возлагаетъ на его голову; форма ея подобна коронѣ съ нѣкіемъ пучкомъ надъ головой, имѣющимъ 4 лиліи въ знакъ того, что царь долженъ быть благороднымъ, хорошаго образа жизни и богобоязненнымъ, также, что онъ долженъ вести по доброму пути свой народъ, состоящій изъ четырехъ элементовъ; также онъ долженъ быть послушенъ, милосердъ, милостивъ къ добру и не гнѣвенъ, какъ лилія среди цвѣтовъ. На коронѣ есть крестъ въ знакъ того, что онъ долженъ

помнить, что онъ коронованъ для царствованія надъ людьми, которыхъ искупилъ Сынъ Божій на крестѣ. Вторая изъ инсигній — знамя съ орломъ, которое имѣеть крестъ на его груди въ знакъ того, что онъ долженъ **нести крестъ передъ всѣми христіанами** для защиты всѣхъ и готовъ умереть за Православную Церковь, для которой онъ — щитъ. Поэтому, Патріархъ, помазывая его миромъ на плечахъ, читаетъ молитву Богу: „Господи Иисусе Христе, Сынъ Бога Живаго, освяти его — Твоего слугу, чтобы онъ былъ непобѣдимо огражденъ щитомъ противъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, какъ Ты Самъ черезъ Твою драгоцѣнную кровь освятилъ насъ и избавилъ насъ отъ власти врага. **Третья инсигнія** — знамя желтое съ пурпуровымъ или багрянымъ краемъ. **Пурпуръ означаетъ искреннюю любовь, которую царь долженъ имѣть къ Богу и къ добрымъ людямъ.** Желтый цвѣтъ означаетъ тѣ **благодѣянія, которыя царь долженъ показывать людямъ;** онъ говоритъ о смерти, которою онъ долженъ наказывать дурныхъ людей по закону, ибо желтый цвѣтъ означаетъ смерть, какъ говорятъ медики. Четвертая инсигнія — золотое яблоко или шаръ, который открывается и закрывается; онъ наполняется землей, которая означаетъ **смерть царя, несмотря на его величіе и достоинство.** Пятая — золотой скипетръ, т. е. **золотая милость, которая имѣеть на концѣ двойную лилію, т. е. два цвѣтка...., этотъ знакъ благоволенія означаетъ царскую любовь.** По обычаю Епископъ долженъ давать его царю въ томъ же смыслѣ, въ какомъ самъ Епископъ получаетъ пастырскій посохъ отъ царя, т. е. **ради союзной дружбы, означая этимъ постоянное должное подчиненіе царя Епископу, передающему ему, какъ отецъ сыну, знакъ повиновенія**" (I, 256, 257).

Смысль ухода Никона въ Воскресенскій монастырь въ 1658 г.

Смысль того подчиненія, которое испрашивалъ Никонъ для Церкви отъ царя при вступленіи на Патріаршество, заключается въ томъ, чтобы царь черезъ подчиненіе церковнымъ канонамъ былъ царемъ православнымъ. И уходъ Никона въ Воскресенскій монастырь былъ протестомъ противъ того, что царь пересталъ быть православнымъ, нарушивъ свой обѣтъ и допустивъ бояръ до захвата церковнаго управленія. **Это была крайняя мѣра пастырскаго воздѣйствія. И въ этомъ актѣ, какъ въ фокусѣ, выражается все міросозерцаніе Никона.** Если бы онъ не ушелъ, то онъ явился бы потаковникомъ, соучастникомъ въ томъ положеніи, съ которымъ онъ не могъ бороться.

ся въ виду утраты царской поддержки при окружающей его враждѣ; оставаясь, Никонъ всталъ бы въ противорѣчіе съ собственнымъ понятіемъ о самостоятельности церковной власти и далъ бы санкцію ея захвату. Именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Никонъ говоритъ о своемъ уходѣ, и вскрываются его понятія о царѣ православномъ и объ обязанности Патріарха блюсти съ одной стороны неприкосновенность правъ Церкви, а съ другой заботиться, чтобы царь въ выполненіи своихъ царскихъ функцій выполнялъ неразрывно связанныя съ ними обязанности охранять Церковь. Такъ, Никонъ пишетъ въ письмѣ къ Константинопольскому Патріарху Діонисію: „Сначала благочестивый царь былъ чрезвычайно благъ и милостивъ и во всѣхъ Божественныхъ законахъ повиновался во всемъ, что мы ему говорили, настолько, насколько это и подобаетъ въ отношеніи къ намъ, и по милости Божіей и съ нашего благословенія успѣшно воевалъ съ Литвой. Затѣмъ онъ началъ постепенно возноситься и пренебрегать тѣмъ, что мы говорили отъ заповѣдей Божіихъ, и захватывать дѣла, подлежащія Епископамъ, изданіемъ указовъ и осуществленіемъ юрисдикціи, связанной съ Божественной благодатью; самъ ли собой онъ рѣшилъ такъ дѣйствовать или былъ склоненъ къ тому дурными людьми, подобно Равоаму, царю Израильскому, отвергшему совѣтъ старѣйшинъ" (III, 384). Никонъ говоритъ въ „Раззореніи": „Я не просто свидѣтельствовалъ о моемъ уходѣ въ Св. Церкви передъ Богомъ и Св. Ангелами, какъ я свидѣтельствовалъ и при принятіи мною избранія на Патріаршество, происшедшаго не по моимъ льстивымъ домогательствамъ, а по мольбѣ царя и всего Священнаго Собора. Но какъ говорится въ псалмахъ: **И свидѣтельствовалъ я передъ царями и не постыдихся, такъ и мы говорили, не стыдясь въ Святой Божіей Церкви, свидѣтельствуя передъ Богомъ, что, если бы великій государь царь не обѣщаль передъ Богомъ и Св. Матерью Божіей соблюдать ненарушимо заповѣди Св. Евангелія и Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ, то я не помыслилъ бы вступить на такую должность.** Богу извѣстно, какъ клялся великій государь... И пока онъ, великій государь, по возможности (Уложеніе въ статьяхъ, касающихся Церкви, не было отмѣнено, а только отсрочено) держалъ свое обѣщаніе повиноваться Церкви, — мы терпѣли. Но когда царь пересталъ соблюдать свое обѣщаніе и неправильно вознегодовалъ противъ насъ, то, помня и наше собственное обѣщаніе соблюдать заповѣди Божіи, сдѣланное собственноручно при нашемъ поставленіи,... мы, принимая во вниманіе безпричинный гнѣвъ царя

и Божию заповѣдь (Мѡ. 10, 23), ушли. Выйдя изъ города, мы выполнили заповѣдь объ отряханіи праха съ ногъ своихъ, жили, оставаясь въ пустынь" (I, 21). Никонъ говоритъ о тяжести грѣха клятвопреступленія, совершеннаго царемъ и подлежащаго наказанію церковному, и снова говоритъ объ обѣщаніи царя, нѣсколько въ иныхъ выраженіяхъ иллюстрируя свою мысль. „Государь и бояре всѣ обѣщали слушать внимательно заповѣди Христа и каноны и ничего не замышлять иначе, какой либо уловкой, что либо по преданіямъ человѣческимъ (цезарепапизмъ) и по стихіямъ міра сего. И сначала царь былъ благочестивъ и мягокъ и послушенъ, и Никонъ былъ Патріархъ; но, когда царь перемѣнился къ худшему въ своихъ отношеніяхъ къ Св. Церкви и началъ пренебрегать св. Божиими заповѣдями и канонами Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ и началъ не только не слушать Патріарха, но даже говорить ему рѣзкія неподобающія слова (намекъ на „блядинъ мужикъ" въ спорѣ о томъ, какъ надо совершать обрядъ водоосвященія по случаю праздника Крещенія Господня, какъ свидѣтельствуется Павелъ Алеппскій, Пальмеръ II, Предисловіе, 57 стр.); тогда Никонъ засвидѣтельствовалъ въ той же Церкви передъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и послалъ царю собственноручное письмо съ объясненіемъ, почему онъ, Никонъ, хочетъ уйти, т. е., чтобы дать мѣсто гнѣву царя. И читалъ ли онъ-царь письмо, не знаю, но отослалъ его Никону обратно. Никонъ, спустя нѣсколько дней, ушелъ съ подворья Воскресенскаго монастыря въ этотъ монастырь. И съ того времени до сего дня государь упорствуетъ въ своемъ гнѣвѣ противъ Патріарха Никона, за что, я не знаю, и вѣритъ всякимъ ложнымъ обвиненіямъ и сослалъ изъ-за него множество людей, священниковъ, діаконовъ и свѣтскихъ, вопреки Божественнымъ заповѣдямъ, и взялъ на себя функціи епископскаго сана и церковной власти вопреки Божественнымъ канонамъ и въ нарушеніе своей клятвы, данной имъ трижды, что онъ не будетъ иначе мыслить, чѣмъ подобаетъ православному царю" (I, 583, 584). „И Никонъ утверждаетъ, что онъ всегда говоритъ на основаніи Писанія и каноновъ и говоритъ Лигариду, что „говорящій, подобно ему — Лигариду, отъ себя говоритъ ложь, и Господь разсѣтетъ кости челоуѣкоугодниковъ" (I, 549). Какія же средства существуютъ для того, чтобы царь оставался православнымъ, и не только лично былъ бы праведенъ, но и не совершалъ бы неправедныхъ актовъ, какъ царь?

Патріархъ — нравственная сдержка для царя.

На него нѣтъ суда человѣческаго, но есть величайшая нравственная сдержка въ лицѣ Патріарха, нераздѣльно ему сопутствующая вездѣ; онъ — высшій предстоятель Церкви, напоминающій ему, когда нужно, о высшихъ цѣляхъ человѣческаго существованія и о высшей правдѣ, которой выразителемъ призванъ быть царь. Въ этомъ отношеніи ученію Никона противостояло другое воззрѣніе, нашедшее себѣ выраженіе въ Уложеніи въ гл. X, 83, 84, стѣснившее духовенство въ проповѣди. Никонъ по этому поводу писалъ: Ты, князь Никита, написалъ это по совѣту учителя твоего Антихриста. Развѣ это не діавольская затѣя, чтобы никто не осмѣливался изъ страха передъ тяжкими наказаніями проповѣдывать кому нибудь о Словѣ Божіемъ? Ибо упрекъ нечестивому человѣку есть зерно въ его ногахъ; хотя оно не велико, а больно. Такъ и непринимаящимъ Слово Божіе оскорбительно, если кто говоритъ о праведности; они видятъ въ этомъ упрекъ себѣ. Для этого дѣла Господь установилъ порядокъ, сначала образумить наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ, а потомъ повѣдать Церкви, т. е. главному пастырю Церкви, и онъ будетъ увѣщевать подчиниться заповѣди Божіей. Если онъ не послушаетъ этого увѣщанія, тогда не заслуживаетъ порицанія тотъ, кто назоветъ его Богоотступникомъ и предтечей Антихриста, и врагомъ Божіимъ, и хуже, чѣмъ язычникомъ и мытаремъ; того царя ожидаютъ большія мученія, чѣмъ людей Содома и Гоморры; они больше чѣмъ грѣшники, на которыхъ упала Силоамская башня. Такъ сказалъ Павелъ волхву Элимѣ (Д. 13, 9, 10). Отъ дома такихъ по заповѣди Божіей мы уходимъ и отряхаемъ прахъ по свидѣтельству противъ нихъ, какъ рассказываетъ Дѣянїе о Павлѣ (13, 50, 51 и 18, 6): кровь ваша на головахъ вашихъ. И если кто теперь, сдѣлавшись глухимъ къ слушанію, отказывается слушать Слово Божіе, то его рассматриваютъ, какъ оскорбителя за такое безчестіе (порицаніе), сдѣланное такому непослушному и незаконному человѣку; они по этому незаконному кодексу назначаютъ штрафъ въ серебрѣ или въ золотѣ или угрожаютъ строгостями; но пусть такой (справедливо обличающій) радуется и веселится, ибо велика его награда на небесахъ. Такъ говоритъ Спаситель, **они преслѣдовали пророковъ, бывшихъ до васъ.** Но ни одинъ волосъ не погибнетъ на головѣ вашей. Въ вашемъ терпѣнїи стяжете души ваши" (I, 487-489). Никонъ придавалъ огромное значеніе воспитательной задачѣ духовенства вообще и негодовалъ на ея стѣсненіе.

Никонъ, по показанію прїѣзжавшаго къ нему въ Воскресенскій монастырь въ апрѣлѣ 1659 года думнаго дворянина Прокофія Елеазарова, говорилъ: „Въ прежнія времена даже отшельники писали благочестивымъ греческимъ царямъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ, а я членъ Каѳолической и Апостольской Церкви, не отсѣченъ отъ нея ни за какое преступленіе; по своей лишь волѣ я оставилъ свое стадо, но я не оставлялъ думать объ истинѣ. И въ будущемъ, если я что услышу о какомъ либо духовномъ дѣлѣ, требующемъ исправленія, я не обещаю молчать" (IV, 169). Стояніе за правду и за истину Никонъ почиталъ обязанностью всякаго духовнаго лица: на Патріархѣ же эта обязанность, какъ на Первопредстоятелѣ Церкви, лежала лишь въ особо повышенной степени, но не считалась имъ исключительной его прерогативой. Царь и Патріархъ — благочестивая Двоица, воплощающая въ высшихъ степеняхъ два дара, которыми Богъ надѣлилъ человѣчество: царство и священство: Лигаридъ и ополчился на то проявленіе Патріаршей власти въ отношеніи къ царю, въ которомъ можетъ сказываться нравственное воздѣйствіе на царя со стороны Патріарха, **это право Патріарха на обличеніе царя.**

Лигаридъ и Никонъ о правѣ обличеніа царя.

Мы видѣли, какъ со ссылкой на псаломъ Никонъ писалъ: „Я говорилъ царю истину не стыдяся." Напротивъ, Лигаридъ всякое дѣйствіе, изъ котораго можно вывести порицаніе дѣйствію царя, готовъ признать за опозореніе царя. Въ 27 вопросѣ Стрешневъ спрашиваетъ: „Нѣкто осмѣливается называть вельможнѣйшаго царя нашего несправедливымъ, обидчикомъ и проч., что тому слѣдуетъ учинить по св. правиламъ?" Лигаридъ даетъ отвѣтъ: „84 апостольское правило говоритъ: если кто изъ духовнаго чина опозоритъ царя, то будетъ низложенъ, а если мірянинъ, — да будетъ проклятъ" (Гиббенеть т. I). Паисій приводилъ разсужденіе Матѳея Властаря (XIV в.), въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Если кто найдетъ позорное письмо, писанное о царѣ, и не сожжетъ его, а станетъ его другимъ читать, тотъ по правиламъ достоинъ смертной казни, равно какъ и тотъ, кто писалъ позорное письмо на царя." Никонъ возражаетъ: „Какъ выше солгалъ, такъ и здѣсь лжешь. Тотъ по правдѣ, яко же ты, казни достоинъ, претворяя пишешь апостольскія правила и казни смертныя вносишь, въ нихъ же таковыя злобы не именовалися. Послушай толкованіе на вышеозначенное 84 апостольское правило и на Матѳея невѣдомаго: Моисеевъ законъ говоритъ: **князю людей твоихъ да не**

речеши зла, также верховный Апостоль Петръ повелѣваетъ царя почитать, и великій Апостоль Павелъ поучаетъ молиться за царя и за вся, яже во власти суть (1 Тим. 2, 2). Досаждать царю или князю **возбраняется всѣмъ; обличать же по достоянію не возбраняется. Безъ правды досаждать правило недопускаетъ, кто же по правдѣ обличаетъ царя или князя, не подлежитъ наказанію.** Въ царскихъ законахъ сказано (Василики 3 титуль XVI книга глава 13): „Если кто скажетъ зло на царя, — подлежитъ наказанію; если же сказавшій окажется скудоумецъ или сказалъ отъ неистовствованія, таковой де помилованъ будетъ (Выдержки изъ подлинника, приведеннаго Гиббенетомъ). Никонъ отрицаетъ наличность какой либо обиды отъ него царю и пишетъ: „Какую обиду понесъ отъ насъ царь? Покажи, если можешь, только не лги, а мы покажемъ. Государь говоритъ, что я не уважалъ его трона. Но какъ мы тогда свидѣтельствовали передъ Богомъ касательно его дѣйствій и его несправедливаго и неосновательнаго гнѣва противъ насъ въ Св. Церкви (10 іюля 1658), такъ онъ никогда не переставалъ преслѣдовать насъ. Ему кажется легкое дѣло разрѣшать всякому до крайности злоупотребить злобой и коварствомъ противъ насъ, и отъ этихъ никчемныхъ людей мы подвергались бы опасности для жизни, если бы Богъ не помогъ намъ въ скорбяхъ за Его Святое Имя, согласно Писанію (Лук. 6, 22, 23) (I, 115).

А о молитвѣ Никона за царя, среди многихъ свидѣтельствъ есть, между прочимъ, одно отъ 1666 года, когда уже Никонъ принялъ много гоненій, но еще не былъ лишенъ сана. Это его письмо къ царю: „Богомолець твой государевъ, смиренный Никонъ Патріархъ, о вашемъ государевѣ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи Господа Бога молю со всей братіей, и да приложитъ Господь Богъ святому вашему царствію дни на дни и лѣта ваши для рода и рода" (Изъ Гиббенета). **Затѣмъ, Никонъ прибавляетъ: „Св. Отцы возбраняютъ всѣмъ обличать, а не Архіереямъ. Какъ же ты толкуешь осуждать смертью всѣхъ обличающихъ царя въ неправдѣ. Много ужъ ликъ собранъ у Господа зло пострадавшихъ за обличенія неподобныхъ дѣлъ царскихъ" (Гиббенетъ).** Вотъ, эти слова Никона въ точномъ переводѣ съ англійскаго (I, 607): „Приведя вышеназванное толкованіе, Никонъ пишетъ: „Видишь ли составитель лжи, какъ толкуется канонъ (Глосса на 84 ап. пр.): „поносить царя запрещено во все, но Епископу въ нужныхъ случаяхъ обличать царя не запрещено, хотя бы обличеніе, если оно очень рѣзко, могло бы быть принято обличаемымъ, какъ обида. Обличать безъ справедливости не позволено

канонѣмъ, какъ видно, безъ всякаго различія дѣль, но кто по справедливости обличаетъ царя, не заслуживаетъ наказанія." **Но какъ ты толкуешь канонъ? Будто всякій, упрекающій царя за его несправедливость, заслуживаетъ наказанія.** Многъ уже ликъ собрался у Господа зло пострадавшихъ за обличеніе неподобныхъ дѣль царскихъ. И они возопіють: доколѣ, Владыка Святой и Истинный, не осудишь и не воздашь живущимъ на землѣ за кровь нашу (Апок. 6, 10)? Смотри, они вопіють не противъ мертвыхъ, но противъ живущихъ на землѣ. Но каковъ же Божественный отвѣтъ имъ? Сказано имъ, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники ихъ и братья ихъ, которые будутъ, какъ и они убиты, пополняютъ ихъ число" (Ап. 6, 11). И въ другомъ мѣстѣ написано (Ап. 16, 4-9): „Третій Ангель вылилъ чашу свою въ рѣки и источники водъ; и сдѣлалась кровь, и, услышалъ я Ангела водъ, который говоритъ: праведенъ Ты, Господи, Который еси и былъ и Святы, потому что тако осудилъ. За то, что они пролили кровь Святыхъ и Пророковъ, Ты далъ имъ пить кровь: они достойны того. И услышалъ я другого отъ жертвенника говорящаго: Ей, Господи Боже Вседержитель, истинны и праведны суды Твои. Четвертый ангель вылилъ чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнемъ. И жегъ людей сильный зной; и они хулили имя Бога, имѣющаго власть надъ сими язвами; и не вразумились, чтобы воздать Ему хвалу." И всѣ эти вещи исполнились, ибо отъ солнца, вслѣдствіе зараженнаго состоянія воздухонъ, люди умирали отъ свирѣпой жары; которая принесла чуму, и никто ихъ не могъ вылѣчить человѣческими средствами медицины, и они умирали, и оставшіеся не воздавали хвалы Богу, но хулили имя Господне, и таковымъ прибавятся новые бичи. Но души умершихъ за свидѣтельствованіе **Христа и Слово Божіе будутъ царствовать со Христомъ.** Надъ ними вторая смерть не имѣетъ власти, но они будутъ священнослужителями Богу и Христу, которыхъ Ты, Боже, удостоиваешь насъ быть подражателями. Но что касается нечестія царя, то не грѣхъ всякому упрекать его. Написано: „И я говорилъ о твоихъ свидѣтельствахъ даже передъ царями и не постыдился. И Богъ говоритъ (Лук. 21, 12-15): „Прежде же всего того (знаменій Антихриста) возложить на васъ руки, и будутъ гнать, предавая васъ въ синагоги и темницы, и поведутъ передъ царей и правителей за имя Мое. Будетъ же это вамъ для свидѣтельства. Итакъ, положите себѣ на сердце не обдумывать заранѣе, что отвѣчать. Ибо Я дамъ вамъ уста и премудрость, которой не возмогутъ противостоятъ, ни противорѣчить всѣмъ,

противящіеся вамъ." И въ другомъ мѣстѣ: „Всякій, исповѣдающій меня предъ людьми, будетъ признанъ и Сыномъ Человѣческимъ." **Какая же это обида царю, если кто проповѣдуетъ ему справедливость; но царь изъ гордости не слушаетъ и налагаетъ мученія на свидѣтелей свидѣтельствующихъ правду. Этимъ царь унижаетъ не обличителя, а отвергаетъ Самого Бога.** Ибо сказано: „Слушающій васъ Меня слушаетъ, а отвергающій васъ отвергаетъ Меня. Онъ безчеститъ не только свидѣтельствующаго Слово, но и Того, Кто далъ заповѣди (I, 608). И Никонъ говоритъ о полномъ безстрашіи того, кто защищаетъ дѣло Божіе, приводя письмо Златоуста къ Епископу Кирьяку: „Не печалься, братъ Кирьякъ, когда я, будучи преслѣдуемъ, убѣжалъ изъ Константинополя, я не заботился во все объ этомъ, но сказалъ себѣ: если императрица желаетъ меня прогнать, пусть, ибо земля и всѣ концы ея — Божіи. Если она желаетъ меня распилить на части, пусть пилить. Мы имѣемъ Исаію примѣромъ. Если она хочетъ бросить меня въ пучину, я вспомню Іону; если она броситъ въ яму, я вспомню Даниила, брошеннаго въ пасть льва. Если она хочетъ побить меня камнями, я вспомню Стефана, первомученика, который такъ пострадалъ. Если она желаетъ взять мою собственность, пусть беретъ: голый я явился изъ чрева матери, голый и уйду. Я утѣшенъ Апостоломъ, говорящимъ: Богъ не знаетъ лицепріятія; **поэтому, если бы я угождалъ людямъ, я не былъ бы слугой Христа.** И Давидъ вооружаетъ меня, говоря: я говорю о твоихъ свидѣтельствахъ предъ царями и не постыдился. Многіе возстали на меня, но все отъ зависти." Видишь ли, вопрошатель, крѣпость нашихъ Святыхъ и приснопамятныхъ Отцовъ; какъ они не только не подчинились юрисдикціи царей, **но скорѣй исправляли и отвергали нечестивые суды царей, хотя бы имъ угрожали за то мукой и смертью?** Но этимъ не могли утратить ихъ. Они готовы были ради правды скорѣе умереть, чѣмъ принять нечестивый судъ. И если заповѣди Божіи и каноны Св. Апостоловъ недостаточны для прекращенія вашего незаконнаго суда (Монастырскій приказъ), то мы прибавимъ къ этому свидѣтельства отъ царей" (I, 321, 322).

Здѣсь Никонъ ссылается на историческую Византійскую традицію и давность столѣтій на самой Руси до Уложенія, отвергающую судъ свѣтскихъ людей надъ духовенствомъ. Если въ цитированныхъ выдержкахъ Никонъ признаетъ обязанностью всѣхъ не исполнять приказовъ, противорѣчащихъ священнымъ правиламъ Церкви, то **обязанность обличать лежитъ на Епископѣ и особенно на на-**

чальномъ отцѣ Патріархѣ. Никонъ обращаетъ вниманіе, что 84 Апостольское правило, налагающее наказаніе за несправедливый упрекъ царю, говоритъ о клирикѣ и о мірянинѣ, а объ Епископѣ вообще ничего не говоритъ. „Иная слава солнцу, иная лунѣ, иная звѣздамъ, говоритъ Апостоль, и снова онъ говоритъ: Богъ поставилъ въ Церкви сначала Апостоловъ, потомъ Пророковъ и учителей. И снова: въ тѣлѣ много членовъ и члены не имѣютъ одной и той же функціи" (I, 605); канонъ прибавляетъ: „если обличеніе дѣлается несправедливо," какъ и въ Евангеліи говорится: всякій гнѣвающійся на брата безъ причины, находится въ опасности суда, и въ канонѣ говорится о двухъ лицахъ: о свѣтскомъ и о клирикѣ. Такъ, съ точки зрѣнія Никона 84 Апостольское Правило, ставя ограниченіе клирикамъ и мірянамъ, въ правѣ дѣлать упрекъ за несправедливость, **отвергаетъ, чтобы этотъ канонъ ставилъ ограниченіе Епископамъ, по отношенію къ которымъ Господь въ лицѣ Апостоловъ далъ заповѣдь: Слушающій васъ Меня слушаетъ.** Эта заповѣдь Никонъ распространялась лишь на вопросы, подвѣдомственные Церкви, и нигдѣ рѣшительно нельзя найти ни одного намека на то, чтобы онъ простиралъ ее на вопросы, Церкви чуждые. Но, правда, самый объемъ вопросовъ, подлежащихъ Церкви, онъ понималъ въ смыслѣ своего вѣка: юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ духовенства онъ вносилъ въ сферу Церкви, но тогда и всѣ считали ее сферой Церкви, ибо распределеніе подсудности дѣлъ по существу самихъ дѣлъ, а не по лицамъ, есть достиженіе слѣдующаго вѣка.

Объ обязанности царя къ Церкви и Ея предстоятелямъ.

„Ты, лицемѣръ, говоришь, вопреки Божественнымъ заповѣдямъ, что чтить или не чтить предоставляется выбору царя? Гдѣ это написано? Это — своевольное нововведеніе, а не отъ заповѣди Божіей. Богъ Самъ почтилъ Епископовъ наравнѣ съ Собой, говоря: слушающій васъ Меня слушаетъ и отвергающій васъ отвергаетъ Меня. Ты говоришь, что получающимъ честь отъ царя необходимо принимать ее со страхомъ и осторожностью и заботиться ея не потерять. Это правило для свѣтскихъ людей, а не для насъ. По отношенію же къ намъ даже носящій діадему находится въ обязанности приносить дары и оказывать во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ послушаніе, какъ сказалъ Господь: „Слушающій васъ Меня слушаетъ... „Но ты, безумный человекъ, хулишь благодать Божію, данную намъ Духомъ Святымъ, и хотѣлъ бы насъ низвести до послушанія царямъ, даже Навуходоно-

сору и его золотому изображенію" (1, 238). „Что касается лично его, Никона, то Никонъ потому только и пошелъ на Патріаршество что **получилъ обѣщаніе отъ царя и бояръ слушаться его во всемъ и ничего не замыслять иначе какимъ либо пустымъ мудрованіемъ** по преданіямъ, человѣческимъ и стихіямъ міра сего" (цезарепапизмъ) (I, 583). Никонъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы, въ благодарность за дары Церкви отъ царя, поступаться ея правами, которыя она имѣетъ въ силу Божественнаго права. Никонъ призывалъ царя къ праведному царствованію, т. е. не только къ личной праведности, но и къ царствованію по правдѣ и къ такому отношенію къ Церкви, которое обезпечивало бы соблюденіе правъ Церкви, какъ принадлежащихъ ей по Божественному праву, такъ и усвоенныхъ ей прежнимъ гражданскимъ законодательствомъ въ теченіе столѣтій со временъ Св. Владиміра. Что Никонъ различалъ личныя добродѣтели царя отъ общественныхъ, вытекаетъ изъ того, какъ онъ относился къ прошенію испрашиваемому у него царемъ; онъ различалъ прощеніе царю отъ прощенія, даннаго человѣку. Такъ извѣстно, что царь Алексѣй просилъ у Никона прощеніе за содѣянное съ нимъ неоднократно, между прочимъ, въ послѣдній разъ въ завѣщаніи, передъ смертью составленномъ. Но и раньше въ письмѣ 7-го сентября 1667 года Никонъ писалъ царю, что „къ нему приходилъ приставъ Степанъ Наумовъ отъ царя молить по государеву указу съ великимъ прошеніемъ и просить о умиреніи, и я тебя, великаго государя, и все твое семейство царское прощаю. А когда я богомолецъ вашъ, ваши государевы очи увижу и тогда вамъ, государямъ, со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, какъ Святое Евангеліе наказуетъ о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ и Дѣяніе Св. Апостоловъ всюду съ возложеніемъ рукъ прощенія и цѣльбы творили. Смиранный Никонъ, милостью Божіей Патріархъ засвидѣтельствую страхомъ Божіимъ и подписаніемъ своей руки." (Письмо приведено у Николаевскаго). Никонъ никогда не признавалъ юридически дѣйствительнымъ свое низложеніе, подписывался Патріархомъ и заявлялъ, что дѣйствительное и полное прощеніе царю можетъ быть только тогда, когда онъ искупитъ свой общественный грѣхъ передъ Церковью и вернетъ невинно заточеннаго Патріарха. Прощая его, какъ человѣкъ, за всѣ тягости и скорби, безвинно имъ отъ царя претерпенныя, Никонъ не прощалъ его, какъ Патріархъ. Вновь присланный къ нему въ Отрапонтонъ монастырь въ февралѣ 1676 г. Ѳеодоръ Лопухинъ сообщилъ ему грамоту царя, которая читалась

при погребеніи царя Алексѣя Михайловича, гдѣ было сказано: „Отца моего духовнаго великаго господина, Святѣйшаго Никона Іерарха и Блаженнаго Патріарха, аще и не есть нынѣ на престолѣ, прощенія прошу и разрѣшенія." Однако, Никонъ отказалъ въ письменномъ прощеніи и сказалъ, расплакавшись: „Да будетъ воля Господня. Хоть царь на землѣ не получилъ прощенія съ нами, но мы будемъ судиться съ нимъ въ страшное пришествіе Господне (Изъ „Странника" 1899 г. VI глава, статья О Никонѣ въ заточеніи).

Значеніе отказа Никона въ прощеніи царю Алексію Михайловичу какъ царю.

Никонъ не могъ простить царя, ибо царь, нарушивъ клятву послушанія въ церковныхъ дѣлахъ, захватилъ церковное управленіе противоканонически въ свои руки, удаливъ черезъ подкупленныхъ Греческихъ Іерарховъ Патріарха Никона и до самой смерти своей раскаянія въ этомъ дѣлѣ не обнаружилъ и допустилъ величайшее униженіе ея высшаго предстоятеля. **Отказъ Никона въ прощеніи остался на вѣки протестомъ противъ униженія Церкви свѣтской властью.** Защищая самостоятельность и каноничность церковнаго управленія собственной жизнью и участью, Никонъ одновременно заботился о благѣ государства и писалъ о судьбѣ государствъ, отвергающихъ Божественныя заповѣди, и о благополучіи тѣхъ, которыя блюдутъ Божественныя заповѣди. Не грозилъ Никонъ царю низложеніемъ, не грозилъ ему прекращеніемъ присяги вѣрности подданныхъ, не грозилъ никогда человѣческими наказаніями; „не мстите, Мнѣ отмщеніе, Азь воздамъ," приводилъ Никонъ извѣстныя слова (I, 105). Но Никонъ говорилъ о церковныхъ наказаніяхъ, которымъ подлежалъ царь, какъ и всякій христіанинъ. „Царь не сдержалъ обѣта передъ Богомъ, вслѣдствіе чего онъ недостойнъ даже входить въ Церковь, а долженъ проводить всю жизнь въ покаяніи и лишь въ часъ смерти можетъ быть допущенъ къ причастію. Вѣдь, Златоустъ запретилъ человѣку, нарушившему клятву, переступать порогъ Церкви, а ты говоришь, что царь можетъ входить въ алтарь причащаться" (I, 580). Какъ древній пророкъ, онъ грозилъ наказаніями Божиими, за то, что бояре и царь вторгаются въ церковное управленіе и разрушаютъ церковный строй. Онъ говорилъ въ 1663 году, когда его ложно обвиняли въ проклятій царя на молебнѣ, князю Одоевскому и церковнымъ властямъ, пріѣхавшимъ въ Воскресенскій монастырь для слѣдствія: „Я ничего христіанскаго въ васъ не нахожу и ничего не вижу, кромѣ правонарушенія и тираніи; ваши дѣла тому

свидѣтельствуютъ, и Господь свидѣтельствовалъ, говоря евреямъ: если бы Я не дѣлалъ дѣлъ, которыхъ никто другой не дѣлаеть, то вы бы не возстали на Меня. Такъ и вы: Я не сдѣлалъ вамъ никакого зла, но вы готовы сорвать съ меня мои одежды и даже изгнать меня и запереть незаконно въ кельѣ, когда я не знаю, какой вредъ нанесъ я вамъ" (I, 601).

Никонъ обвиняетъ царя Алексѣя Михайловича въ томъ, что онъ пересталъ поступать, какъ подобаеть православному царю.

Никонъ писалъ, что „мало христіанства въ царѣ. Если бы въ немъ было настоящее христіанство, онъ послушалъ бы словъ, написанныхъ въ Святомъ Евангеліи: „Слушающій васъ, Меня слушаетъ" (Лук. X, 16 и Мѳ. X, 14, 15). А кто возстаеть противъ того, кто посланъ отъ Бога свидѣтельствовать Божій судъ, тотъ навлекаеть на себя судъ, горшій, чѣмъ Содомъ и Гоморра (I, 144). „Богъ не пощадилъ ангеловъ, возставшихъ противъ Бога, создавшаго ихъ. Такъ не пощадить и того, кто поднимается безумно противъ Бога, и дѣйствуетъ не по благодати, данной ему, какъ царь, возносящійся надъ Епископами достоинствомъ и издавая приказы" (въ церковныхъ дѣлахъ) (I, 241). О томъ, что мало христіанства въ царѣ, Никонъ писалъ такъ: „Если бы не рука Господня, меня убили бы: Родіонъ Стрешневъ и Іосифъ Лопухинъ говорили мнѣ въ моей кельѣ, угрожая смертью: если де скажешь еще такое слово, я не стерплю, но я сказалъ только, что мало христіанства въ царѣ" (I, 144). На вопросъ, почему ты отрицаешь въ царѣ христіанство, Никонъ сказалъ: „Хочешь, я покажу тебѣ написанное мною" (I, 595). Никонъ разумѣлъ написанное имъ „Раззореніе", объясняющее правонарушенія царя. Гиббенетъ доказалъ ошибочность мнѣнія Соловьева о томъ, будто Никонъ говорилъ: только бы ему дожидаться Собора, и онъ отречеть царя отъ Христіанства, у меня де и грамота заготовлена. На самомъ дѣлѣ Никонъ только говорилъ, что въ его письмѣ (Раззореніи) доказано, какъ мало христіанства въ царѣ (Здѣсь, дѣйствительно, есть перечисленіе винъ царя (I, 195).

О времени Божьяго наказанія за нечестье.

„Пусть никто не удивляется долготерпѣнію Божію, что Онъ не даетъ возмездія нечестивцу за его нечестіе. Богъ взыщеть за все въ день судный. Слово, которое Я сказалъ, будетъ судить васъ въ день судный. Не удивляйтесь, если нарушитель закона проклинается, и ничего съ нимъ не случается. Господь проклялъ также Виѳсаиду, Хо-

разинь и Капернаумъ и осудилъ ихъ на адъ, и, однако, огонь не снизошелъ на нихъ, какъ на Содомъ и Гоморру. Также онъ проклялъ тѣ города, дома, которые не примуть Святыхъ Апостоловъ, и осудилъ ихъ даже болѣе Содома и Гоморры, говоря: Я говорю вамъ, что болѣе сносно будетъ жителямъ Содома и Гоморры (Лук. X, 13). Слово его непреложно." Никонъ напоминаетъ притчу о виноградарѣ (Мѡ. 21, 33-41). „Понимаете ли вы притчу? Кто это нѣкій хозяинъ — Самъ Богъ? Кто виноградари? Израильтяне? Кто слуги? Пророки, посланные къ нимъ, изъ коихъ они бьютъ одного, какъ Іеремію, и убиваютъ другого и побиваютъ камнями. Что сдѣлалъ съ ними Господь? **Онъ разрушилъ этихъ нечестивыхъ людей (евреевъ), и гдѣ теперь ихъ царство? Но все исполнилось, какъ пророчествовали пророки этому злomu поколѣнію, о которомъ говорилъ Исаія** (Ис. 5, 1, 2, 5, 6). Онъ послалъ и другихъ слугъ, Святыхъ Апостоловъ и учителей, которыхъ рабочіе не послушали, но поступили съ ними также. Иродъ отсѣкъ голову Іоанну Крестителю, а Неронъ казнилъ Апостоловъ Петра и Павла; другіе тираны предавали смерти другихъ. **Что сдѣлалъ Господь съ домами ихъ? Онъ разрушилъ ихъ и отдалъ виноградникъ другимъ.** Также, послѣ нихъ греческіе императоры и многіе государи другихъ царствъ, которые жили по заповѣдямъ Божиимъ и блюли каноны Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцевъ, умерли въ мирѣ и сдѣлались наслѣдниками небеснаго царства. **А тѣ, которые ихъ нечестиво нарушали, погибали въ нечестіи и ихъ царства опустошены? Развѣ не исполнилось все это съ нами"?**

Никонъ указываетъ на современные несчастья, какъ на Божія наказанія и предостереженія.

И Никонъ, какъ великое предостереженіе, приводитъ страшную чуму, гибель правителя Москвы, князя Пронскаго, морь, страшное пораженіе князя Алексѣя Трубецкаго, Василя Шереметева и Хованскаго. „Развѣ это не день Господень полный ярости и гнѣва?... Развѣ адъ не расширилъ свои жертвы и не открылъ свою пасть?" (I, 387, 388).

Уходъ Никона какъ мѣра протеста.

У Никона поразительное сходства дѣла со словомъ. Все, что онъ проповѣдывалъ, онъ и воплощалъ. Когда царь измѣнилъ на дѣлѣ своему клятвенному обѣту, Никонъ не подчинился создавшемуся положенію, при которомъ онъ оставался бы только титулярнымъ Патріархомъ при засиліи монастырскаго приказа, а ушелъ и ждалъ

перемѣны въ настроеніи царя, но, когда онъ убѣдился, что царь настолько разгнѣванъ, что нарушаетъ устав, церковный непосѣщеніемъ службъ, въ которыхъ онъ по священному обычаю принимаетъ участіе, и присылаетъ бояръ, враждебныхъ Никону, выговаривать ему, не даетъ удовлетворенія обиженному царскимъ бояриномъ Патріаршему слугѣ, когда Никонъ убѣждается въ томъ, что, при такомъ отношеніи къ нему царя, онъ не въ состояніи защитить Церкви, то онъ всенародно заявляетъ о царскомъ гнѣвѣ, признавая свое архипастырское безсиліе, **и свидѣтельствуется своимъ удаленіемъ совершающуюся неправду** (засиліе надъ Церковью). Его уходъ былъ высшей мѣрой протеста, увѣковѣченнаго исторіей, какъ борьба Патріарха съ царемъ, какъ борьба Церкви съ духомъ вѣка сего, какъ борьба Новаго Іерусалима съ Вавилономъ и Антихристомъ, какъ борьба терпѣнія и любви противъ насилія и несправедливости.

Источникъ Никоновской теоріи соотношенія властей: Св. Отцы.

Въ ученіи Никона о церковно-государственныхъ отношеніяхъ мы видимъ сочетаніе святоотеческаго ученія о симфоніи властей съ центральной идеей христіанства-смиреніемъ. Отъ **Златоуста** онъ проникся пониманіемъ сущности духовной власти и сознаниемъ полного ея отличія отъ власти свѣтской и ея духовнаго превосходства. Когда мы читаемъ Никоновскія слова объ этомъ, то передъ нами вырастаетъ ихъ первоисточникъ — слово Златоуста о священствѣ: „священство настолько превосходитъ царство, насколько духъ превосходитъ тѣло. Царь управляетъ тѣломъ, а священникъ первымъ, поэтому царь преклоняетъ главу передъ Десницею священника. Когда нужно умолить небо о помощи, то царь обращается къ священнику, а не священникъ къ царю. Слѣдовательно, власть священника выше царской.“

Въ томъ же смыслѣ училъ другой учитель Церкви **Св. Григорій Богословъ** въ своемъ 17-мъ словѣ. „Законъ Христовъ подчинилъ васъ (владыкъ земныхъ) нашей власти и нашему суду, ибо и мы также владычествуемъ, и наша власть даже выше вашей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ духъ долженъ преклоняться передъ матеріей, небесное передъ земнымъ?“ Когда Никонъ училъ о томъ, что каждый долженъ оставаться въ своемъ чину и дѣйствовать по той благодати, которую имѣетъ, то передъ нами предносится ученіе **Св. Θεодора Студита и Іоанна Дамаскина**. Послѣдній писалъ: „Не свойственно благочестивымъ царямъ ниспровергать церковныя постановленія. Не императо-

рамъ Христось далъ власть связывать и разрѣшать, но Апостоламъ, преемникамъ-пастырямъ и учителямъ. Не дѣло императоровъ устанавливать законы для Церкви. Что говоритъ Божественный Апостоль? И овыхъ убо положилъ Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, второе Пророковъ, третье пастырей и учителей для устроения Церкви (1 Кор. 12, 28). **Не сказалъ: императоровъ.**" И опять: Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь, ти бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще" (Евр. XIII, 17), и опять: „Поминайте наставники ваши, иже глаголаше вамъ слово" (Евр. 13, 7). Не императоры глаголаша намъ слово, но Апостолы, Пророки, пастыри и учителяБогъ, заповѣдавъ Давиду построить Ему домъ, говоритъ ему: „не созиждиши Мнѣ дому, зане челоуѣкъ крови еси ты" (1 Парал. 28, 3). Воздадите всѣмъ должное, воскликнулъ Апостоль Павелъ; ему же честь — честь, ему же страхъ — страхъ (Рим. 13, 7). Дѣло императоровъ — государственное благоустройство; церковное же устройство — дѣло пастырей и учителей." Когда Никонъ возставалъ противъ права царя писать законы для Церкви и одновременно писалъ, что въ мірскихъ дѣлахъ высшая власть принадлежитъ царю, то передъ нами предносятся слова того же **Іоанна Дамаскина**. Господь сказалъ: „Воздайте Кесарево Кесарю и Божіе — Богу." Мы повинujemyся тебѣ, императоръ, въ житейскихъ дѣлахъ: податяхъ, пошлинахъ — въ чемъ тебѣ ввѣрены наши дѣла; въ церковной же области имѣемъ пастырей, глаголавшихъ намъ слово и установившихъ церковное законоположеніе. Я не признаю императора, тиранически восхизающаго священство; **я убѣжденъ, что не императорскими законами устроится Церковь, а отеческими преданіями.**" Никона никто не удалялъ отъ Патріаршества, но онъ ушелъ, не желая санкціонировать захвата боярами церковнаго управления подобно тому, какъ **Аѳанасій Великій** предпочиталъ изгнаніе уступкамъ несправедливымъ требованіямъ аріанствующихъ императоровъ. Когда Никонъ писалъ о гордости царя, возносящагося надъ Церковью назначеніемъ въ ней Архипастырей, то намъ припоминается **Св. Амвросій**, отвергавшій зародышъ цезарепапизма и отвѣчавшій императору, когда онъ приказалъ отобрать у него храмъ: „Ни мнѣ непозволительно отдавать его, ни тебѣ, императоръ, принимать; ты не имѣешь никакого права вторгаться въ частный домъ; думаешь ли, что можно отнять домъ Божій? Говорятъ: императору все позволительно, все ему принадлежитъ; отвѣчаю: не превозносись, не думай, что имѣешь какое либо право на то, что — Божье. **Не надмевайся,**

но, если хочешь долше царствовать, будь покорень Богу." И когда подь послушаніемъ Богу Никонъ разумѣлъ послушаніе Его заповѣдямъ и правиламъ Его Церкви, которая заключается не въ стѣнахъ и кирпичахъ, а въ законахъ, передь нами предстаеъ слово **Златоуста:** „Церковью я называю не только мѣсто, но и нравы, не стѣны церковныя, но законы Церкви; Церковь не стѣна и не кровля, но вѣра и жизнь" (Слова на раз. сл. II, 530). Все ученіе Никона о церковномъ законѣ основано на **Златоустѣ:** „Закон для руководства Церковью данъ Самимъ Божественнымъ Основателемъ" (Бес. на Посл. къ Римл.). Всѣ законы, по которымъ должна управляться Церковь, Златоустъ называетъ Божественными, ниспосланными отъ Бога, **ибо законодатель ихъ — Самъ Богъ. Апостолы не законодатели въ собственномъ смыслѣ, а вѣстники воли Божіей, устанавливающіе лишь то, что повелѣно Богомъ. Пастыри Церкви — преемники Апостоловъ, и разъясняютъ и развиваютъ въ подробностяхъ лишь то, что получили отъ Апостоловъ. Эти законы — Божественные въ томъ смыслѣ, что составлены подь руководствомъ Св. Духа. Все ученіе Никона о превосходствѣ власти священства надъ властью царской цѣликомъ отъ Златоуста; отъ него и ученіе объ соотношеніи властей, отъ него и ученіе о границахъ повиновенія царской власти.** „Когда ты слышишь: воздайте Кесарево Кесарю и Божье Богу, то разумѣй подь симъ только то, что ни мало не вредитъ благочестію, ибо **все противное благочестію не есть уже дань Кесарю, но дань и оброкъ дьяволу** (Бесѣда на Матѳея. III, 204).

Царь у Златоуста, также, подчиненъ Церкви и можетъ быть ею наказанъ. „Носящій діадему — не лучше послѣдняго раба, когда онъ долженъ быть обличенъ и наказанъ" (Слова на разн. сл. 1, 164). Оттуда же и ученіе о симфоніи властей. „Христось ввелъ свои законы не для ниспроверженія общаго государственнаго устройства, а для исправленія и улучшенія его. Христіанинъ повинуется государственной власти, ибо она — Божій слуга. Развѣ начальникъ страшенъ для ревнующаго о добродѣтели?" (Бес. на Рим. 556-7). Вѣдь, гражданская власть облегчаетъ подвиги добродѣтели. И у Златоуста представители гражданской власти, какъ члены Церкви, призываются совершенно добровольно оказывать содѣйствіе Церкви тѣми средствами, которыя у нихъ въ рукахъ. Въ нѣкоторыхъ чертахъ своей дѣятельности обѣ власти соприкасаются. „Свѣтскій начальникъ — нашъ сотрудникъ и помощникъ; на то онъ и посланъ Богомъ. Въ двоякомъ

отношеніи онъ достоинъ нашего уваженія — и какъ Богомъ посланный, и какъ поставленный къ одному съ нами дѣлу. Божій бо слуга есть, отмститель во гнѣвѣ злое творящему... Начальникъ исполняетъ Божій законъ. Какая тебѣ нужда, если онъ и самъ того не знаетъ. Довольно того, что такъ учредилъ Господь. Итакъ, начальникъ, наказываетъ ли онъ или награждаетъ, Божій есть слуга, ибо защищаетъ добродѣтель и гонитъ порокъ. А кто и страхомъ и почестями располагаетъ средствами людей, чтобы они способнѣе были принять Слово Ученія, тотъ справедливо называется Божіимъ Слугой" (Бесѣда на Рим. 557-8).

Предшественники Никона (въ Россіи) въ ученіи о превосходствѣ священства.

Если таковъ источникъ ученія Никона, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и до него Архипастыри Русской Церкви, начитанные въ святоотеческихъ твореніяхъ, учили тому же, и что Никонъ имѣлъ своихъ предшественниковъ. Мысли о превосходствѣ священства высказывалъ у насъ и Митрополитъ **Фотій** въ 15 вѣкѣ, а въ 16 вѣкѣ Максимъ Грекъ („Убо больше есть священство царства земного, кромѣ бо всякаго прекословія меньше отъ большаго благословляется, глаголетъ Божественный Апостоль. Тѣмъ же аще изгнашася Божіимъ судомъ мірскіи царствуютъ, но духовнѣ царствуяй не отриновень есть руки Божіи благодати"). Митрополитъ **Кипріанъ** проводилъ мысль о независимости Епископовъ отъ воли великаго князя, который не долженъ ни судить, ни низлагать ихъ. Ученіе о добровольномъ повиновеніи власти церковной есть условіе спасенія души и требованія христіанскаго смиренія, которое заключается для православнаго царя не только въ **личной добродѣтели, но и въ обязанности дать Церкви возможность проявлять въ его царствѣ свою дѣятельность.** Такъ какъ это подчиненіе не касается дѣлъ земного благоустройства, а только сферы церковной, то въ этомъ добровольномъ подчиненіи власти церковной нельзя видѣть папизма, въ которомъ напрасно упрекаетъ Никона Паисій Лигаридъ и, пошедшіе за нимъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Никонѣ, С. М. Соловьевъ и Каптеревъ. То подчиненіе, котораго требовалъ передъ вступленіемъ на Патріаршество Никонъ, было требованіемъ устраненія неканоническаго въ его глазахъ законодательства Уложенія о церковныхъ дѣлахъ и было требованіемъ, которое было включено снова въ Посланіе двухъ Патріарховъ къ вновь поставленному въ февралѣ 1667 г. Патріарху Іоасафу II послѣ низложенія Никона, какъ было оно

и до Никона. Такъ, грамота 1354 г. о поставленіи Митрополита Алексѣя говорить, что благороднѣйшій великій князь и прочіе благородные князья и весь клиръ и весь христіанскій народъ **обязанъ оказывать ему „всяческое благопокореніе и честь во всемъ, что онъ будетъ говорить и внушать на пользу ихъ душамъ и утвержденію благочестивыхъ и православныхъ догматовъ Церкви Божіей, ибо оказываемое ему уваженіе, почтеніе и послушаніе относятся къ Самому Богу"** (Р. И. Б. VI Прил. № 9 ст. 48).

Такъ соборная грамота русскихъ Епископовъ отъ 1459 года (Р. И. Б. т. VI, № 83) говорить: „Обѣщаніе же передъ Богомъ дали передъ Святыми Ангелы на своемъ поставленіи своему господину и отцу Іонѣ, Митрополиту всея Руси, что намъ отъ святыхъ соборныхъ Московскія Св. Богородицы церкви быти неотступнымъ и отъ нашего господина отца Іоны, Митрополита всея Руси, также быти неотступными и повиноваться ему во всемъ, и кто по его отшествіи къ Богу иной Митрополитъ поставленъ будетъ, по избранію Св. Духа и по св. правиламъ Св. Апостоль и Св. Отець и по повелѣнію господина нашего великаго князя Василія Василіевича, русскаго самодержца, къ той соборной церкви Св. Богородицы на Москвѣ..... и отъ того Митрополита также неотступнымъ быти и спослѣдовати и повиноватися ему во всемъ во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ и церковныхъ и о всякомъ благочестіи быти съ нимъ заедино." А въ грамотѣ Патріарховъ къ Іоасафу II, между прочимъ, есть такія слова: „Патріархъ есть живой образъ Христа, словомъ и дѣломъ показующій истину. Онъ долженъ учить всѣхъ одинаково, и высокихъ и низкихъ, будучи кроткимъ въ своихъ поученіяхъ, не какъ господствующій надъ духовенствомъ, но какъ примѣръ своему стаду. Но что касается непокорныхъ, онъ долженъ быть способенъ порицать и обличать ихъ во время и не во время. И ради истины, благочестія и справедливости онъ долженъ говорить истину передъ царями, не стыдяся, и быть готовымъ, какъ добрый пастырь, даже душу свою положить за свое стадо. И вы, сыновья наши во Христѣ, просвѣщенные яркими лучами спасительнаго Православія, досточтимѣйшіе Епископы, бояре и князья, почтенные архимандриты и игумены и весь священный чинъ и всѣ православные люди воздавайте нашему брату и сослужителю и вашему отцу, великому господину святому Іоасафу, Патріарху Московскому, и т. д. честь, какъ вашему господину и отцу, и Архипастырю, какъ вы это воздавали прежнимъ Патріархамъ, зная, что честь воздаваемая Епископу, воздается Самому Христу, ибо почитаніе Епископа перехо-

дить къ Христу." Приводя далѣе Мѡ. 10, 40, 42, она продолжаетъ: „Повинуйтесь ему, будьте послушны, согласно Божественному Апостолу, говорящему въ Евр. 13, 7. Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душахъ вашихъ, какъ обязанные дать отчетъ; чтобы они дѣлали это съ радостью, а не вздыхая, ибо это для васъ не полезно. Ибо онъ имѣетъ власть, данную отъ Христа Его Святымъ Апостоламъ вязать и рѣшать... Поэтому, повинуйтесь ему во всемъ, какъ бы Самому Христу, согласно евангельскому поученію въ словахъ, сказанныхъ Имъ ученикамъ:... „Слушающій васъ Меня слушаетъ..., а также отвергающій Меня и не слушающій Моихъ словъ имѣетъ того, кто будетъ судить его: слово, сказанное Мною, будетъ судить его въ послѣдній день" (Пальмеръ III, 473 стр.). Palmer замѣчаетъ: „So said Nikon. But after the tsar had set all an example of disobeying him, to inculcate obedience in these terms, to a successor, substituted by the tsar and the boyars only that, unlike Nikon, he might obey them, in hypocrisy or rather absolute nonsense" (Р. III. 473 стр. Note 36).¹ (Р III. 473 стр. Note 36). Palmer пишетъ: „So Nikon used to tell them; but after his condemnation it should be rather „he that honours the bishops honours the tsar himself (III, 473, Note 34).²

Во всѣхъ сочиненіяхъ Никона мы не видѣли требованія другого послушанія Патріарха, какъ послушанія въ дѣлахъ, принадлежащихъ Церкви, и, притомъ послушанія, требуемаго въ соотвѣтствіи съ канонами, какъ онъ говорилъ въ рѣчи, предшествующей его согласію на Патріаршество, послушанія, конечно, не ограничивающагося личнымъ послушаніемъ царя, но простирающагося и на его общественное поведеніе въ отношеніи къ Церкви. Съ почитаніемъ Церкви Никонъ связываетъ благоденствіе царства, и это видно изъ его письма къ боярину Зюзину отъ 3 февраля 1660 г. изъ Крестнаго монастыря (IV, 182, 183). Соловьевъ, цитируя это письмо, привелъ его, какъ указалъ Гюббенетъ въ краткомъ извлеченіи. По Соловьеву (XI, 271), тамъ написано: „Когда вѣра евангельская начала сіять, тогда и Архіерейство почиталось; когда же злоба гордости распространилась, то и Архіерейская честь измѣнилась." Но Никонъ говоритъ тамъ больше о царствахъ: „Безвинно Іова Патріарха отставили, а неблаго-

¹ „Такъ сказали и Никонъ. Но послѣ того, какъ царь показалъ примѣръ неповиновенія ему, возлагать послушаніе въ этихъ выраженіяхъ въ отношеніи его преемника, поставленнаго только царемъ и боярами, чтобы не въ примѣръ Никону, онъ слушался ихъ, — есть лицемеріе или попросту абсолютная бессмыслица." Нельзя съ этимъ не согласиться.

² „Такъ обычно говорилъ имъ Никонъ; но послѣ его осужденія скорѣе надо бы сказать: тотъ, кто почитаетъ Епископовъ, почитаетъ самого царя."

законнаго Ермогена возвели еще ему живу сущу." Никонъ указываетъ на историческія событія Греціи, Россіи и другихъ государствъ и говоритъ: „Такъ и здѣсь прежде было по великомъ князѣ Владимірѣ, но столько зла потерпѣли князья въ разное время, что нельзя на сей малой хартіи исчислить; однако, одного довольно къ показанію: безвинно Іова Патріарха отставили, и еще при жизни его неблагозаконнаго Гермогена возвели, — то сколько зла содѣлалось. Всему же истинный свидѣтель Христосъ; ибо царство на царство падая, **не станетъ то царство, и домъ, раздѣлившійся въ самомъ себѣ не устоитъ.**”

Юридическая природа участія Никона въ государственныхъ дѣлахъ.

Когда Никонъ говоритъ о послушаніи Церкви, онъ разумѣетъ только собственную сферу Церкви и никогда не мыслить о правахъ Патріарха въ дѣлахъ свѣтскихъ. Все то, что онъ говоритъ о правахъ Патріарха въ дѣлахъ свѣтскихъ, сводится къ праву печалованія. Онъ писалъ Константинопольскому Патріарху Діонисію: „Ниже величанія мы восхотѣхомъ, ниже великимъ государемъ похвалимся собой, ниже въ царскія дѣла вступахомъ, токмо аще о просьбѣ какой глаголахомъ, или отъ бѣды кого избавихомъ, и сего ради мы Архіереи бываемъ” (Каптеревъ II, 142). Все остальное, что онъ дѣлалъ въ дѣлахъ государственныхъ, онъ дѣлалъ по службѣ царю, какъ оставленный имъ на время отсутствія государя государственный регентъ по порученію царя, какъ мы видѣли изъ его собственныхъ словъ, когда онъ говоритъ о тѣхъ дарахъ, которые онъ получалъ отъ государя за спасеніе его семьи отъ мора, за борьбу съ чумой, за мужественное подавленіе Новгородскаго бунта въ бытность Новгородскимъ Митрополитомъ, за управленіе государствомъ въ его отсутствіе и т. д.

Право печалованія.

Въ осуществленіи права печалованія Патріархъ соприкасается наиболѣе близко съ царемъ, ибо въ этомъ правѣ онъ является уже не только защитникомъ собственныхъ правъ самой Церкви, но и проводникомъ высшихъ нравственныхъ началъ въ государственной жизни, наиболѣе непосредственнымъ путемъ. Разсмотрѣніе этого права печалованія и послужитъ намъ переходомъ къ разсмотрѣнію взгляда Никона на Патріаршество. Мы видѣли значеніе печалованія въ Византійскомъ правѣ, гдѣ оно призвано было облегчать задачу государя по добротворенію и было путемъ къ проведенію высшей спра-

ведливости въ жизнь государства. Печалованіе нисколько не стѣсняло государственную власть при исполненіи ею своихъ обязанностей и государственный законъ при преслѣдованіи имъ преступленій. Дѣйствіе церковной власти при печалованіи за опальныхъ соотвѣтствовало ея назначенію — насаждать въ мірѣ истинную правду. Ходатайство передъ правительствомъ за угнетенныхъ и опальныхъ было извѣстно еще языческому міру въ силу закона; тамъ было развито ходатайство ученыхъ передъ государями покровителями науки: отъ обиды и наказаній спасалъ голосъ риторовъ и софистовъ. Но печалованіе пастырей — новый высшій и неизвѣстный языческому міру родъ ходатайства. Не во имя закона гражданскаго и личныхъ выгодъ или привязанностей, какъ адвокаты въ римскомъ процессѣ, не во имя науки и дружбы, какъ ученые, но во имя Евангелія, во имя закона истины и любви, во имя Самаго Бога выступали пастыри Церкви ходатаями за цѣлые города и области, а не только за частныхъ лицъ. **Только тамъ, гдѣ обыкновенное человѣческое ходатайство не могло уже имѣть мѣста, когда страхъ земной власти приводилъ уже въ безмолвное отчаяніе, и ни откуда не могъ возвыситься голосъ состраданія, тогда выступали пастыри Церкви.** Церковь проводила мысль о непрекословномъ повиновеніи государственной власти, признаваемой ею Божіимъ слугою, никогда не придавала праву печалованія характера насильственнаго и не дѣлала изъ защиты осужденныхъ ущербъ для справедливости. „Признаю равнымъ грѣхомъ, писалъ Василій Великій, и согрѣшающихъ оставить безъ наказанія и въ наказаніи преступать мѣру.“ **Недостойные печалованія не могли имѣть защиту пастырей.** Василій Великій писалъ, что онъ не можетъ избавить отъ суда чловѣка, не разъ уже оскорбившаго одну женщину и наказаннаго за это отмщеніемъ отъ Церкви. Тогда, когда наказаніе опальнаго превышало мѣру преступленія, выступали на защиту Святители Церкви. При этомъ виновные въ преступленіяхъ, касавшихся вещественныхъ выгодъ, должны были давать вещественное удовлетвореніе по закону, такъ что пастыри Церкви нисколько не нарушали ни выгодъ общественной жизни, ни законовъ гражданскихъ. Также, въ Русской Церкви духовенство никогда не усвояло себѣ права подъ видомъ печалованія, самопроизвольно вмѣшиваться въ дѣла гражданской власти по отношенію къ подданнымъ. Печалованіе особенно было развито въ Русской Церкви, по изслѣдованію Янковскаго, въ 16 вѣкѣ, когда сильно развита была опала при борьбѣ старыхъ и

новыхъ политическихъ порядковъ. Печаловниками выступали не только отдѣльные Митрополиты, среди коихъ прославились въ этомъ отношеніи Митрополиты Симеонъ, Варлаамъ, Даніиль, Іоасафъ, Макарій, Аѳанасій, Св. Филиппъ II, и цѣлые Соборы. Тѣ Святители, которые не прибѣгали къ праву печалованія, не пользовались за то уваженіемъ и получали прозвище потаковниковъ, когда не выступали на защиту Церкви или попранныхъ интересовъ слабыхъ. Впрочемъ, печалованіе вызывалось иногда и просто особыми обстоятельствами. Такъ, обвиненнаго въ 1554 г. въ государственной измѣнѣ князя Никиту Семеновича Лобанова Ростовскаго, въ виду общепризнанной его глупости, о которой писалъ литовскому правительству самъ московскій правитель („Пожаловаль де его царь боярствомъ для отечества, а самъ онъ недородень и на службу не годится, по малоумству говорит, непригожія слова“), Митрополитъ Макарій отпросилъ отъ смертной казни въ ссылку на Бѣлоозеро (Ч. И. О. И. и Д. Р. 1876 г. 180 стр., Янковскій „О печалованіи“).

Никонъ обосновывалъ это право печалованія на 8 Сардикскомъ правилѣ, гласящемъ: „Ради сиротъ, вдовъ или другихъ беззащитныхъ людей, терпящихъ притѣсненія, пусть Епископъ идетъ къ царю и умоляетъ его всѣмъ своимъ искусствомъ объ ихъ защитѣ“ (I, 139). Осуществленію этого права печалованія служилъ много и Никонъ, когда въ чинѣ Новоспасскаго архимандрита (1646-1649) каждую пятницу ходилъ къ государю съ представленіями объ обиженныхъ. Это же право печалованія онъ осуществилъ и въ бытіе свое Новгородскимъ Митрополитомъ, когда беззавѣтной храбростью усмирилъ мятежъ и просилъ затѣмъ царя помиловать тѣхъ мятежниковъ, которые не были инициаторами мятежа. Это печалованіе оцѣнилъ самъ царь, написавшій ему объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „Избранному и крѣпкостоятельному пастырю милостивому, кроткому, благоусердному, беззлюбивому, наипаче же любовнику и наперстнику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О, крѣпкій и страдальче Царя Небеснаго, о возлюбленный мой любимый, святой Владыка. Пишу тебѣ свѣтлосіяющему въ Архіереяхъ, аки солнцу, сіяюще по всей вселенной, такъ и тебѣ, сіяющему по всему нашему государству благими нравами и дѣлы добрыми...“ **Это стремленіе къ правдѣ и милости, столь возлюбленное русскимъ народомъ, было особенно живо въ Никонѣ.**

Чисто русское воспріятіе христіанства Никоном

Если онъ говорилъ про себя, что по крови онъ русскій, а душою грекъ, то въ этомъ правдой было только то, что его учителями были греки-вселенскіе учителя Церкви, но весь характеръ его дѣятельности показываетъ, что онъ въ свое дѣло пастырства вкладывалъ чисто русскій порывъ и неутомимость, отразившую основную черту русскаго воспріятія Христіанства, не какъ отвлеченную систему догматовъ, а какъ религіозно-нравственное правило жизни, а пониманіе христіанской жизни, какъ жизнедѣятельности человѣка, нравственно возрожденнаго Христіанствомъ. Отсюда и заявленіе Никона передъ вступленіемъ на Патріаршество о томъ, что, мы называемся христіанами, а въ дѣйствительности не христіане, ибо не исполняемъ правилъ церковныхъ."

Отсюда и подходъ его къ понятію Церкви именно со стороны практической, пониманіе ея, какъ системы законовъ церковныхъ; отсюда и неутомимость въ осуществленіи права печалованія; отсюда и защита нарушенныхъ правъ Церкви и протестъ противъ ихъ нарушеній уходомъ въ Воскресенскій монастырь. Разсматривая воззрѣнія Никона на Патріаршество, мы можемъ расчленить его ученіе на три отдѣла: отношеніе Московскаго Патріарха 1) къ царю, 2) къ Архіереямъ ему подвластнымъ и 3) къ Восточнымъ Патріархамъ. О первомъ мы уже говорили по неразрывной связи этого вопроса съ ученіемъ о царской власти.

Мнѣніе Каптерева о Никонѣ въ отношеніи ученія о царской власти.

Но прежде остановимся на томъ недоумѣніи, которое постигаетъ насъ, когда, съ легкой руки Паисія Лигарида, вновь повторяется его отношеніе къ Никону въ лицѣ ученыхъ нашего времени, напримѣръ, профессора Каптерева. Съ его точки зрѣнія Никонъ сначала практически хотѣлъ унижить царскую власть, а потомъ и теоретически. Мы видѣли, что Никонъ только защищалъ права Церкви, различая между ними благодатныя права, отъ Бога полученныя, отъ правъ земныхъ, отъ государства получаемыхъ. Каптеревъ, какъ и Лигаридъ, исходя изъ неограниченности царской власти, естественно видитъ въ охранѣ Никономъ правъ Церкви стремленіе захватить у царя принадлежащее ему-царю. Поэтому, въ этомъ смыслѣ Каптеревъ подлежить той же критикѣ, которую развилъ противъ Лигарида, а въ наше время Бердниковъ и Заозерскій противъ Суворова. Но помимо этого, у Каптерева есть просто **невѣрное пониманіе Никонов-**

ской точки зрѣнія, исходящее изъ того, что онъ или не полно цитируетъ Никона по вопросамъ, по которымъ Никонъ опредѣленно высказался, а иное приписываетъ Никону просто отъ себя, не возлагая чрезъ это на самого Никона никакой отвѣтственности, или же цитируетъ Никоновыхъ враговъ¹: Неронова (стр. 145), Александра Епископа Вятскаго (стр. 151-153), Діакона Θεодора (II, 146-159), или Паисія Лигарида (стр. 146) или Стрешнева, боярина Семена Лукьяновича (стр. 148), или тѣ неблагопріятныя Никону показанія Павла Алеппскаго, которыя имъ, какъ доказалъ Пальмеръ сдѣланы въ своемъ прежнемъ, составленномъ въ первый прїѣздъ дневникѣ, во второй прїѣздъ въ Москву во время суда надъ Никонѣмъ подъ вліяніемъ слуховъ и людей при дворѣ, враждебныхъ Никону (Пальмеръ II, пред. 55); поддьяка Θεодора Трофимова расколуучителя (стр. 210 у Каптерева II), боярина Одоевскаго и Стрешнева, дьяка Алмаза Иванова, какъ представителя враждебной Никону боярской партіи, специально занимавшейся обвиненіемъ Никона (стр. 143).

Въ глазахъ Каптерева Никонъ стремился самъ завладѣть фактическимъ управленіемъ государства, разсматривая это, какъ право, присущее Патріарху, въ силу превосходства власти Патріарха надъ властью царской. Таковыя стремленія Каптеревъ приписывалъ Никону въ силу будто бы его теоретическихъ воззрѣній на царскую власть. Но каковы же теоретическія воззрѣнія Никона по Каптереву? Каптеревъ неоднократно цитируетъ слова Никона, что „священство болѣе есть царства: священство отъ Бога есть, отъ священства же царства помазаніе," что „отъ священства царство произыде и нынѣ есть" (2, 183). Между тѣмъ, онъ никогда не цитируетъ другого мѣста изъ Никоновскаго „Раззоренія" какъ мы видѣли, Никонъ весьма подробно излагаетъ, что царство, какъ таковое, пріобрѣтается независимо совершенно отъ священства, существуетъ по промыслу Божию, а отъ священства получаетъ лишь освященіе власти, а Епископъ — источникъ освященія власти, а не самой власти. Каптеревъ пишетъ на стр. 185: „По представленію Никона, все Христіанство, вся Христова Церковь заключается собственно въ высокочтимомъ и всѣми, особенно царствомъ, ублажаемомъ Архіерействѣ, и по преимуществу въ Патріархѣ: отцѣ и начальникѣ всѣхъ Архіереевъ, такъ какъ Патріархъ есть живой и одушевленный образъ Христа. Само собой понятно, что

¹ Въ своемъ соглашеніи: „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ", т. II.

такъ высоко Самимъ Богомъ поставленное священство, а тѣмъ болѣе глава священства — Патріархъ — никакъ не можетъ быть подчинено царству, а **только** Богу и Божественнымъ законамъ." Но эти слова — выводы Каптерева, а самъ Никонъ, какъ мы видѣли, опредѣленно пишетъ, что „Патріархъ подчиненъ царю въ земныхъ дѣлахъ;" относительно же Церкви Никонъ пишетъ въ четырехъ, по крайней мѣрѣ мѣстахъ, что Церковь заключается въ законахъ Церковныхъ, рѣшительно не пишетъ, что она заключается въ Архіереяхъ. Почитаніе архіерейскаго сана у Никона — лишь одно изъ проявленій должнаго почитанія къ Церкви. Однако Архіереи — преемники Апостоловъ и служители Божіи, а потому честь, воздаваемая имъ, воздается Самому Богу," причемъ самъ Никонъ предостерегаетъ отъ обожествленія и говоритъ, что здѣсь нѣтъ субстанціональнаго уподобленія.

Каптеревъ неоднократно говоритъ, что Никонъ считаетъ Патріарха обязательнымъ контролеромъ всей государственной жизни" (I, 185, 202), между тѣмъ, изъ всѣхъ прочитанныхъ произведеній Никона, тщательно отыскивая такое сужденіе Никона, мы нашли только, что Никонъ отстаивалъ нѣкоторыя права Церкви (иниціативу въ поставленіи духовныхъ властей, судъ надъ духовенствомъ въ духовныхъ дѣлахъ), какъ божественное право Церкви, а нѣкоторыя права Церкви (какъ судъ надъ духовенствомъ въ гражданскихъ дѣлахъ) онъ, хотя и пытается отстоять указаніемъ на существенность этихъ правъ для Церкви, но, отстаиваетъ ихъ ссылкой уже не на божественное право, а указаніемъ на историческую традицію со временъ Юстиніановскаго законодательства и цитатами изъ уставовъ князя Владиміра и Ярослава, Судебники Ивана III и Ивана IV и Стоглаваго Собора; когда Никонъ отстаиваетъ неприкосновенность церковной собственности, то ссылается на обязанность православныхъ царей обезпечивать Церковь въ ея существованіи и исполненіи ею своихъ задачъ на землѣ, на то, что собственность Церкви есть собственность нищихъ. Вѣрно то, что Никонъ отстаивалъ право Патріарха говорить истину передъ лицомъ Царя не стыдяся, но ни откуда не видно, чтобы онъ понималъ это право шире, чѣмъ право отстаивать вообще права Церкви, какъ историческія, такъ и божественныя, и ея древнее право печалованія, причемъ отводилъ это право не только Патріарху, а и простому иноку, какъ заявилъ онъ въ 1663 году Комиссіи, пріѣхавшей къ нему на слѣдствіе въ Воскресенскій монастырь и готовой не почитать его болѣе, какъ Патріарха. Именно онъ

сказаль, что онъ не отрекался отъ Патріаршества, но и независимо отъ этого оставляетъ за собой всегда говорить истину, не стыдяся передъ лицомъ царя и терпѣть за нее все до смерти включительно. Никонъ вообще говорилъ о подчиненіи законамъ церковнымъ, а не власти архіерейской, какъ таковой, безотносительно къ тому, что представитель ея говорить. На цѣломъ рядѣ страницъ Каптеревъ (II, 129-148) описываетъ постепенное возвышеніе Никона сперва черезъ право печалованія, потомъ черезъ прямое участіе въ государственныхъ дѣлахъ вплоть до затѣненія самого государя, котораго онъ затмѣвалъ не только фактически, но и юридически присвоеніемъ титула великаго государя. Но Каптеревъ нигдѣ не цитируетъ, что Никонъ удивлялся тому различію, которое дѣлаютъ между великимъ господиномъ и великимъ государемъ. Митрополитъ Макарій въ VIII т. исторіи говоритъ, что Архіепископы и Епископы часто называли Московскаго Первосвятителя, когда онъ былъ еще митрополитомъ, государемъ. Титуль правителя страны дается на востокѣ, также греками, Епископамъ даже въ печатной литургіи (Пальм. IV, 152 прим. 46). И когда Никонъ 25 іюля 1658 года, черезъ двѣ недѣли послѣ ухода, писалъ царю упрекъ относительно обыска въ его палатахъ, онъ говорилъ, что это сдѣлали бояре, чтобы у него не осталось собственноручныхъ писемъ царя, гдѣ онъ титуловалъ такъ Никона. „Я не знаю, откуда это началось титулованіе, но думаю, что ты самъ, великій государь, положилъ этому начало. Ты самъ такъ писалъ во время войны въ твоихъ царскихъ (официальныхъ письмахъ), и такъ писали тебѣ въ докладахъ отъ арміи и во всѣхъ публичныхъ актахъ. И это нельзя было исправить. **Да будетъ онъ уничтоженъ мой злощастный и гордый проклятый титуль, хотя и не по моей волѣ онъ введенъ. Я вѣрю, что нигдѣ не найдешь признака моего желанія и приказа для его употребленія, развѣ что нѣкимъ подлогомъ, за который я страдалъ и еще пострадаю Господа ради отъ руки лжебратьевъ...** Что мы говорили со смиреніемъ, то выдается за сказанное съ гордостью; что мы говорили ради похвалы, то выдается за сказанное съ униженіемъ и бранью. Лживыми словами такихъ людей твой гнѣвъ возвращенъ противъ меня, будучи направленъ, думаю я, не противъ чего либо иного такъ сильно, какъ противъ этого великаго, возвеличившаго меня среди ранговъ и титуловъ **твоего двора**, титулованіемъ меня великимъ государемъ (значить, самъ Никонъ почиталъ Патріарха сановникомъ государства, а не надъ государствомъ возвышающимся главой). **Но я никогда не желалъ и**

не желаю этого титула, хотя за него подвергаюсь упрекамъ и униженіямъ передъ всѣми людьми безъ причины. Я думаю, ты самъ, великій государь, не забылъ, что за литургіей они провозглашали меня по моему приказу послѣ пресвятого не великимъ государемъ, а великимъ господиномъ" (IV, 151). Пусть этотъ послѣдній титулъ отѣнялъ сановное положеніе Патріарха Никона въ государствѣ, но онъ и по закону и по обычаю былъ первымъ сановникомъ государства, замѣняя, по положенію Патріарха въ государствѣ, государя въ его отсутствіе, при его малолѣтствѣ (Митрополитъ Алексѣй, Митрополитъ Даніиль), въ безгосударственное время (Патріархъ Гермогенъ), занимая всегда первое послѣ государя мѣсто въ боярской Думѣ и пользуясь равной съ государемъ охраной чести по Уложенію, будучи его духовной половиной. Бытовой титулъ обращенія ничего не прибавлялъ, кромѣ почета, а отнятіе его ничего не отнимал у Патріарха въ его правахъ, а знаменовало лишь гнѣвъ царя. Хотя Никонъ съ горечью возвращается неоднократно къ обидамъ, причиненнымъ Церкви отъ царя, перечисляя ихъ въ подробностяхъ, однако, **нигдѣ не чувствуется, чтобы онъ скорбѣлъ по поводу отнятія у него титула „Великаго Государя."** Каптеревъ умалчиваетъ, что всю свою государственную дѣятельность Никонъ почиталъ особо возложенной на него царемъ службой царю ему въ помощь, а объ этомъ говорится не только въ „Раззореніи", но и въ предложеніяхъ Никона 14 января 1665 года царю, относительно условія оставленія имъ Московской Патріаршей кафедры (Пальмеръ IV, 593, 594). На страницѣ 129 Каптеревъ цитируетъ Никона, что „въ вещахъ духовныхъ, надлежащихъ всѣхъ, Архіерей великій выше царя, и кійждо человекъ православный Архіерееви послушаніемъ повиненъ, понеже онъ есть отецъ нашъ въ вѣрѣ Православной, ему же ввѣрена Православная Церковь;" но далѣе Никонъ говоритъ, что „въ дѣлахъ мірскихъ выше царь," а Каптеревъ этихъ послѣднихъ словъ не приводитъ. А если помнить эти слова Никона, тогда странно читать у Каптерева (II, 130, 131), что „Никонъ имѣлъ завѣтную цѣль сдѣлать въ церковной сферѣ власть Патріарха совершенно независимой отъ власти свѣтской, поставить Патріарха рядомъ съ царемъ, какъ равную, если только не большую, чѣмъ царь, величину." Но Никонъ нигдѣ не говоритъ о превосходствѣ Патріарха надъ царемъ въ общественномъ отношеніи, а считаетъ власть духовную **въ церковныхъ дѣлахъ** выше свѣтской, духовно расцѣпывая ее по содержанію качественно выше. Равно Каптеревъ не цитируетъ приведеннаго нами

мѣста Никона, гдѣ онъ говоритъ о юридическомъ равенствѣ обѣихъ властей въ смыслѣ томъ, что каждая изъ нихъ распоряжается одинаково самостоятельно въ своей сферѣ. Странно читать о стремленіи Никона унижить царство и на его счетъ возвысить священство, **когда Никонъ признавалъ полное верховенство царя въ мірскихъ дѣлахъ, и предъявлялъ требованіе только на относительную независимость Церкви.** Еще болѣе странно читать на страницѣ 181, что „Никонъ рѣшилъ подвести послѣ оставленія имъ каѳедры теоретически правовую основу подъ свое великое государствованіе," ибо всякое государствованіе можетъ касаться правъ или чести въ государствѣ, а все „Раззореніе" посвящено исключительно подведенію теоретической правовой основы подъ права Церкви, какъ таковой, причѣмъ о Патріархѣ говорится сравнительно немного и отводится въ Церкви ему положеніе, ограничиваемое и Архіерейскими Соборами, и другими Патріархами. На страницѣ 206 и 207 Каптеревъ пишетъ, что „конечное осужденіе Никона сдѣлалось прямо государственной необходимостью, этого требовали интересы верховной государственной власти, безотносительно къ церковной реформаторской дѣятельности Никона, къ тѣмъ симпатіямъ и антипатіямъ, какія питали къ нему тѣ? или другія лица. Если ранѣе въ необыкновенно высокомъ и властномъ положеніи Никона Патріарха не только относительно дѣлъ церковныхъ, но и гражданскихъ, могли видѣть явленіе чисто временное и случайное, зависящее единственно отъ особаго расположенія государя къ Патріарху, причѣмъ положеніе Никона приравнивалось къ положенію обычнаго и зауряднаго временщика, то послѣ появленія его отвѣтовъ на сочиненіе Паисія Лигарида, дѣло получало совсѣмъ иной видъ. Никонъ употребилъ въ своихъ отвѣтахъ всѣ усилія доказать, что то необыкновенно высокое и независимое положеніе, какое онъ, будучи Патріархомъ, занималъ относительно свѣтской власти, вовсе не было случайнымъ, зависящимъ отъ такого или иного расположенія къ нему царя, но что оно принадлежало ему, какъ главѣ Церкви, по праву, такъ какъ священство по самому своему существу, по самой своей природѣ выше царства, и притомъ выше настолько, насколько небо выше земли, что всякая попытка со стороны свѣтской власти подчинить себѣ духовную власть и поставить ее въ зависимость отъ себя, есть явленіе незаконное и даже преступное, за которое свѣтская власть должна подвергнуться тяжелой отвѣтственности. Такимъ образомъ, съ возвращеніемъ или невозвращеніемъ Никона на Патріаршій престолъ тѣсно связанъ

быль принципiальный вопросъ объ отношенiи царской власти къ Патрiаршей." Каптеревъ говоритъ далѣе, что „возвращенный Никонъ заявилъ бы притязанiя контролировать всѣ дѣйствiя и распоряженiя свѣтскаго великаго государя, и, при случаѣ, налагать на нихъ свое вето, если бы нашель въ нихъ что нибудь несогласное съ существующими церковными правилами и учрежденiями и съ гражданскими законами благочестивыхъ греческихъ царей." Однако, какъ мы видѣли, „Раззоренiе" представляетъ изъ себя только критику цезарепапизма, какъ теорiи, отводящей царю неподобающее значенiе въ Церкви, и даетъ доказательства самостоятельности Церкви въ церковныхъ дѣлахъ; мы видѣли, что, опредѣляя права Патрiарха, Никонъ вовсе не говоритъ

объ его неподчиненiи свѣтской власти въ мiрскихъ дѣлахъ. Онъ ставитъ выше власть духовную царской съ духовной точки зрѣнiя и не въ дѣлахъ мiрскихъ; проблема, выдвинутая Никономъ, скорѣе можетъ быть названа опредѣленiемъ понятiя православнаго царя, какое опредѣляется отношенiемъ царя къ самой Церкви по ея закону; о Патрiархѣ Никонъ говоритъ больше въ связи съ положенiемъ Патрiарха въ Церкви относительно Архiереевъ и другихъ Патрiарховъ, т. е. объ его положенiи въ самой Церкви, а не въ государствѣ. Самъ Никонъ сказалъ 19 iюля 1663 г. Одоевскому, что „у него уже написано, какъ мало христіанства у царя," разумѣя свое „Раззоренiе". Добавимъ къ этому, что, желая возстановленiя симфонiи отношенiи двухъ властей, Никонъ выяснилъ эту систему отношенiй съ правильной точки зрѣнiя. Система параллелизма властей свѣтской и духовной отражается и въ Синодикѣ Патрiарха Никона — рукописи въ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и виньетками: тамъ различныя степени духовной и свѣтской власти приведены въ соотвѣтствiе между собой. На первомъ мѣстѣ идутъ Патрiархи, затѣмъ цари, Митрополиты и великіе князья; Архiепископы и Епископы, затѣмъ князья и т. д. При перечисленiи прославляемыхъ Русской Церковью Святыхъ, Никонъ не упоминаетъ Юсифа Волоколамскаго, съ которымъ Никонъ былъ въ идейномъ антагонизмѣ по вопросу о вмѣшательствѣ государя въ дѣла Церкви (Др. и Нов. Россiя 1880, III, 370).

Въ концѣ концовъ, „Раззоренiе" Никона не увидѣло свѣта, его никто не читалъ изъ лицъ враждебныхъ Никону до суда надъ нимъ, и потому оно не могло служить побужденiемъ къ его устраненiю съ Патрiаршаго престола. Никонъ взялъ его съ собой въ сани (Пальмеръ,

т. V, стр. 669), когда вечеромъ 30 ноября 1666 года въ послѣдній разъ выѣхалъ изъ Воскресенскаго монастыря въ Москву на судъ Патріарховъ. Однако, прочитавъ всѣ протоколы суда, мы видимъ, что это сочиненіе не фигурировало на судѣ, на него не ссылался ни разу и Никонъ вслѣдствіе, можетъ, хаотичности, непослѣдовательности и безсистемности обвиненій, неоставлявшихъ мѣста обвиняемому для обстоятельныхъ возраженій, и предрѣшенности осужденія. Мало того, что сочиненіе до сихъ поръ не издано на русскомъ языкѣ и осталось до сихъ поръ въ рукописи въ Воскресенскомъ монастырѣ до сего дня и издано лишь Пальмеромъ въ 1871 г. на англійскомъ языкѣ — оно или не прочитано полностью Каптеревымъ, или цитировано имъ съ преднамѣренной цѣлью представить Никона въ свѣтѣ стремленій будто бы создать національно русскій папизмъ чуть не съ соотвѣтствующей папской областью. Если читать Никоновскія выдержки только по Каптереву и заранѣе принять совершенно бездоказательно приписанное Каптеревымъ Никону намѣреніе вознестись до положенія высшаго въ государствѣ, чѣмъ царь (не въ духовномъ смыслѣ), то, пожалуй, и получится нѣчто аналогичное западноевропейскому папизму съ свѣтской властью, но это все очень далеко отъ дѣйствительнаго Никона. Каптеревъ рисуетъ дѣло, какъ будто все то положеніе, которое постепенно пріобрѣталь Никонъ въ государствѣ, было плодомъ заранѣе имъ намѣченнаго захвата власти; онъ не хочетъ видѣть въ этомъ естественнаго развитія вліянія Никона, при его одаренности и самоотверженномъ трудолюбіи, какъ дѣлалъ это наблюдательный и безпристрастный Павелъ Алеппскій; но, исходя изъ ошибочнаго мнѣнія Лигарида о Никонѣ, какъ о человѣкѣ властномъ и гордомъ, онъ всю его дѣятельность разсматриваетъ, какъ сознательный захватъ. Откуда, какъ не изъ Лигарида, эти апріорныя сужденія (Каптеревъ II, 131) о его гордой, крайне властной деспотичной натурѣ, его громадномъ самолюбіи и честолюбіи, его всегдашней жестокости? Этому сужденію можно противопоставить гораздо болѣе вѣрное психологически сужденіе проф. Стенли по поводу требованія Никономъ клятвы 22 іюля 1652 г.: „Въ самомъ требованіи мы узнаемъ тотъ же открытый, рѣшительный и непреклонный характеръ. Властолюбіе, ищущее неограниченнаго господства, никогда не предложитъ такихъ требованій и притомъ въ минуту своего возвышенія. Оно постепенно, незамѣтно посягаетъ на права другихъ. Такое требованіе можетъ сдѣлать только человѣкъ, глубоко сознающій важность предстоящихъ ему обязанностей и всю силу

препятствій на пути къ ихъ выполнению... Какимъ вступилъ онъ на кафедру — строгимъ, рѣшительнымъ и непреклоннымъ, такимъ черезъ шесть лѣтъ онъ оставилъ ее" (Приб. къ твор. Св. Отцовъ 1862 г.). Теоретическія мнѣнія, приписанныя Никону Каптеревымъ, лучше всего опровергаются самимъ Никономъ, а его дѣйствительное отношеніе къ свѣтскимъ дѣламъ охарактеризовано самимъ царемъ въ 1657 г., несмотря на то, что тогда уже наступило охлажденіе въ отношеніяхъ къ нему царя, — какъ полное невмѣшательство. Именно царь сказалъ діакону, просившему у царя снять запрещеніе, наложенное на него Никономъ: „Боюсь Патріарха Никона, а ну какъ отдасть мнѣ посохъ и скажетъ: возьми его и паси самъ монаховъ и священниковъ. Я не вмѣшиваюсь въ твое начальствованіе надъ генералами и войсками; зачѣмъ же ты вмѣшиваешься въ мое начальствованіе надъ монахами и священниками" (Palm. II, 529).

Никонъ въ дѣлахъ смѣшаннаго характера, т. е. касающихся Церкви и государства.

Что касается тѣхъ смѣшанныхъ дѣлъ, которыя требуютъ участія и государства и Церкви, то Никонъ нисколько не избѣгалъ рѣшать ихъ совмѣстно съ царемъ. Когда Стрешневъ въ 15 вопросѣ обвинилъ Никона, будто онъ ограбилъ Коломенскую кафедру, взявъ ея монастыри себѣ, то Никонъ объяснилъ, что, вслѣдствіе близости Коломенской епархіи къ Москвѣ, она была закрыта и присоединена къ Патріаршей области и перенесена въ Вятку и великую Пермь. Епископъ Вятскій Александръ былъ переведенъ изъ Коломны въ Вятку и Пермь съ согласія царя въ 1657 году (Пал. II, 429 на основаніи Актовъ исторической комиссіи V, 483), гдѣ открыта была епархія по ея отдаленности и живучести тамъ язычества, причемъ это сдѣлано съ согласія царя. Изъ Патріаршей области для новой епархіи было выдѣлено столько же доходовъ, сколько доходовъ имѣла Коломенская епархія; ровно, сколько крестьянскихъ дворовъ имѣла Коломенская епархія, **столько и было указомъ царя отнесено къ епархіи Вятской и Великопермской**, а крестьянскіе дворы Коломенской епархіи были взяты на государя; послѣ государь при освященіи церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ пожаловалъ ихъ въ Воскресенскій монастырь. Самъ Никонъ приводилъ VI Вселенскаго Собора 38 правило, устанавливающее, что при постройкѣ новыхъ городовъ порядокъ церковныхъ дѣлъ слѣдуетъ гражданскому порядку. „Если меня поносятъ за то, что будто я дѣлалъ это одинъ, такъ документы Посольскаго Приказа свидѣтельствуютъ, **что я сдѣлалъ это съ**

согласія царя и съ совѣтомъ Епископовъ" (I, 90, 91). Никонъ говоритъ, что онъ налагалъ и наказанія совмѣстно съ царемъ. Онъ приводитъ 9 правило I-II Собора Св. Апостоловъ: „Долгъ Епископовъ исправлять нарушаемый порядокъ ученіемъ, обличеніемъ и церковными наказаніями, не битіемъ и ранами; но если имъ оказываютъ сопротивленіе, то таковыя должны быть переданы гражданской власти для наказанія." Видишь ли, отвѣтотворче, указаніе Св. Отцовъ. Такъ дѣлали и мы. **По соглашенію съ царемъ мы имѣли своихъ приставовъ, которые и налагали наказанія, въ зависимости отъ требованія случая"** (I, 177, 178). То требованіе самостоятельности и независимости Церкви, о которомъ взывалъ Никонъ, вовсе не носило желанія совершенно устранить свѣтскую власть отъ участія, какъ мы увидимъ это не только на примѣрѣ смѣшанныхъ дѣлъ, гдѣ государство равно заинтересовано, но и на примѣрѣ дѣлъ чисто церковныхъ. Слѣдовательно, его протестъ относился лишь къ стремленіямъ свѣтской власти односторонне рѣшать или оказывать давленіе на дѣла, которыя Церковь имѣла право разсматривать или какъ смѣшанныя дѣла, въ которыхъ и она равно заинтересована, или какъ дѣла, хотя и затрагивающія интересъ государства, но по существу прежде всего по природѣ своей принадлежащія Церкви (Назначеніе духовныхъ властей — дѣло по преимуществу церковное, какъ связанное съ преданіемъ благодатныхъ архіерейскихъ даровъ, но и государственное, поскольку Архіерей втянутъ своимъ землевладѣніемъ и государственными правами — административными, судебными и финансовыми, связанными съ землевладѣніемъ, въ государственный строй). Теорія симфоніи Никономъ напечатана въ предисловіи къ Служебнику 1655 году, гдѣ написано: „Богъ даровалъ Россіи два великіе дара — царя и Патріарха, которыми все строится, какъ въ Церкви, такъ и въ государствѣ. Должно убо всѣмъ, повсюду обитающимъ, православнымъ народамъ восхваляти же и прославити Бога, яко избра въ начальство и снабденіе людемъ своимъ сію премудрую двоицу: Великаго государя царя Алексѣя Михайловича и Великаго государя Святѣйшаго Никона Патріарха, иже..... праведно и подобно преданные имъ грады украшаютъ, къ симъ судъ праведень.. храняще, всѣмъ всюду сущимъ подъ ними тоже творити повелѣша... Тѣмъ же благословень Богъ, въ Троицѣ Святѣй славимый, таковыхъ великихъ государей въ начальство людей своихъ избравый. Да дасть же имъ государемъ, по пророку, желаніе сердець ихъ... Яко да подъ единымъ ихъ

государскимъ повелѣніемъ вси, повсюду православніи народи живущіе, утѣшительными пѣснями славити имутъ воздвигшаго ихъ истиннаго Бога нашего" (Каптеревъ II, 127). Симфоніей предполагается достиженіе согласія между представителями власти духовной и свѣтской во всѣхъ вопросахъ, но она не устраняетъ обязанностей для представителя каждой власти подчиняться другой въ сферѣ этой другой власти.

Никонъ прибѣгаетъ къ содѣйствию царя и въ чисто церковныхъ дѣлахъ.

Мы можемъ указать и чисто церковныя дѣла, къ которымъ Никонъ привлекалъ и царя. Такъ, 25 апрѣля 1556 г. Никонъ собираетъ съ согласія царя Архіерейскій Соборъ въ Москвѣ (Pal. II, 423); наконецъ всю церковно-обрядовую реформу книгъ и обрядовъ Никонъ проводитъ не только съ согласія царя, но и какъ видно, **по изслѣдованію проф. Каптерева, по его преимущественно инициативѣ, вдохновленной царскимъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ.** Свой уходъ въ Воскресенскій монастырь Никонъ совершилъ съ вѣдома царя, пославъ ему изъ Успенскаго собора письмо съ объявленіемъ причинъ ухода 10 іюля 1558 г., которое было возвращено Никону, но гдѣ было сказано, что Никонъ уходитъ изъ за неправеднаго гнѣва царя. Также, что касается столь инкриминируемой Никону ссылки Епископа Павла Коломенскаго, будто бы совершенной одной его властью безъ участія царя, то Пальмеръ указываетъ (III, 421, примѣчаніе 82), что, вѣдь, былъ запрошенъ Паисій, Константинопольскій Патріархъ, въ 1654 г. о томъ, что дѣлать съ Епископомъ Павломъ, и онъ отвѣтилъ царю и Никону: „Если онъ упорствуетъ, то низложите его, и вы будете имѣть съ собой насъ и весь Синодъ съ собой." Сынъ Патріарха Макарія архидіаконъ Павелъ, уже послѣ низложенія Никона (когда онъ сдѣлалъ въ дневникѣ всѣ поправки, направленные противъ Никона, подъ вліяніемъ озлобленія противъ Никона при дворѣ въ 1667 г.) повторилъ, что **строгость противъ Епископа Павла, совершенная царемъ и Патріархомъ, была достойна похвалы, и что его вѣчная ссылка была заслужена.** И онъ рассказываетъ, какъ самъ Патріархъ Макарій съ каноническимъ числомъ 12 Епископовъ, авторитетомъ Бога и султана низложилъ въ 1659 г. Эмесскаго Митрополита.

Теорія симфоніи властей (духовной и свѣтской). Никонъ обѣимъ властямъ отводитъ доминирующее значеніе каждой въ своей сферѣ. Нарушеніе симфоніи въ 1658 и 1660 г.

Означенные примѣры показываютъ, что **Никонъ**, въ соотвѣтствіи съ теоріей симфоніи, требоваль единства дѣйствій обѣихъ властей, но, естественно, каждой власти въ ея сферѣ дѣйствій отводилъ опредѣляющее значеніе. Такъ, когда Никонъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь 10 іюля 1658 г. и поручилъ Митрополиту Питириму его замѣщать, то одностороннее порученіе послѣднему со стороны царя безъ согласія Никона управлять Церковью самостоятельно, не упоминая Никона въ молитвахъ и не испрашивая его согласія на церковные акты, а равно и созывъ Собора въ 1660 г. по инициативѣ одного царя, было нарушеніемъ симфоніи и проявленіемъ цезарепапизма, ибо съ церковной точки зрѣнія сама Церковная Власть въ лицѣ Собора, ею самой созваннаго, должна была рѣшать дальнѣйшую судьбу въ замѣщеніи Московскій Патріаршей каѳедры; самостоятельнаго управленія Патріархатомъ царь не имѣлъ права никому вручать, равно и превращать представителя Патріарха Никона въ самостоятельнаго Мѣстооблюстителя Патріаршаго престола, тѣмъ болѣе, что юридическая природа ухода Никона не была еще ни изслѣдована, ни установлена въ то время; это не удалось сдѣлать даже Собору Русскихъ Архіереевъ въ 1660 году, и соборное постановленіе о низверженіи Никона съ каѳедры и изъ сана и о замѣщеніи каѳедры не могло быть приведено въ исполненіе въ виду заявленныхъ сомнѣній въ канонической дѣйствительности суда надъ Патріархомъ безъ участія другихъ Патріарховъ и въ отсутствіе обвиняемаго, не приглашеннаго на судъ.

О причинахъ ухода Никона. Мнѣніе Соловьева, Пальмера, Горчакова, Беляева, Негманн'а.

Откладывая пока до дальнѣйшаго центральный фактъ въ жизни Никона, его уходъ изъ Москвы 10 іюля 1658 г., мы не можемъ теперь же не обратить вниманія на то, какія обстоятельства побудили къ этому Никона. Въ свое время **С. М. Соловьевъ** указаль на психологическія причины этого въ виду возмужалости царя, проведеннаго больше 2-хъ лѣтъ на войнѣ и привыкшаго къ большей самостоятельности. Основываясь далѣе на характеристикѣ Никона, изображеннаго Лигаридомъ человѣкомъ гордымъ и властолюбивымъ, онъ представилъ этотъ уходъ, какъ протестъ Никона противъ лишенія его прежняго значенія въ государствѣ, оставивъ безъ вниманія во-

прось, какихъ именно дѣлъ касался протестъ Никона, были ли это дѣла, государственныя, входящія по существу своему въ сферу государственной власти, или дѣла церковныя, входящія по существу своему въ сферу власти церковной, или дѣла смѣшаннаго характера, подлежащія и той и другой власти. Такъ какъ С. М. Соловьевъ не выяснилъ различія природы этихъ дѣлъ, а исходилъ изъ Лигаридовскаго воззрѣнія о неограниченности царской власти, то самый протестъ Никона ему могъ представиться, какъ покушеніе на чужую сферу власти и какъ стремленіе восхитить недолжное, а уходъ Никона средствомъ давленія на царя, который вынужденъ былъ бы удовлетворить честолюбіе гордаго Патріарха. Что касается характеристики Никона, то она взята Соловьевымъ у Лигарида на вѣру, а не является плодомъ самостоятельнаго изслѣдованія его жизни, а, что касается дѣлъ, послужившихъ причиной протеста Патріарха Никона (ихъ надо отличать отъ ближайшихъ поводовъ къ нему), то все это были дѣла чисто церковныя или такія, которыя по понятіямъ того времени считались таковыми, какъ показываютъ изслѣдованія другихъ ученыхъ и показанія самого Никона въ „Раззореніи“. Никонъ неоднократно упоминаетъ тамъ и объ этихъ церковныхъ дѣлахъ, захваченныхъ царемъ, именно о захватѣ государствомъ черезъ монастырскій приказъ всѣхъ дѣлъ о духовенствѣ, включающихъ судъ по всякимъ дѣламъ, и о назначенія духовныхъ лицъ, и о конфискаціи посадскихъ слободъ, принадлежавшихъ Церкви, по понятіямъ того времени, не подлежащихъ отчужденію, какъ имущество, „Богу данное“. Самъ Никонъ говоритъ объ этомъ захватѣ церковнаго управленія въ общихъ чертахъ, обосновывая его самостоятельность или на правѣ Божественномъ (назначенія), или на правѣ историческомъ (пожертвованіи имущества, которое великими князьями и царями сопровождалось заклѣтіями ихъ неприкосновенности). То же мы узнаемъ о нихъ изъ другихъ источниковъ. Такъ, Hermann указываетъ: („Die Geschichte des Russischen Staates“, III т., 672 стр.) на случай отнятія монастырскимъ приказомъ ставропигіального монастыря, установленнаго въ этомъ свойствѣ Никономъ, въ пользу Епархіального Епископа, и на общій захватъ этимъ приказомъ означенныхъ дѣлъ, послѣ наступившаго охлажденія царя къ Патріарху Никону. Такъ онъ пишетъ: „Die Grossen begegneten ihn ungeschenkt mit der gröbsten Nichtachtung. Einer derselben Streschneff gab seinem Hund den Namen Nikon. Schon wurden Anordnungen die der Patriarch sonst allein zu treffen pflegte, allmählich wieder vor die Entscheidung des Bojahrenraths gezogen. Nikon hatte das

Polozkische Kioster zum Erscheingung Gottes (Богоявление) für exemt erklärt; plötzlich wurde es dem für die dortige Eparchie geweihten Bischof Kallist untergeben¹; впрочемъ, передача Богоявленскаго монастыря въ вѣдѣніе Епархіальнаго Епископа произошла по указу царя, приведенному у Пальмера отъ 21 февраля 1659 г., т. е. уже послѣ ухода Никона въ Воскресенскій монастырь (IV, 162, 163). Auch die Klosterkammer fing wieder an geistliche Personen und ihre Güter vor ihr Geridit zu ziehen, und der Bojarenrat erliess gestützt auf die Uloshenie nach eigenem Ermessen Entscheidungen über die wieder die Verordnungen Iwan IV von der Kirche gemachten Erwerbungen"². И въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: Wir sehen Nikon diesen Schritt (удаление въ Воскресенскій монастырь) nicht aus widersetzlichkeit gegen die weltliche Obrigkeit sondern wegen der ihn wiederfahrenden mit seinem geistlichen Amt und seiner Würde unverträglichen Ehrenkränkung"³.

Было еще одно серьезное разногласіе между царемъ и Никономъ, начавшееся въ половинѣ 1657 г.; оно было связано съ вопросомъ о назначеніи на Кіевскую кафедру Митрополита послѣ смерти Кіевскаго Митрополита Сильвестра Коссова, послѣдовавшей въ 1657 г. лѣтомъ. Никонъ считалъ неканоническимъ назначать его, ибо Кіевская Митрополія была подвѣдомственна Константинопольскому Патріарху; царь добился этого назначенія лишь въ 1661 г. черезъ послушнаго ему Митрополита Питирима. Никонъ въ 1662 г. публично осудилъ этотъ актъ для того, чтобы отклонить всякое подозрѣніе на него въ участіи его въ немъ, черезъ благословеніе, которое онъ далъ сначала Питириму на управленіе Патріархатомъ на время своего отсутствія изъ Москвы на положеніи его викарія. Пальмеръ описываетъ это дѣло въ IV, 326 стр.: It was an old matter of difference and cause of anger for the tsar against Nikon, dating from the death of the metropolitan of Kieff Silvester Kossoff, in the summer of 1657, that Nikon has resisted the wish of the tsar — urged upon him importunately both verbally and in writing — that he should assume or rather that he should **accept from the tsar** the right of consecrating a new metropolitan to the

¹ Вельможи относились къ нему, не боясь, съ величайшимъ пренебреженіемъ. Одинъ изъ нихъ Стрѣшневъ далъ имя Никона своей собацѣ. Постепенно дѣла, обычно рѣшавшіяся однимъ Патріархомъ, снова поставили въ зависимость отъ рѣшенія бояръ. Никонъ объявилъ Полоцкій Богоявленскій монастырь ставропигіальнымъ, а его вдругъ подчинили посвященному на тамошнюю епархію Епископу Каллисту.

² Точно также, Монастырскій приказъ снова началъ привлекать къ своему суду духовныхъ лицъ и ихъ имущества, а Боярская Дума, опираясь на Уложеніе, по собственному усмотрѣнію постановляла рѣшенія о пріобрѣтеніяхъ Церкви, сдѣланныхъ ею вопреки указовъ Ивана IV.

³ Мы видѣли, что Никонъ предпринимаетъ уходъ въ Воскресенскій монастырь не изъ нелойльности къ свѣтской власти, но вслѣдствіе оскорбленія чести, несомнѣнимаго съ его духовнымъ саномъ и достоинствами.

chair of Kieff: and he not only declined to do this, but also pointed out how uncanonical and irreligious such an act would be, the see of Kieff being then, with all its suffragan bishops of Little Russia under the Patriarch of C. P. Then it was the tsar who began perhaps for the first time to use unseemly of foul words, and to call Nikon „мужикъ блядинъ" или „мужикъ блядинъ сынъ" having also for his minister and adviser in that matter his maternal uncle the boyar Simeon Lucian Streshneff who held the Prikaz for Lithuania.¹

Не только царь самъ настаивалъ на актахъ неканоническихъ и, потому отвергнутыхъ Никономъ, но со времени прекращенія имъ поддержки Никона бояре ввели въ дѣйствиѣ Уложеніе, до того времени лишь пріостановленное въ дѣйствиѣ, и на сцену выступилъ монастырскій приказъ, какъ проводникъ беззастѣнчиваго цезарепапизма. Монастырскій приказъ былъ призванъ осуществить мысль о подсудности духовенства и подвластныхъ ему лицъ въ гражданскихъ дѣлахъ государственной судебной власти, а также отвѣтить на стремленіе государства привлечь возможно больше земли къ службѣ государству. На дѣлѣ онъ оказался не только судебнымъ, но и финансовымъ и административнымъ учрежденіемъ и полицейскимъ по отношенію къ чисто церковнымъ вопросамъ. Проф. **Горчаковъ** еще указалъ на то, что Монастырскій Приказъ при неопредѣленности Уложенія въ отношеніи состава учрежденія, судопроизводства и въ отношеніи круга дѣятельности дошелъ до вмѣшательства въ чисто церковныя дѣла, но критика въ лицѣ проф. Бѣляева (въ XV т. присужденій преміи графа Уварова), указала, что упрекъ Горчакова въ неопредѣленности круга дѣйствиѣ напрасенъ, ибо монастырскій приказъ имѣлъ совершенно одинаковый характеръ всѣхъ приказовъ того времени. Всѣ они были одновременно и судебными и административными и финансовыми и даже политическими учрежденіями относительно лицъ и учрежденій имъ подвѣдомственныхъ; такой же характеръ мы находимъ въ приказахъ стрѣльцкомъ, пушкарскомъ, иноземномъ, аптекарскомъ и другихъ. Всѣ они были казеннымъ управленіемъ тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ во всѣхъ дѣлахъ.

¹ Это было старое разногласіе и причина царскаго гнѣва на Никона со времени смерти Кіевскаго Митрополита Сильвестра Косова лѣтомъ 1657 г. Именно Никонъ сопротивлялся желанію царя, неотступно требовавшего и устно и письменно, чтобы онъ взялъ на себя или, лучше, принялъ отъ царя право посвященія новаго Митрополита на Кіевскую кафедру. Онъ не только отклонилъ это, но указывал, какъ неканониченъ и безрелигіозенъ былъ бы такой актъ въ виду того, что Кіевская кафедра со всѣми ея Епископами Малой Россіи находилась подъ Константинопольскимъ Патріархомъ. Именно царь началъ, впервые, быть можетъ, употреблять неподобныя безумныя слова и ругать Никона „блядинъ мужикъ", имѣя своимъ слугою и совѣтникомъ въ этомъ дѣлѣ своего дядю по матери Симеона Лукьяновича Стрѣшнева, завѣдывавшаго Литовскимъ приказомъ.

Монастырскій приказъ былъ казеннымъ управленіемъ надъ духовенствомъ и лицами, съ нимъ связанными, ту была полная опредѣленность, только не по разрядамъ дѣлъ, а по лицамъ и учрежденіямъ, подвѣдомственнымъ приказу. Какъ раньше Церковь и по суду и по администраціи, въ финансахъ и въ полиціи вѣдалась и управлялась сама собою, такъ съ учрежденіемъ монастырскаго приказа все, относящееся до **Церкви, должно было перейти въ его вѣдѣніе**. Монастырскій приказъ былъ закрытъ въ 1667 году уже послѣ осужденія Никона на основаніи идей, высказанныхъ Никономъ: „Божественные законы не повелѣваютъ мірскимъ людямъ, возложенными Господеви обладати движимыми и недвижимыми вещами, ниже судити.“ Извѣстно, что и раньше и въ архіерейской и патріаршей области управляли свѣтскіе чиновники, но они были помощниками Архіереевъ и Патріарховъ и безъ утвержденія послѣднихъ ничего не могли рѣшать. Въ учрежденіи монастырскаго приказа былъ измѣненъ самый принципъ суда; на мѣсто суда церковнаго по духовнымъ и гражданскимъ дѣламъ выступилъ государственный судъ и по гражданскимъ и по духовнымъ дѣламъ. При отсутствіи различенія дѣлъ по ихъ предметамъ и при различеніи ихъ только по лицамъ, Никонъ могъ принять только первое положеніе дилеммы, именно: церковный судъ по духовнымъ и гражданскимъ дѣламъ; но если первыя онъ основывалъ, какъ мы видѣли, исключительно на Божественномъ правѣ, то для вторыхъ онъ приводилъ основанія исторически традиціонныя въ видѣ ссылокъ на Византійское законодательство, на Уставъ Св. Владиміра, Ярослава и на Стоглавъ (Очевидно, самъ Никонъ чувствовалъ неправильность ссылки здѣсь на Божественное право). Мы привели достаточно доказательствъ тому, что протестъ Никона имѣлъ въ виду отстоять за Церковью именно тѣ права, которыя она имѣла или по праву Божественному, или во всякомъ случаѣ по праву многовѣковой исторической давности въ силу того положенія, которое Церковь занимала въ Русскомъ Государствѣ по основнымъ актамъ, опредѣлявшимъ ея общественное положеніе до Уложенія, именно Уставы Св. Владиміра и Ярослава. Эта многовѣковая давность сливалась въ общественномъ сознаніи иныя прикладныя права Церкви (напримѣръ, право гражд. суда надъ духовенствомъ) съ правами Церкви, принадлежащими ей въ силу ея природы (установленіе состава ея іерархіи и судъ по духовнымъ дѣламъ).

О поводѣ къ уходу Никона въ Воскресенскій монастырь.

Если таковы причины ухода Никона, то поводъ къ нимъ опредѣлился въ іюлѣ мѣсяцѣ 1658 г., когда царь явно показаль Никону, что онъ больше не можетъ разсчитывать на его поддержку, и показаль это явнымъ и публичнымъ нарушеніемъ того положенія, которое обычай отводилъ Патріарху. Въ силу интимной близости къ царю по сану, Патріархъ приглашался всегда на пріемъ у царя именитыхъ гостей, а Патріархъ Никонъ не былъ приглашенъ на обѣдъ, дававшійся царемъ въ честь, грузинскаго царевича Теймураза; царь не далъ удовлетворенія Патріарху въ побитіи его чиновника, пришедшаго 4 іюля во дворець, по порученію Патріарха, царскимъ бояриномъ Хитрово, что было порухою чести для самого Патріарха. Этотъ чиновникъ (Пальмеръ IV, 118) назначался царемъ и Патріархомъ совмѣстно для свободнаго доступа къ гражданскимъ властямъ и судьямъ для полученія отъ нихъ для Церкви и ея кліентовъ справедливости во всякихъ дѣлахъ, въ которыхъ они могли бы оказаться обиженными; наконецъ, царь ни 8 іюля, ни 10 іюля не участвовалъ въ народныхъ богослуженіяхъ, что было совершенно недопустимо по понятію того времени и придворнымъ обычаямъ. Никонъ увидѣлъ въ этомъ отсутствіи особое проявленіе гнѣва царя, который почиталь неправеднымъ, и рѣшилъ дать ему просторъ. Онъ пишетъ (I, 104) о томъ, что, когда предъ заутреней 10 іюля къ нему пришли посланные царемъ стольники князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій и Аѳанасій Ивановичъ Матюшинъ, то онъ имъ уже сказалъ о намѣреніи уйти изъ Москвы въ виду царскаго гнѣва; изъ-за этого гнѣва царь воздерживается отъ посѣщенія церкви (отъ исполненія обязательнаго для царя ритуала). „Извѣстно всему государству, что вслѣдствіе этого гнѣва на меня царь не ходитъ въ Святую Соборную Церковь, и я уйду изъ Москвы; надѣюсь, что царю будетъ свободнѣе безъ меня" (IV, 120). Затѣмъ, Никонъ перечисляетъ обиды Церкви, а не личныя ему обиды; его упреки въ этомъ и вызывали въ царѣ неправедный гнѣвъ; Никонъ прибавляетъ, что обо всемъ этомъ, уходя изъ Москвѣ, онъ свидѣтельствовалъ публично въ соборѣ предъ небомъ и землей, и всѣмъ народомъ, и ушелъ такимъ образомъ съ вѣдома царя."

Въ дополненіе ко всему пришедшій отъ царя къ Никону утромъ 10 іюля 1658 года предъ утреней князь Юрій Ромодановскій сказалъ Никону, чтобы онъ не назывался болѣе великимъ государемъ и, что царь его болѣе почитать не будетъ. Все это было свидѣтельствомъ

того, что Никонъ утрачивалъ то положеніе въ государствѣ, которое онъ занималъ въ силу своего сана, и не могъ болѣе рассчитывать на поддержку царя въ отстаиваніи той церковной самостоятельности, которую царь и бояре клятвенно обѣщали не подрывать 22 іюля 1652 г. (а теперь введено въ дѣйствіе Уложеніе). Когда царь послалъ послѣ обѣдни князя Трубецкаго просить Никона остаться, то это было, правда, просьба остаться, но, довольствуясь положеніемъ, которое давали ему царь и бояре, и управлять Церковью подъ ихъ властью (Пальмеръ IV, 136, примѣчаніе 24). Никонъ ушелъ, и при разсмотрѣннн обстоятельствъ его ухода видно будетъ, что онъ не отрекался отъ Патріаршества, но ушелъ отъ непокорной паствы, поручивъ 12 іюля, при отѣздѣ изъ Воскресенскаго подворья въ монастырь, управлять послѣ своего ухода въ Воскресенскій монастырь на правахъ викарія Крутицкому Митрополиту Питириму, обращаясь къ нему лишь по важнѣйшимъ дѣламъ (Пальмеръ IV, 138 прим. 31).

Царь послѣ ухода Никона, однако, запретилъ Питириму и помянуть Никона, и обращаться къ нему.

Никонъ о своемъ уходѣ въ Воскресенскій монастырь.

Посламъ царскимъ 12 іюля 1658 г. Никонъ сказалъ: „Я ушелъ не совѣмъ. Если царское величество преклонится, будетъ милостивѣе, отложить свой гнѣвъ въ сторону, я вернусь въ Москву.“ Свой уходъ Никонъ разсматривалъ, какъ исполненіе заповѣди Спасителя и Апостоловъ: „Если гонять васъ въ одномъ городѣ, отходите въ другой, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ“, и оправдывалъ свое право вернуться въ Москву на Патріаршій престолъ, ссылаясь на 17 Сардикское правило (I, 142), гласившее: „Если который Епископъ, претерпѣвъ насиліе, неправедно изверженъ будетъ или за свои познанія или за исповѣданіе Каѳолической Церкви или за то, что защищалъ истину и избѣгая опасности, будучи невиненъ и обвиненію подверженъ, пріидеть во иной градъ: то заблагоразсуждено, да не возбраняется ему пребывать тамо, доколѣ не возвратится, или возможетъ обрѣсти избавленіе отъ нанесенныя ему обиды. Ибо жестоко и весьма тяжело было бы не пріимати намъ претерпѣвшаго неправедное изгнаніе: на противъ того съ особеннымъ благорасположеніемъ и дружелюбіемъ должно пріимати такового.“

Протестъ Никона въ видѣ ухода противъ того положенія, въ которомъ была поставлена Церковь, вопреки клятвѣ царя и бояръ, есть не проявленіе его гордости, о которой повторяютъ со словъ Паисія

Лигарида, а признакъ стойкости его убѣжденій, которыя онъ не принесъ въ жертву полной возможности для него остаться Патріархомъ, подчиненнымъ во всемъ царю и боярамъ. „Что хуже всего, это, что, вопреки всякой справедливости, синклитъ царскаго величества, бояре и всякаго рода люди причиняють великія обиды церковному строю, и царская власть не дѣлаетъ разслѣдованія, не даетъ удовлетворенія, но когда мы жалуемся на такія вещи, только гнѣвается на насъ" (III, 386). „Спустя время самъ царь началъ не оказывать уваженіе Божественнымъ заповѣдямъ Христа, Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, которыя онъ обязанъ соблюдать при нашемъ назначеніи на Патріаршество, и не далъ мнѣ управлять въ соотвѣтствіи съ канонами" (I, 13) и (IV, 132). Если бы Никонъ не ушелъ, то, вѣроятно, имя его не возбуждало бы теперь интереса, и онъ былъ бы въ глазахъ исторіи однимъ изъ многочисленныхъ святителей потокавниковъ, а не путеводной звѣздой Православія, напомнившей идеи и непоколебимость Святаго Іоанна Златоуста и Святаго Феодора Студита. Мы еще вернемся послѣ къ характеристикѣ обстоятельствъ его ухода, а теперь разсмотримъ ученіе объ отношеніи Патріарха къ царской власти въ государствѣ.

Царь и право Патріарха на обличеніе.

Никонъ писалъ, что онъ служилъ государю, въ царское ни во что не вмѣшивался, а если вступался за вдовъ и сиротъ, то говорилъ: „мы, Архіереи на то и поставлены", т. е. свое участіе въ государственныхъ дѣлахъ онъ объяснялъ своимъ регенствомъ, а право печалованія считалъ всегда присущимъ своему сану. Миссія священства по Никону была въ томъ, чтобы быть „свѣтомъ міру, солью земли, окомъ слѣпымъ, врачомъ больнымъ, обращающимъ заблуждающихся и утверждающимъ стоящихъ." Такимъ по преимуществу долженъ быть Патріархъ. Онъ — покровитель бѣдныхъ и неимущихъ; его обязанность бороться противъ всякой неправды и злоупотребленій властью. „А что о правдѣ говорили, пишетъ онъ Патріарху Діонисию, и бѣдныхъ отъ бѣды избавляли, то мы, Архіереи, на сіе и поставлены. Патріархъ можетъ правду говорить и обличать за неправду самого царя. Досаждати царю или князю всѣмъ возбранено, а не Архіереямъ, обличати же по достоянію нѣсть возбранено, аще и обличенія словеса люта зѣло... по правдѣ кто обличаетъ нѣсть муки достойнъ." Даже больше — глаголатъ о свидѣньяхъ Божіихъ передъ царемъ не стыдятся — прямая обязанность Патріарха,

какъ это выставилъ и самъ Никонъ передъ вступленіемъ на Патріаршество: „Егда позволить Богъ Никону Митрополиту быть на Патріаршествѣ и Никонъ Митрополитъ усмотритъ во царѣ и великомъ князѣ порокъ, который противенъ Евангельскимъ св. заповѣдямъ, или противно что Св. Апостоламъ и Отеческимъ правиламъ и ему, Никону, по писанному во псалмѣхъ, не стѣсняся говорить о заповѣдяхъ, церквахъ Божіихъ... передъ царемъ и передъ бояры, а ему, государю, и его государевымъ боярамъ слушати во всемъ." Царь обязанъ разсматривать эту дѣятельность Патріарха, какъ его долгъ по сохраненію Православія, и не гнѣваться. Имѣя право нравственнаго обличенія царя, Патріархъ, какъ таковой, не подлежитъ суду царя, а лишь суду другихъ Патріарховъ, и такимъ образомъ нравственно всегда свободенъ отъ давленія свѣтской власти.

Сравненіе обличеній Св. Филиппа и Никона.

Если мы сравнимъ обличеніе Никона и обличенія Св. Филиппа, то увидимъ, что обличенія Св. Филиппа гораздо глубже врѣзались въ государственную жизнь въ смыслѣ сферы воздѣйствія. Вѣдь, Св. Филиппъ обличалъ несправедливость и жестокость опричнины — учрежденія государственнаго ради ея безнравственныхъ дѣяній; т. е. онъ захватывалъ своей критикой явленіе, хотя и подлежащее суду Церкви съ нравственной точки зренія, однако, входившее въ сферу государства; Никонъ же, отстаивая права Церкви имѣть опредѣляющее значеніе на составъ Іерархіи и право суда Церкви надъ духовенствомъ въ духовныхъ дѣлахъ, защищалъ лишь право самой Церкви въ ея *forum internum*, а поскольку онъ защищалъ права Церкви на судъ въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства, онъ отстаивалъ историческую традицію отъ захвата государствомъ всего суда и управления Церковью, въ виду отсутствія въ то время раздѣленія компетенціи по роду дѣлъ, а не по лицамъ. Никонъ больше всего посвятилъ вниманія въ своемъ „Раззореніи" понятію православнаго царя. Онъ не ставитъ его надъ Церковью главой, а вводилъ его въ Церковь ея членомъ и обязывалъ къ соблюденію заповѣдей и правилъ, какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни, а также обязывалъ къ сохраненію строя церковнаго, противостоящаго царю, какъ нѣчто неприкосновенное, съ своими законами, управленіемъ и судомъ, гдѣ царь можетъ имѣть вліяніе, поскольку оно принимается самой Церковью, но гдѣ онъ не можетъ выступать единственно опредѣляющимъ факторомъ, какъ то было во времена языческія и

какъ претендовали иные аrianствующие и иконоборствующие императоры, а въ новое время бояре, предводительствуемые княземъ Одоевскимъ, этимъ, по словамъ Никона, новымъ Лютеромъ, бояре, руководимые Лигаридомъ, дававшимъ имъ доводы цезарепапизма изъ языческихъ писателей и практики злоупотребленийъ Византійскаго двора, этимъ лицомъ, челоукоугодникомъ, искавшимъ лишь наживы, какъ называлъ его Никонъ и какъ подтвердила историческая критика нашего времени въ лицѣ Пирлинга и Пальмера. Отстаивая самостоятельность Церкви, какъ особаго союза отъ безграничной власти государства, Никонъ отстаивалъ и права Патріарха лишь постольку, поскольку захватъ этотъ затрагивалъ и права Патріарха. Цезарепапизмъ, въ лицѣ Лигарида, хотѣлъ поразить и право печалованія, для котораго Никонъ находилъ огражденіе и основу въ 8 и 9 Сард. правилѣ (I, 140); Лигаридъ видѣлъ въ этомъ обиду для царскаго сана, а Никонъ со своей энергіей отстаивалъ это право, со времени лучшихъ эпохъ Византіи бывшее показателемъ, что передъ царемъ стояла высшая обязанность — усовершенствованіе справедливости и правды въ своемъ управленіи, и что глашатаемъ правды долженъ быть тотъ, кто призванъ стать выше жизни и быть живымъ образомъ Христа, словомъ и дѣломъ изображающимъ истину.

Нарушеніе симфоніи въ строѣ Московскаго государства введеніемъ Уложенія и расцерковленія государства.

Строй Московскаго государства уже воплощаль въ значительной мѣрѣ симфонію властей въ своихъ учрежденіяхъ; ему лишь наносились первые удары со стороны секуляризаціоннаго духа вѣка, выразившіеся въ цезарепапистскихъ устремленіяхъ Уложенія. Введеніемъ монастырскаго приказа покушались на принципъ церковной самостоятельности, и это было тѣмъ началомъ, которое давало толчокъ расцерковленію государства, признававшего себя вновь высшимъ принципомъ, и дало толчокъ новому потоку идей, которыя, секуляризируя государство, уничтожали и право печалованія (— послѣдній случай печалованія былъ при Петрѣ въ 1698 году), и религіозныя обряды. Прекратился обрядъ страшнаго суда передъ великимъ постомъ, съ прекращеніемъ церковнаго настроенія въ правящихъ сферахъ. Обрядъ пещного дѣйствія, иллюстрировавший ту истину, что надъ государственной властью стоятъ высшіе законы Божіи, прекратился когда восхваленіе принципа перестало соответствовать дѣйствительности (IV, 514, прим. 7); была нарушена неприкосновенность церковной собственности, перешедшей сначала

въ управленіе государства, а потомъ и въ его собственность. Обрядъ въ недѣлю Ваій былъ оставленъ въ 1676 году для одного Патріарха и вовсе прекратился послѣ смерти матери царя Наталіи Кириловны, послѣдовавшей въ 1694 году (Скворцовъ, Патріархъ Адріанъ. Правосл. собесѣд. 1912, I); Петръ нарушилъ и огромную культурную работу Церкви по благотворенію и образованію, давъ послѣднему слишкомъ свѣтскій характеръ и посягнувъ даже на самый характеръ религіознаго воспитанія черезъ изданіе неправославныхъ книжекъ черезъ зависимое отъ свѣтской власти духовенство. Уложеніе еще не захватывало лично Патріарха, но, конфискуя его посады, оно вступило на путь уменьшенія церковнаго имущества и обезсиленія общественнаго значенія Патріарха; преступивъ каноны подчиненіемъ Церкви государственному принципу, оно расчищало въ принципѣ путь дальнѣйшему нарушенію канонovahъ, въ концѣ котораго стояло уже не только устраненіе лучшаго Патріарха черезъ послушныхъ и подкупныхъ Іерарховъ, вмѣшательство государства въ управленіе церковной собственности и въ составленіе церковной Іерархіи, но и уничтоженіе самимъ государствомъ каноническаго церковнаго строя черезъ уничтоженіе Патріаршества. Попутно съ превращеніемъ церковнаго управленія въ государственное, завершившимся созданіемъ Синода изъ назначенныхъ правительствомъ духовныхъ лицъ на извѣстное время, самостоятельно имъ выбираемыхъ и присягающихъ въ вѣрности крайнему своему судѣ въ лицѣ государя, шло и вытравленіе церковнаго элемента изъ управленія государственнаго, устраненіе его изъ высшихъ государственныхъ учреждений. Прекращается участіе духовныхъ лицъ въ Боярской Думѣ, которая замѣняется Сенатомъ изъ однихъ свѣтскихъ лицъ. Рядомъ съ самимъ царемъ стоявшій и интимно по сану съ нимъ связанный Патріархъ уже не находится при лицѣ царя, а замѣнившая его духовная коллегія, какъ и всякое другое подчиненное государственное учрежденіе, сносится съ царемъ уже не непосредственно, а черезъ приставленное око государево въ лицѣ оберъ прокурора Св. Синода, въ которые ставится „храбрый и смѣлый офицеръ." На мѣсто высшей идеи постепеннаго оцерковленія государства, возвышенія его черезъ симфонию властей явилась идея подчиненія самой Церкви и ея положенія въ обществѣ тѣмъ философскимъ идеямъ, которыми въ данное время увлекаются представители государственной власти. Это было уже расцерковленіемъ государства и вверженіемъ его въ пучину стихій міра сего.

Смысль борьбы Никона въ свѣтъ послѣдующихъ мѣрь противъ Церкви.

Это было то, противъ чего предостерегаль Никонъ передь вступленіемъ на Патріаршество, когда онъ оберегаль управление церковное отъ подчиненія его свѣтской власти и черезъ то оберегаль для Церкви возможность оставаться самостоятельнымъ свѣточемъ міру, неразстворимымъ въ стихіяхъ міра сего; черезъ это Никонъ оберегаль не меньше и самую свѣтскую власть, ибо въ Церкви она находила непререкаемый смыслъ своей дѣятельности, связывающей ее съ вѣчностью, и союзную охранительницу отъ ученій, могущихъ подтачивать существованіе самага государства. Выясняя понятія православнаго царя и значеніе Патріарха при немъ, подчеркивая неоднократно значеніе Премудрой Божественной Двоицы, Никонъ, какъ бы заранѣе протестоваль противъ низведенія Церкви на степень подчиненнаго государственнаго учрежденія и ея идеаловъ на степень обычныхъ человѣческихъ мнѣній, которымъ государственная власть можетъ слѣдовать, но можетъ и не слѣдовать безъ опасности для самой себя. Церковь въ глазахъ Никона — не государственное и не національное учрежденіе, а каѳолическое, вмѣщающее въ себѣ всю истину, и призванное вести человѣчество черезъ градъ земной къ граду небесному средствами особыми, Ей одной свойственными, въ которыхъ Она самостоятельна отъ человѣческихъ стихій, въ томъ числѣ и отъ государства. И люди, поглощенные этими стихіями, его не понимали. Эту борьбу съ засиліемъ плоти надъ духомъ мы видимъ постоянно въ дѣятельности Никона. Не забудемъ, что только около 40 лѣтъ прошло отъ времени воцаренія Михаила Ѳеодоровича до вступленія Никона на Патріаршество, что войны внѣшнія, междуусобныя и иностранныя оккупациі съ потокомъ чужеродныхъ идей ослабили церковную жизнь, а Никонъ съ этой практической жизненной стороны и подходилъ къ Церкви. Онъ многократно, мы видѣли, писалъ, что „Церковь не стѣны и храмъ, а церковные законы и жизнь по вѣрѣ.“ Объ этомъ онъ говорилъ и передь вступленіемъ на Патріаршество: „Мы называемся христіанами, но христіане мы только на словахъ.“ И въ іюль 1663 года Одоевскому онъ говорилъ, что въ царѣ мало христіанскаго,“ ибо царь допускаетъ, чтобы церковное управление устраивалось черезъ неканоническое вмѣшательство его власти въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію носителей иныхъ даровъ благодати.

Различные способы Никона къ поддержанію церковнаго направленія въ правительствѣ и обществѣ.

Ту же борьбу мы видимъ у Никона и въ цѣломъ рядѣ другихъ его проявленій, но эта борьба истолковывалась его врагами всегда иначе. Такъ, Никонъ сдѣлалъ прибавленіе къ Кормчей въ видѣ даренія Константинова. Тамъ приведено сказаніе объ исцѣленіи, совершенномъ Папой Сильвестромъ съ Константиномъ Великимъ, и о принесеніи послѣднимъ за это въ благодарность Папѣ западныхъ странъ и о предоставленіи разныхъ привилегій духовенству въ государствѣ. Это было со стороны Никона выставленіемъ нравственнаго примѣра, необходимаго въ виду паденія общественнаго значенія духовенства, загнаннаго, черезъ подчиненіе на мѣстахъ государственнымъ чиновникамъ, въ зависимость отъ людей еще болѣе низкаго уровня, а на верхахъ поставленнаго въ зависимость отъ своеволія боярь. Это было со стороны Никона напоминаніемъ о должномъ положеніи Церкви. Но изъ этого помѣщенія „Даренія" въ Кормчей бояре, во время отсутствія Патріарха Никона, дѣлали средство остановить примирительныя попытки царя съ Патріархомъ запугиваніемъ, что будто бы, если Никонъ вернется, то царю ничего не останется, какъ оставить Никону Москву, какъ Константинъ Великій оставилъ Римъ Папѣ Сильвестру (IV, 60 прим. 36). Такъ Никонъ посовѣтовалъ царю привезти мощи Св. Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву, и въ этомъ усмотрѣли униженіе царя, тогда какъ Никонъ въ дѣйствительности не унижать царя хотѣлъ, а искупить общественный грѣхъ, который лежалъ на царствѣ за несправедное гоненіе Св. Филиппа предшественникомъ царемъ, и за который надо было испросить прощеніе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ была редактирована Никономъ и рѣчь царя передъ гробомъ Св. Филиппа, которую Никонъ читалъ въ Соловецкомъ монастырѣ передъ взятіемъ оттуда мощей Святого. Тамъ говорилось прежде всего о желаніи царя, чтобы „Св. Филиппъ, находясь въ Москвѣ, присоединилъ свои молитвы, чтобы вѣра Христова пребывала неподвижной и стадо паствы оставалось ненавѣтнымъ отъ губительныхъ волковъ; и мы крѣпки не своей силой и многооружнымъ воинствомъ, но святыми вашими молитвами." Изъ этихъ словъ Никона можно видѣть желаніе его найти духовную опору противъ все того же секуляризаціоннаго стремленія вѣка. Далѣе грамота продолжаетъ: „Второе молю тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего царя и вел. кн. Іоанна, совершенное противъ тебя не-

разсудно завистью и несдержанной яростью. Хотя я и не повиненъ въ досажденіи тебѣ, но гробъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня, приводитъ въ жалость и мучить мою совѣсть, что отъ изгнанія тебя до настоящаго времени ты вдали отъ своей святительской паствы. Поэтому **преклоняю санъ свой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, да отпустишь ему согрѣшеніе своимъ къ намъ пришествіемъ, да уничтожится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе; пусть всѣ увѣрятъ, что ты примирился съ нимъ. Умоляю тебя** и честь моего царства **преклоняю предъ честными твоими мощами, повергаю къ моленію всю мою власть, приди и прости оскорбившаго тебя напрасно; онъ раскаялся тогда въ содѣянномъ грѣхѣ, и за его покаяніе и за наше прошеніе приди къ намъ. Оправдались на тебѣ Евангельскія слова, за которыя ты пострадалъ, что „всякое царство раздѣлившееся на ся не станетъ;“** теперь и у насъ нѣтъ прекословящихъ тебѣ; нѣтъ нынѣ въ твоей паствѣ никакого раздѣленія, но всѣ единомысленно просимъ и молимъ тебя **приди съ миромъ во, свояси, и свои тебя примутъ съ любовію.**" Въ этомъ посланіи **поистинѣ свидѣтельствуется христіанское смиреніе, а не униженіе царской власти, стремленіе поднять ее на ту нравственную высоту, которая не боится самообличенія, а въ раскаяніи видитъ средство очищенія. Но какъ прегрѣшеніе было публичное, такъ и очищеніе должно было быть публичное, и какъ за общественные грѣхи наказаніе поражаетъ общество, такъ и публичнымъ покаяніемъ можно было, по Никону, освободить себя отъ общественныхъ послѣдствій общественнаго грѣха.** Извѣстно, что въ то время (это былъ мартъ 1652 г., еще до Никонова Патріаршества) царь былъ благочестиво настроенъ и самъ еще стремился бороться съ тѣмъ антицерковнымъ духомъ, который проникъ, послѣ смутнаго времени и засилія иностранцевъ, въ Москву въ боярскую среду и выражалъ свое пренебреженіе къ уставамъ церковнымъ и благочинію церковнаго строя. Столкновеніе этихъ двухъ настроеній произошло и во время путешествія Никона въ Соловецкій монастырь за мощами Св. Филиппа. Непрерывныя богослуженія, келейныя правила, строгіе посты, благотворительность, какъ показаль изслѣдователь этого путешествія профессоръ Николаевскій, были неизмѣнными спутниками Никона. Въ его свитѣ нѣкоторые бояре этимъ тяготились, и вотъ двое изъ нихъ Отяевъ и Лобановъ Ростовскій жаловались на строгость Никона царю. Инцидентъ этотъ запечатлѣнъ и въ исторіи Митрополита Макарія, и у профессора Ни-

колаевского. Царь писалъ Никону: „Вѣдомо намъ учинилось, что многіе дворяне и всякіе служилые люди, которые посланы съ вами, въ Великій постъ не постились и не съ благочиніемъ ѣдутъ. И тебѣ бы, богомольцу нашему, заставить ихъ въ Петровъ и Господній постъ говѣть, а которые учнутъ ослушаться, тебѣ по правиламъ Св. Отцовъ запрещать и разрѣшать, зане отъ Бога на тебѣ та власть положена, и на всякое благочиніе приводить." А князю Хованскому царь писалъ: „А тебѣ боярину нашему отъ всякаго дурна ихъ унимать и велѣть ѣхать съ благочиніемъ, а не смѣхомъ; зане же и къ намъ, земному царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то кольми паче подобаеъ ѣхать къ такому великому святителю со страхомъ и трепетомъ" (Еще у Сол. X, 180). А бояре жаловались, что никогда такого позора не было, царь де выдалъ ихъ Митрополиту.

Идея оцерковленія государства и борьба съ начинавшимся его расцерковленіемъ — были основными стимулами дѣятельности Никона въ вопросѣ о церковно-государственныхъ отношеніяхъ. Это было стремленіе къ возстановленію въ жизни теоріи симфоніи, которой былъ нанесенъ вскорѣ послѣ него рѣшительный ударъ, чисто свѣтскимъ построеніемъ этихъ отношеній при Петрѣ I, въ духѣ протестантскомъ или неоязыческомъ, когда и государство фактически явилось единственнымъ судьей не только внѣшне церковныхъ, но и внутренне церковныхъ отношеній. Интересно сопоставить ученіе Никона о соотношеніи царской власти съ церковной, съ ученіями католическихъ и протестантскихъ писателей, чтобы почувствовать эту разницу. Ссылка Никона на теорію двухъ мечей ничего не говоритъ, ибо какъ говоритъ Janet: *le passage equivoque pouvait être interprété dans l'un et l'autre sens, comme la plupart des textes cités dans cette question*" (Histoire de la science politique I, 338).¹

Сравненіе ученія Никона съ католическими писателями о соотношеніи властей.

Какъ былъ далекъ Никонъ отъ ученій, выраженныхъ у католическихъ писателей, о соотношеніи властей духовной и свѣтской, могутъ показать отдѣльные примѣры. Никонъ признавалъ, что свѣтская власть управляется независимо отъ духовной и послѣднею лишь освящается, а католическій писатель XII вѣка **Hugue de Saint Victor** школы Св. Бернарда, не пошедшій за святоотеческимъ направленіемъ Св. Бернарда, признавалъ право за духовной властью устанавливать и

¹ Двусмысленная фраза могла толковаться и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ, какъ и большая часть текстовъ, которые приводились въ этомъ дѣлѣ.

смѣщать свѣтскую власть. Изъ превосходства духовной жизни надъ свѣтской и души надъ тѣломъ Никонъ не выводилъ свѣтской власти Церкви и тѣмъ меньше приписывалъ послѣдней установление самой свѣтской власти, а Hugue de Saint Victor писалъ: „Autant la vie spirituelle est supérieure à la vie terrestre et l'esprit au corps, autant la puissance spirituelle l'emporte sur la temporelle en force et en dignité. **Car la puissance spirituelle est chargée d'instituer la puissance temporelle afin: qu'elle puisse exister: ut sit, et de la juger, si elle n'est pas bonne** (Paul Janet ib. 338)¹.

Никонъ никогда не усматривалъ въ актѣ коронованія актъ суверенитета, а лишь актъ благословенія и освященія, какъ онъ самъ говоритъ, тогда какъ Hugue de Saint Victor признавалъ и то и другое, говоря: „Et sanctificans per benedictionem et formans per institutionem"².

Точно также, Никонъ не покушался на принципъ неприкосновенности царской власти, какъ это дѣлалъ **Томас Бекетъ (Томас Кентерберійскій)**. Никонъ уходилъ отъ нарушенія церковныхъ законовъ, но не прибѣгалъ къ демагогическимъ приемамъ, которые слышатся въ письмѣ Томаса Бекета къ Папѣ Александру III, основателю Ломбардской Лиги и противнику Фридриха I, съ упреками за его умѣренность и медлительность въ дѣйствіяхъ противъ враговъ. „Prends courage, o père, et sois fort, **nous sommes plus nombreux qu'eux. Le Seigneur a écrasé le marteau des impies, Frédéric; et il écrasera de meme tous ceux qui ne viendront point a résipiscence et ne feront pas la paix avec l'Eglise de Dieu. Enfin nous attendons votre jugement ou plutôt le jugement de celui qui ôte la vie aux princes et délivre le pauvre du puissant**" (Ib. 1, 341)³

Въ католической литературѣ соединеніе идей теократическихъ съ демократическими доходило до **разрѣшенія тиранубійства**, теоріи, оставленной послѣ Цицерона, съ одной стороны, и до прославленія первосвященническаго деспотизма въ свѣтской сферѣ съ другой стороны въ лицѣ **Іоанна Саллюсберійскаго** (XII вѣкѣ); позже оно встрѣчается у писателей, защищавшихъ политику Лиги въ XVI вѣкѣ [**Boucher** (De justa abdicatione)]. У Іоанна Саллюс-

¹ „Насколько духовная жизнь выше земной и духъ тѣла, настолько власть духовная выше свѣтской по силѣ и достоинству. Ибо духовная власть призвана учреждать свѣтскую, чтобы та могла существовать и судить ее, если она не отвѣчаетъ своему назначенію."

² „И освящающій черезъ благословеніе и учреждающій черезъ установленіе."

³ „Мужайся, отецъ, и крѣпись; мы многочисленнѣе, чѣмъ они; Господь разрушилъ мечъ нечестивцевъ, Фридрихъ, и Онъ разрушитъ точно также всѣхъ тѣхъ, которые не покаются и не примирятся въ Церковь Бога. Наконецъ мы ждемъ Вашего суда или скорѣе Суда Того, Кто отнимаетъ жизнь у государей и освобождаетъ бѣдняка отъ могущественнаго."

берійскаго свѣтская власть сведена на роль послушнаго палача; она держитъ мечъ, но получаетъ его изъ рукъ Церкви, держитъ для нея и осуществляетъ отъ нея имени функцію, которой она сама не хочетъ пачкаться. Іоаннъ Саллюсберійскій пишетъ: „Le prince recoit le glaive temporel des mainss de l'Eglise; **car elle meme ne peut tenir le glaive du sang. Cependant elle le possede et elle s'en sert par les mains du prince à qui elle a accordé la puissance de punir le corps se réservant l'autopité dans les choses spirituelles.** Le prince est done le ministre du prêtre, exerant à sa place une des fonctions de la sainte autorité mais qui parait indigne des mains du prêtre”¹.

Что общаго между идеей государства, послушнаго палача Церкви, и идеей государства, добровольно признающаго передъ Церковью обязательства, какъ передъ союзомъ, преслѣдующимъ высшія цѣли, и идей государства, призваннаго къ оцерковленію. Насколько въ одномъ случаѣ государственная власть унижена, настолько во второмъ она пріобщается къ высшему назначенію.

То же различіе въ пользованіи Никономъ и католическими писателями „Дареніемъ Константина”, внесеннымъ въ декретъ Граціана — знаменитый трудъ каноническаго права XII вѣка, въ глоссы котораго проникли теократическія доктрины. Если Никонъ въ Дареніи Константина видитъ назиданіе царю, какъ надо относиться къ Церкви, ея собственности и суду, то католическіе комментаторы и здѣсь стараются приписать Даренію особое пониманіе власти церковной, которое вовсе не вытекаетъ изъ текста, но которое приводитъ къ сліянію двухъ властей и свѣтской и духовной въ лицѣ Папы, какъ викарія Христа (Ib. I, 349). Какъ это происходитъ и у **Томы Аквинскаго** въ лицѣ Папы, qui occupe à la fois le sommet des deux puissances. Ce dernier trait semble ramasser dans la pesonne de souverain pontife la totalité du pouvoir spirituel et temporel (I, 389) (I, 389)².

У другихъ глоссаторовъ изъ идеи Даренія Папѣ имперіи выводилось право Папы ею располагать и, отнявъ у грековъ, передать германцамъ, сначала Карлу Великому, а потомъ Оттону Великому, но черезъ это сама имперія представлялась продуктомъ папской власти (Ib. I, 350).

¹ „Государь принимаетъ свѣтскій мечъ изъ рукъ Церкви: она сама не можетъ держать меча крови. Однако, онъ въ ея власти, и она имъ пользуется черезъ государя, которому она дала власть наказывать тѣло, оставляя себѣ авторитетъ въ дѣлахъ духовныхъ. Государь поэтому — слуга священника, осуществляющій вмѣсто него одну изъ функцій священной власти, которая кажется недостойной рукъ священника.”

² „Который является одновременно вершиной обѣихъ властей. Это послѣдняя черта, кажется, соединяетъ въ лицѣ верховнаго первосвященника совокупность духовной и свѣтской власти.”

Точно также, Никонъ даже не ставилъ вопроса о возможности аннулировать присягу царю, какъ дѣлалъ это Папа **Иннокентій III**, ставившій черезъ это Папу судьей дѣйствительности присяги, т. е. юридически выше императора (I, 351). У него всякая власть исходить отъ Папы. Католическая литература въ XI-XII в. для господства Церкви и пониженія цѣнности земной власти подчеркивала то человѣческое, что было у свѣтской власти: насилія, страсти, несправедливость, узурпацію, которыя были при зарожденіи власти государственной. Она выступала покровительницей народовъ противъ царей и сводила свѣтское право къ согласію народа подъ надзоромъ Церкви; въ католическихъ монастыряхъ въ средніе вѣка и зародилась теорія народнаго суверенитета и право сопротивленія злоупотребленіямъ гражданской власти. Она оспаривала Божественное право королей на ихъ свѣтскую власть и приписывала себѣ право устанавливать и низлагать ихъ. Нѣсколько смягченно выражена эта теорія у **Томы Аквинскаго**, какъ слѣдствіе отлученія отъ Церкви: какъ только король отступалъ отъ вѣры, подвергался отлученію, его **подданные ipso facto** освобождаются отъ повиновенія и присягѣ вѣрности (Ib. I, 389); выдвигаемый здѣсь принципъ народнаго суверенитета ограничивается властью Церкви; это — демократія, увѣнчиваемая теократіей.

Также далекъ былъ Никонъ и отъ ученія **кардинала Беллармина** XVII вѣка о косвенной власти Папы. Белларминъ, не допуская непосредственной дѣйствительной власти Папы надъ подданными христіанскихъ королей, давалъ право косвеннаго вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, когда этого требуетъ духовный интересъ. Папа у него не имѣетъ того права надъ королями, которое имѣетъ надъ Епископами: **онъ не можетъ ихъ низлагать по своей волѣ. Но если это необходимо для спасенія душъ, то Папа можетъ отнять королевство у одного короля и передать его другому.** Папа не издаетъ законовъ въ разныхъ государствахъ, но, если какой законъ необходимъ для спасенія душъ, то онъ можетъ его издать, какъ можетъ и отмѣнить тотъ, который противенъ Церкви. **Папа не имѣетъ прямой юрисдикціи надъ подданными христіанскихъ правителей, но, если требуетъ интересъ спасенія душъ, то можетъ ихъ судить въ послѣдней инстанціи.** Это и было то, чего хотѣли Григорій VII и Иннокентій III.

Мы видѣли, что Никонъ отстаивалъ право Церкви только на судъ въ церковныхъ дѣлахъ, а въ гражданскихъ только для духовен-

ства; отстаивая существенныя права Церкви и установленную вѣками юрисдикцію Церкви, Никонъ въ остальномъ полагался на нравственное ея вліяніе и никогда не требовалъ для нея политическаго господства въ смыслѣ смѣщенія непокорнаго Церкви царя (Теорія Беллармина опровергалась и въ католической средѣ: между прочимъ Шотландскій Епископъ Бёркли утверждаетъ, что Папа, не имѣя прямой власти, не имѣетъ и косвенной) (Janet. II, 80-82). Насколько противоположно католическому пониманію всегдашнее почитаніе царской власти, какъ таковой, у Никона во время самыхъ тяжкихъ преслѣдованій! Онъ не только признавалъ Божественное происхожденіе и неприкосновенность царской власти, **но послѣдней мѣрой сопротивленія считалъ неповиновеніе свѣтскому закону, нарушающему церковный законъ, удаленіе и предупрежденіе царю, что, разрушая Церковь, онъ разрушаетъ государство.** Въ нашу задачу не входитъ перечисленіе всѣхъ ученій католическихъ писателей на протяженіи вѣковъ относительно тѣхъ способовъ разсужденія, которыми принижается свѣтская власть въ отношеніи къ духовной, но важно было показать, что всѣмъ этимъ способамъ совершенно чуждо ученіе Никона уже въ силу одного того, что онъ, ставя выше власть духовную свѣтской по ея назначенію, цѣли и средствамъ дѣйствія въ духовномъ отношеніи, одинаково считаетъ и свѣтскую власть непосредственно отъ Бога исходящей въ порядкѣ Его Промысла, и обѣ власти считаетъ равными въ юридическомъ смыслѣ, каждую въ своей сферѣ. Если искать на западѣ сходныхъ ученій съ ученіемъ Никона, то надо искать ихъ въ средѣ писателей, оставшихся вѣрными святоотеческой традиціи, изъ которыхъ послѣднимъ Janet считаетъ **Св. Бернарда** съ его великимъ словомъ протеста противъ омірщенія духовенства: „Lequel vurt le mieux, писалъ Св. Бернардъ, et vous paraît plus digne, de remettre les péchés, ou de diviser les heritages? Ces soins infimes et matériels ont pour juges les rois et les princes de la terre. Pourquoi envahir le territoire d'autrui? Pourquoi étendre vos faux dans la moisson du voisin?" (Janet I, 336)¹. Не напоминаютъ ли послѣднія слова свидѣтельство царя Алексѣя Михайловича о Никонѣ въ 1657 году діакону, просившему у царя снять съ него запрещеніе, наложенное Никономъ: „А ну какъ Патріархъ Никонъ скажетъ мнѣ: я не вмѣшиваюсь въ свѣтскія дѣла, зачѣмъ же ты

¹ „Что лучше и по вашему болѣе достойно, отпускать грѣхи или дѣлить наслѣдства? Эти низшія и матеріальныя заботы имѣютъ судьями королей и земныхъ государей. Зачѣмъ врываться въ чужую сферу? Зачѣмъ захватывать серпомъ чужую жатву?"

вмѣшиваешься въ духовныя, отдасть мнѣ посохъ и скажетъ: возьми и паси священниковъ и монаховъ."

Требую независимости для власти церковной, Никонъ допускалъ, какъ орудіе, отлученіе, но, вопреки католическимъ писателямъ, ничего не говорилъ о возможности низложенія и съ отлученіемъ не связывалъ юридическихъ послѣдствій въ сферѣ государства. Первый актъ является актомъ духовнымъ, второй актомъ свѣтской власти и поэтому не вытекаетъ изъ перваго. Никонъ остался на святоотеческой точкѣ зрѣнія — повиноваться Богу болѣе, нежели людямъ, точкѣ зрѣнія, не позволявшей прибѣгать къ свѣтскому орудію. Но ультрамонтанскіе писатели перешагнули границу, отдѣляющую духовную власть отъ свѣтской, хотя и они не считали, что отлученіе *ipso facto* влечетъ за собой низложеніе, но считали, что за отлученіемъ долженъ слѣдовать актъ: **освобожденіе подданныхъ отъ присяги на вѣрность**, какъ и дѣлали Папы въ средніе вѣка. Этотъ послѣдній актъ былъ уже вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла, котораго ни Никонъ, ни Православная Восточная Церковь вообще не считаютъ актомъ допустимымъ для представителя власти духовной, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ власти, являющейся Божиимъ слугою (Римл. XIII, 4, 5).

Однимъ словомъ, Никонъ не давалъ Церкви власти политической; ея власть онъ признавалъ только въ строгіе церковныхъ отношеній. Никонъ признавалъ за царемъ власть самостоятельную, по происхожденію и назначенію, не отрицалъ, что и государство имѣетъ касательство съ управленіемъ душъ, какъ вооруженная защита справедливости, ибо ниоткуда не видно, чтобы онъ видѣлъ въ немъ только грубую силу — палача. Однако, Церковь касается этого управленія душами со спеціальной точки зрѣнія: ихъ спасенія, и Никонъ призываетъ государство пріобщиться къ этой цѣли и никогда не забываетъ ни въ своемъ законодательствѣ, ни въ своемъ управленіи, что эта высшая цѣль жизни не можетъ быть игнорирована православно христіанскимъ государствомъ. Никонъ строго различалъ два порядка: свѣтскій и духовный, какъ они и различаются въ теоріи симфоніи, и въ этомъ отношеніи онъ совершенно далекъ не только отъ католической доктрины, въ лицѣ ультрамонтанскихъ писателей, смѣшивающей обѣ власти въ личности Папы, но и отъ писателей протестантскихъ.

Сравненіе ученія Никона съ протестантскими писателями.

Писатели протестантскіе не только отстаиваютъ свѣтскую власть отъ захвата духовной, но даютъ ей часть и этой духовной власти. **Лютеръ** опредѣленно считалъ различіе духовной и свѣтской власти чисто искусственнымъ. Вотъ, какъ онъ выражалъ эту мысль (P. Janet II, 9):¹ „Tous les chrétiens sont de l'ordre spirituel et ne diffèrent que par la diversité des fonctions: les fonctions du pouvoir civil sont de punir les méchants et de récompense, les boné. Il doit donc exercer ses fonctions dans toute la chrétienté sans en excepter le pape, les évêques, les prêtres ect. S'il suffisait pour arrêter le pouvoir et l'empêcher d'exercer ses fonctions de lui opposer qu'il est au-dessous de celui de confesseurs et en général de l'ordre ecclésiastique, il faudrait empêcher également les cordonniers, les tailleurs, les charpentiers, les paysans ect de fournir des habits, des souliers, ou meme à boire et à manger et enfin de payer fermage aux ecclésiastiques." Поэтому, Лютеръ считалъ, что, если Папа компрометируетъ Христіанство, имѣющій власть обязанъ, въ качествѣ вѣрнаго члена тѣла, позаботиться, чтобы собрался Соборъ, ибо свѣтская власть должна осуществлять свою власть, данную ей отъ Бога всюду, гдѣ она сочтетъ это полезнымъ и необходимымъ. **Такое мнѣніе Лютера было послѣдствіемъ отверженія имъ духовной Іерархіи, функціи которой переносятся имъ на власть свѣтскую.** Точно также, Меланхтонъ въ сферу свѣтской власти вводитъ всѣ внѣшніе акты, къ какому бы порядку они ни относились (Ib. 11, 15). „La foi, dit on, n'est pas en notre pouvoir. Mais ce n'est pas la foi, mais l'hérésie, c'est à dire la profession d'un dogme déterminé qui est en notre pouvoir comme tous les actes extérieurs. On dit que la puissance civile ne domine que sur les corps et non sur l'ame. Mais cette puissance est la gardienne de toute la loi, quant aux actes extérieurs, par conséquent quant à ceux qui ont rapport au culte de Dieu. C'est une erreur de croire qu'il appartient pas au prince de savoir ce que chacun professe sur sa religion" (Ib. 11, 15, 16) (Ib. 11, 15, 16)². То же смѣшеніе духовнаго и

¹ „Всѣ христіане священники и различаются только по функціямъ: функціи гражданской власти наказывать злыхъ и вознаграждать добрыхъ... Она должна поэтому осуществлять свои функціи во всемъ христіанствѣ, не исключая ни Папы, ни Епископовъ, ни священниковъ и т. д. Если бы было достаточно для воспрепятствованія власти осуществлять ея функціи возраженія, что она ниже власти исповѣдниковъ и вообще духовнаго чина, то надо бы также воспрепятствовать сапожникамъ, портнымъ, плотникамъ, крестьянамъ и т. д. доставлять одежды, башмаки или даже пить и ѣсть и наконецъ платить аренду духовнымъ лицамъ."

² „Вѣра, говорятъ, не въ нашей власти. Но это не вѣра, а ересь, то есть исповѣданіе опредѣленной догмы, которая въ нашей власти, какъ всѣ внѣшніе акты. Говорятъ, что свѣтская власть господствуетъ надъ тѣлами, а не надъ душой. Но эта власть — стражъ великаго закона въ томъ, что относится къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, слѣдовательно, и къ дѣйствіямъ, относящимся къ культу Бога. Ошибка думать, что государю не подлежитъ вѣдать то, что каждый исповѣдуетъ въ дѣлѣ религіи."

свѣтскаго въ смыслѣ, обратномъ католической средневѣковой теоріи, и у **Кальвина**; здѣсь то же предоставленіе государству свѣтскаго и духовнаго, какъ и у другихъ представителей протестантизма. У него правитель не только покровитель человѣческой справедливости, но и защитникъ и отмститель за Бога по своему собственному разумѣнію. Читая эти ученія, невольно припоминаешь церковную реформу Петра съ подразумѣваемымъ ею ученіемъ о всемогуществѣ государственной власти въ сферѣ церковнаго правопорядка. Напротивъ, Никонъ зналъ церковный правопорядокъ, отличный отъ государства, основанный, какъ на послѣднемъ своемъ фундаментѣ, на Святомъ Писаніи и Святомъ Преданіи, правопорядокъ, который поддерживался и развивался въ исторіи на этой незыблемой базѣ Соборами Вселенскими и Помѣстными, дѣйствующими въ силу соответствующей благодати Святаго Духа ученія, священнодѣйствія и управленія, данной въ лицѣ Апостоловъ имъ и ихъ преемникамъ-Епископамъ.

Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго управленія передъ судомъ русской канонической науки.

Если мы зададимъ вопросъ, какъ современная каноническая наука разрѣшаетъ вопросъ о субъектѣ церковнаго управленія и признаетъ ли она правымъ Никона въ его утвержденіи, что царь не является правителемъ Церкви, что управленіе Церковью принадлежитъ Епископамъ, то отвѣтъ будетъ въ пользу Никона, какъ это мы видѣли въ I томѣ частью уже при сопоставленіи ученія проф. Суворова и другими русскими канонистами. Въ правотѣ Никона убѣждаетъ насъ не только анализъ церковныхъ полномочій и фактъ трехвѣковаго существованія самостоятельной организациі Церкви до признанія ея государствомъ, но и дальнѣйшее правосознаніе независимо отъ историческихъ злоупотребленій, находящихъ свое объясненіе, но не колеблющихъ основной идеи о наличіи въ Церкви самостоятельныхъ субъектовъ правообразованія, управленія и суда.

Основной принципъ церковнаго устройства съ объявленіемъ христіанства государственной религіей не поколебался. Константинъ Великій не посягнулъ на независимость церковной власти и назвалъ себя Епископомъ внѣшнихъ дѣлъ не въ томъ смыслѣ, что онъ поднялся надъ всѣми Епископами, а указалъ лишь на свои государственныя полномочія, въ силу которыхъ онъ, какъ императоръ, считалъ себя обязаннымъ содѣйствовать зависящими отъ него средствами къ достиженію ея цѣлей.

Указаннымъ изреченіемъ, говоритъ Кургановъ, Константинъ хотѣлъ показать, что Епископамъ принадлежитъ право и они обязаны рѣшать вопросы вѣроученія, таинствъ, обрядовъ, Іерархіи и принциповъ управленія Церковью, вообще всего того, что вытекаетъ изъ начала христіанской религіи, опредѣляется словомъ Божіимъ, понимаемымъ по разуму Церкви, и имѣетъ внутреннее отношеніе къ вѣрѣ, а императоръ въ противоположность этому обязанъ принимать опредѣленіе отъ Церкви, какъ данное, и заботиться о лучшемъ приложеніи его къ жизни между подданными. Такой смыслъ давалъ изреченіямъ Константина его жизнеописатель Евсевій, и такъ понимаемые они будутъ гармонировать со всей его дѣятельностью по дѣламъ Церкви. Константинъ Великій и не думалъ затрагивать права Епископовъ по внутреннему управленію; таково было пониманіе дѣла и у преемниковъ Константина на престолѣ, безъ законодательнаго опредѣленія; Юстиніанъ же призналъ въ самомъ законѣ двѣ равноправныя власти Церковную и свѣтскую и необходимость ихъ совмѣстнаго дѣйствія. И эти принципы приняты и Эпанагогой въ IX вѣкѣ, и отдѣльными императорами (Константиномъ Дукой въ XI вѣкѣ, Іоанномъ Комненомъ въ XII вѣкѣ и въ Синтагмѣ Властаря XIV вѣка, бывшей практическимъ руководствомъ къ познанію церковныхъ правилъ и гражданскихъ законовъ по церковнымъ дѣламъ). Но Византійскіе императоры стремились фактически расширить свою власть въ церковномъ управленіи, особенно въ позднѣйшее время имперіи въ дѣлѣ избранія Патріарховъ и ихъ низложеніи и возведенія епископій на степень архіепископій и митрополій; однако, стремленія эти сдерживались представителями церковной власти. Были случаи, что нѣкоторые императоры не проводили различія между Богомъ и царемъ, вродѣ Исаака Ангела и Михаила Палеолога. Но всегда оставался въ законѣ принципъ существованія двухъ властей, обладающихъ особыми полномочіями, каждая въ своей сферѣ, и признаніе, что управленіе Церкви должно находиться въ рукахъ церковной власти.

Факты этого вмѣшательства имѣютъ свои психологическія и историческія причины въ пережиткахъ языческой древности, когда во времена Августа императоръ былъ одновременно верховнымъ первосвященникомъ Pontifex maximus. Бердниковъ говоритъ о немъ (Госуд. положеніе религіи 313-333): „Языческой императоръ имѣлъ верховный надзоръ надъ всей религіей и обрядами, былъ представителемъ всего національнаго преданія; онъ заботился о возстановленіи

запущенныхъ храмовъ, принималъ мѣры къ поддержанію культа, къ сохраненію его въ чистотѣ, къ пресѣченію уклоненій отъ него, запрещающія грубые культы въ провинціяхъ, дѣлая распоряженія объ умилоствленіи боговъ, изрекая судебныя приговоры, дѣлалъ перемѣны въ уставѣ отправленія богослуженій, учреждалъ новые праздники, вводилъ чествованіе новыхъ боговъ съ назначеніемъ особыхъ жрецовъ для нихъ, отмѣнялъ культы прежнихъ бывшихъ боговъ, освобождалъ частныхъ лицъ отъ религіозныхъ обязательствъ передъ богами, былъ цензоромъ по изданію книгъ религіознаго содержанія." Императоръ стоялъ выше всѣхъ законовъ и человѣческихъ и божескихъ; **онъ былъ обожествленъ; въ его лицѣ римляне обоготворяли всемогущее государство.** Такія традиціи при многихъ деспотическихъ наклонностяхъ и приводили къ вмѣшательству въ церковныя дѣла.

Кургановъ объясняетъ эти вмѣшательства такимъ же образомъ. Онъ пишетъ въ „Устройствѣ Управленія Церкви Королевства Греческаго" (15 стр.): „Когда христіанство при Константинѣ Великомъ одержало побѣду надъ язычествомъ и было признано государствомъ, естественно, идеи языческаго римскаго понтифекса должны были столкнуться съ идеями христіанской свободы, возвѣщенной Апостолами и уже достаточно укоренившейся въ Церкви въ первые три вѣка ея существованія. Христіанскіе императоры формально удерживали титулъ Pontifex Maximus до Граціана. Онъ первый отказался отъ этого званія и отъ поднесенной ему Сенатомъ одежды, соединенной съ этимъ званіемъ. Но, отказавшись отъ языческаго титула, императоры, какъ бывшіе прежде Граціана, такъ и послѣ него, рѣдко отказывались отъ самой власти Великаго Первосвященника; ихъ неумѣстныя вмѣшательства, которыми такъ богата исторія Церкви, основывались на этой власти."

Такія вмѣшательства не могутъ почитаться законными de jure уже потому, что тогда будетъ непонятнымъ, какъ же величайшіе императоры Константинъ, Юстиніанъ и Комнены не понимали своихъ правъ, что опредѣленно признавали самостоятельность церковной власти? Даже Исаакъ Ангель, не ставившій границъ своей власти, проводилъ въ законахъ мысль о равноправности двухъ властей послѣ изученія 48 пр. Трулльскаго Собора. Епископы своими протестами также свидѣтельствовали, что по ихъ сознанію государственная власть, если и могла вмѣшиваться въ церковныя дѣла, то въ строго опредѣленныхъ границахъ, безъ нарушенія правъ другой самостоя-

тельной власти — церковной. **Симеонъ Солунскій** считалъ, что только льстецы могут оправдывать явное нарушеніе правилъ со стороны нѣкоторыхъ императоровъ. Догмой же дѣйствовавшего законодательства все таки была идея симфоніи между церковными правилами и императорскими постановленіями. **Профессоръ Остроумовъ** высказывается въ томъ же смыслѣ: „Теорія великаго первосвященника была только теоріей, придуманной для оправданія незаконныхъ неканоническихъ вторженій свѣтской власти въ церковную сферу.“ **Кургановъ** пишетъ: „Въ Византійскомъ законодательствѣ приняты и развиты, съ Константина Великаго и кончая послѣдними императорами изъ дома Палеологовъ, слѣдующія главныя положенія, опредѣляющія отношенія государства къ Церкви: 1) признаніе двухъ властей церковной и свѣтской и ихъ равноправное положеніе въ государствѣ и 2) ихъ взаимное согласіе въ области дѣйствования на подданныхъ.“ Въ другомъ мѣстѣ (Ib. 92 стр.) онъ говоритъ: „Исторію составляютъ не нарушенія закона, какъ исключеніе изъ общаго правила, а идея и духъ, проникающіе общество и управляющіе его дѣйствіями.“ **Лебедевъ** пишетъ въ „Очеркахъ по Исторіи Византійской Церкви XI-XV вѣковъ“ на стр. 209-210: „Отношенія, въ какія ставились Византійскіе императоры къ Церкви, обыкновенно называются цезарепапизмомъ на языкѣ западныхъ писателей. Это значитъ, что указанные писатели на ходятъ въ положеніи Византійской Восточной Церкви самыя ненормальныя отношенія между государствомъ и Церковью, при которыхъ императоры выражаютъ себя, какъ полновластныя главы и владыки Церкви, при которыхъ, иначе сказать, они являются царями и первосвященниками. Представленія эти о Византійскомъ отношеніи государства и Церкви частью несправедливы, частью справедливы. **Они несправедливы, когда хотятъ видѣть въ подобныхъ отношеніяхъ какую то систему, будто бы принятую и утвердившуюся, какъ законъ, въ Византійской имперіи,** но они справедливы, если съ этими представленіями соединяется лишь мысль о томъ, что въ Византіи нормальное весьма часто переходило въ ненормальное, что императоры въ религіозныхъ дѣлахъ брали на себя больше, чѣмъ сколько требовало благо Церкви и польза ея, и что забывалось истинное понятіе объ императорѣ, какъ членѣ Церкви, подчиненномъ голосу пастырей въ вопросахъ религіозныхъ.“

Никонъ боролся противъ государственнаго всемогущества и также ссылался противъ него на каноны; онъ отвергалъ историческое

рѣшеніе вопроса о правахъ царя на основаніи фактическихъ злоупотребленій, каковыми онъ почиталъ и вторгшійся въ русскую жизнь еще въ XVI вѣкѣ обычай смѣщенія и назначенія правителей Церкви. Онъ ссылался на Св. Отцовъ Церкви, особенно на слова Іоанна Дамаскина и Феодора Студита: „Однихъ поставили въ Церкви Апостолами, другихъ Пророками...“, а сказано ли о царяхъ, чтобы имъ были даны благодатные дары для управленія въ Церкви? Нѣтъ — только о благодатныхъ дарахъ на управленіе государствомъ." Въ русской литературѣ Никонъ былъ предшественникомъ цитированныхъ канонистовъ и протестовалъ противъ идеи государственнаго всемогущества, выявлявшагося въ теоріи обожествленія императора въ языческомъ Римѣ. Поскольку новое государство является съ такой же теоріей неограниченнаго всемогущества, будетъ ли это у Гоббса, у Руссо, или у современныхъ социалистовъ, протестъ Никона обращенъ и къ нимъ.

Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго законодательства передъ судомъ русской канонической науки.

Совершенно также Никонъ протестовалъ противъ права царя законодательствовать въ церковныхъ дѣлахъ, созывать своею властью Соборы, активно участвовать въ ихъ постановленіяхъ и утверждать для Церкви ихъ постановленія. Его сужденія о Соборѣ 1660 г. и объ Уложеніи достаточно ясно устанавливаютъ его точку зрѣнія, и надо согласиться, что современные русскіе канонисты, всѣ, кромѣ Суворова, разъясняютъ его точку зрѣнія, основанную на томъ, что Церковь есть учрежденіе особаго рода, **въ которомъ законодательствуетъ Духъ Святой черезъ апостольскихъ преемниковъ.** Совершенно особнякомъ стоитъ приведенная нами въ главѣ о симфоніи властей теорія проф. Суворова, утверждающая за монархомъ значеніе правообразующаго фактора въ церковныхъ дѣлахъ, какъ источника права. Суворовъ, какъ мы видѣли, основываетъ свою точку зрѣнія на томъ, что 1) императоры созывали Соборы, 2) санкціонировали рѣшенія ихъ и 3) сами издавали законы по церковнымъ дѣламъ. Точка зрѣнія Суворова опровергнута по всѣмъ тремъ пунктамъ. Мы уже говорили объ этомъ въ третьей главѣ I части въ отдѣлѣ о симфоніи, здѣсь только нѣсколько дополнимъ приведенную аргументацію противъ Суворовской теоріи.

Н. А. Заозерскій писалъ (въ сочиненіи „Объ источникахъ Церковнаго права въ III-V вѣкѣ по Р. Х.“). Положеніе: „Императоры созывали Епископовъ на Вселенскій Соборъ“, можетъ имѣть двоякій

смысль: или тотъ, что только императорамъ принадлежитъ власть созывать Вселенскіе Соборы, такъ что безъ императора Церковь не имѣетъ внутренней возможности къ составленію Вселенскаго Собора, или же тотъ, что, покровительствуя Церкви и внимая просьбамъ высшихъ и ревностнѣйшихъ ея Іерарховъ, императоры своимъ государственнымъ авторитетомъ, оказывали очень важную помощь и содѣйствіе въ столь важномъ церковномъ дѣлѣ, какъ созваніе Вселенскаго Собора. Разность весьма значительная. Ибо въ послѣднемъ случаѣ государственный авторитетъ является лишь привходящимъ элементомъ, въ логическомъ отношеніи случайнымъ или несущественнымъ признакомъ въ понятіи Вселенскаго Собора." Еще **Никонъ** указывалъ въ своемъ „Раззореніи“, что, созывая Соборы, императоры дѣйствовали по просьбѣ представителей Церкви, а не по своему усмотрѣнію, и такимъ образомъ созывъ вытекалъ изъ потребностей Церкви, признаваемыхъ ея представителями, такъ что, не было бы содѣйствія государственной власти, потребность была бы удовлетворена инымъ способомъ по внѣшности.

Еп. Іоаннъ Смоленскій подробно развилъ это положеніе и указалъ на эти различные способы выявленія церковнаго сознанія, различая въ созывѣ Собора два разныхъ момента. „Къ самому созванію Собора относится духовное, всегда неизмѣнно дѣйствующее право Церкви — право самостоятельно дѣйствовать общимъ и соединеннымъ голосомъ своихъ пастырей во всѣхъ дѣлахъ, въ цѣломъ ея касающихся, особенно въ дѣлѣ вѣры (Мѡ. XVIII, 17-20; Дѣян. XV, 25-28; III, 1; IV, 19; VII, 6). Это право дѣйствовало и до Вселенскихъ Соборовъ: 1) во взаимныхъ сношеніяхъ Церквей и пастырей ихъ по вопросамъ, требовавшимъ общаго ихъ голоса, 2) въ общемъ и согласномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, особенно со стороны важнѣйшихъ Церквей Востока и Запада, которымъ слѣдовали и прочія Православныя Церкви; 3) въ обращеніи общаго голоса Церкви черезъ ея представителей къ православнымъ царямъ, какъ блюстителямъ блага Церкви, съ изъясненіемъ ея потребностей и съ прошеніемъ о содѣйствіи ей. **Дѣйствительное созваніе Вселенскаго Собора было уже только слѣдствіемъ этого общаго голоса Церкви и только выраженіемъ ея сознанія и намѣреній.** Поэтому то, хотя бы Вселенскій Соборъ по обстоятельствамъ на самомъ дѣлѣ и не состоялся, Вселенскій голосъ Церкви должнымъ и законнымъ порядкомъ выраженный всегда могъ самостоятельно дѣйствовать и дѣйствовалъ постоянно." **Прокошевъ**, основываясь на этомъ, разви-

ваесть мысль и говорить, что фактъ созыва Собора императоромъ не превращаетъ его изъ церковнаго учрежденія въ императорское, ибо онъ — лишь актъ содѣйствія со стороны императора Вселенской Церкви. Призывныя грамоты императоровъ на имя Митрополитовъ имѣють тонъ приглашенія, а не требованія, и угроза за неявку, иногда встрѣчающаяся, есть лишь угроза судомъ Божиимъ нерадивому пастырю, и исторія не знаетъ случая, чтобы императоръ наказывалъ Епископа за неявку. Самое участіе императоровъ на Соборахъ и ихъ уполномоченныхъ ограничивалось наблюденіемъ за соблюденіемъ порядка соборныхъ разсужденій. Проф. Кургановъ, признавая роль императоровъ на Вселенскихъ Соборахъ вспомогательной, и ихъ право понималъ, какъ право дѣлать предложенія Собору, но не право властнаго предписанія по существу (Устройство Управленія Церкви въ Церкви Королевства Греческаго 1871 г., 21 стр.).

Также Барсовъ (О Всел. Соборахъ. Хр. Чт. 1869 г. II, 807) говоритъ: „Общія отношенія власти государственной къ авторитету Церкви на Соборахъ были тѣ же самыя, какія обыкновенно бывають между лицомъ, предлагающимъ свое мнѣніе на утвержденіе, и лицомъ, узаконяющимъ это мнѣніе своими правами и согласіемъ.“ То же по существу говоритъ и **Заозерскій**: „Если для болѣе яснаго и нагляднаго отношенія христіанскихъ императоровъ къ Вселенскимъ Соборамъ можетъ послужить какая либо аналогія, то наиболѣе близкой можетъ быть указано покровительственное отношеніе правительства къ наукамъ и искусствамъ. Правитель — меценатъ, и культурное правительство доставляетъ защиту, гарантію и покровительство учебнымъ и художественнымъ учрежденіямъ съ цѣлью предоставленія имъ возможности спокойно и съ наибольшими успѣхами развивать свою дѣятельность. Такъ и вѣрныя императоры на Вселенскихъ Соборахъ дѣйствовали всѣми силами государственной власти для того, чтобы Церковь, представленная на Вселенскихъ Соборахъ Епископами, могла вполне свободно, спокойно, безъ препятствій и безопасно рѣшать свои религіозныя задачи, для разрѣшенія которыхъ классическое государство со временъ Константина Великаго сознавало себя не компетентнымъ.“

II. Второе основаніе теоріи **проф. Суворова** въ томъ, что императоры санкціонировали соборныя постановленія, но въ дѣйствительности всѣ опредѣленія Соборовъ и по вопросамъ вѣры и по вопросамъ церковной дисциплины были обязательны для христіанъ внѣ зависимости, отъ того, будутъ ли они утверждены им-

ператоромъ или нѣтъ, и притомъ имѣли обязательную силу для самихъ императоровъ. Эта мысль выражена въ рядѣ новеллъ императора Юстиніана: „Мы почитаемъ церковныя правила, какъ государственныя законы (VI Нов.); церковныя каноны почитались столь же священными, какъ догматы вѣры (VI Нов. с. 1 § 8), а вѣроопредѣленія Вселенскихъ Соборовъ почитались, какъ само слово Божіе. Это почтеніе къ постановленіямъ Собора Бердниковъ объясняетъ рядомъ обстоятельствъ: 1) какъ христіане, императоры считали долгомъ служить дѣлу вѣры и Церкви, средствами, какія они имѣли въ своемъ распоряженіи. Они считали, что изданіемъ благопріятныхъ для Церкви законовъ по предметамъ вѣры и Церковной дисциплины, они приносятъ богу жертву въ той формѣ, какая вытекаетъ изъ ихъ общественнаго положенія. 2) Лучшимъ залогомъ успѣха въ государственныхъ дѣлахъ считалось благоволеніе Божіе, которое надо было снискать; 3) сами Отцы Соборовъ, просили объ утвержденіи, чтобы ихъ постановленія, получивъ отъ императора утвержденіе, силу государственнаго закона, были обезпечены отъ всякаго нарушенія и протеста. Обязанность внутренняя, нравственная, существующая и безъ императорскаго утвержденія, черезъ послѣднее становилась и внѣшней, матеріальной; соборныя опредѣленія черезъ это становились обязательными въ сферѣ государственной, ихъ постановленія обязывали уже не только вѣрующихъ, но и государственныхъ чиновниковъ, и всѣхъ членовъ государства. Нарушеніе постановленія, утвержденнаго императоромъ, каралось также и уголовнымъ закономъ, а не только Церковью. Это утвержденіе придавало церковному закону силу въ государственномъ союзѣ, но не дѣлало императора главнымъ факторомъ церковнаго правообразования, какъ говоритъ Суворовъ.

III. Третьимъ основаніемъ для Суворовской теоріи является фактъ изданія императоромъ законовъ по церковнымъ дѣламъ, причемъ, по Суворову, для церковнаго законодательства императоровъ не было границъ въ смыслѣ изъятій извѣстныхъ предметовъ или вопросовъ изъ ихъ законодательной компетенціи (Курсъ I, 234); противъ этого мнѣнія самымъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ профессоръ Бердниковъ. Церковь Христова ограничила императора въ дѣлахъ вѣры и благочестія (Государ. положеніе религіи въ Рим. Виз. имперіи 493-497). Принципъ *Quod principi placuit legis habet vigorem* ограничивается; онъ не имѣетъ значенія для Богооткровенной религіи. Право государства по отношенію къ Церкви не идетъ дальше

опредѣленія внѣшнихъ отношеній; государственные законы могутъ опредѣлять государственное положеніе Церкви, ея матеріальныя средства и положеніе клира въ государствѣ, какъ государственнаго сословія, но не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Церкви. Самъ Юстиніанъ, кодифицировавшій юридическую мудрость Римскаго народа за прошлые вѣка, создавшій, по словамъ Суворова, въ области Церкви неисчерпаемое законодательство (I, 234), который является завершителемъ и выразителемъ идей своихъ предшественниковъ и примѣромъ для преемниковъ, разъясняетъ, что императоры, издавая законы по вопросамъ вѣры, придавали церковнымъ вѣроопредѣленіямъ силу и значеніе государственныхъ законовъ. **Кургановъ** говоритъ, что императоръ вовсе не выступалъ законодателемъ въ Церкви: „Правильнѣе сказать, что онъ государство старался подчинить законамъ церковнымъ или иначе церковное законоположеніе, какъ уже данное, ввести въ законоположеніе государственное, сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ членовъ государства путемъ законодательнымъ.“ Что касается внутренней церковной дисциплины, то она сдѣлалась предметомъ законодательства императоровъ только со времени новеллъ Юстиніана изъ соображеній, вышеуказанныхъ нами въ цитатѣ Бердникова, именно для снисканія благоволенія Божія въ Церкви ради ихъ заботъ о Церкви и выполненія своей обязанности попеченія о всѣхъ подданныхъ и ихъ потребностяхъ, прежде всего религіозныхъ. Но императоры, стоявшіе на законной почвѣ, отклоняли отъ себя возможность видоизмѣнять каноны и вообще порядокъ церковный, установленный Апостолами, Соборами и Святыми Отцами. Издать законъ по дѣламъ церковнымъ не согласный съ церковнымъ ученіемъ и правилами, по ихъ понятіямъ, значило оскорбить Самого Бога.

Относясь къ церковнымъ правиламъ, какъ къ святынѣ, они считали своей задачей исполнять и въ государственной сферѣ то, что законодательствуетъ Церковь въ своей области. И въ сборникахъ государственныхъ законовъ по церковнымъ дѣламъ проводилась мысль, что государственные законы должны быть согласны съ церковными правилами. Такъ „Collectio 87 cspitularum“ озаглавлена: „Различныя постановленія Юстиніана изъ сборника новеллъ, изданныхъ послѣ Кодекса, которыя прежде всего согласны съ Божественными и священными канонами“; послѣднимъ сообщалось государственное значеніе и сила IV Вселенскій Соборъ постановилъ, что всѣ императорскіе законы, противорѣчащіе канонамъ, не имѣютъ силы

(Дѣян. Всел. Соб. IV, 83, 84 стр.): „Противъ канонѡвъ никакой уставъ не будетъ имѣть силы; пусть каноны Отцовъ преобладаютъ.“ Если бы государственная власть потребовала исполненія законѡвъ, противорѣчащаго церковнымъ правиламъ, то въ этомъ случаѣ представители церковной власти должны поступать, какъ въ первые три вѣка. Они должны все переносить за приверженность къ церковнымъ уставамъ, спокойно дожидаясь лучшаго времени, когда свѣтское правительство будетъ способно внимать голосу Церкви, и относиться съ почтеніемъ къ ея уставамъ. Дѣйствительно, исторія, отмѣчая факты изданія императорами законѡвъ, несогласныхъ съ церковными правилами, указываетъ и на ту борьбу, которую вели представители Церкви, защищая церковныя правила, какъ неприкосновенную святыню. **Каждый законъ, каждое требованіе государственной власти, несогласное съ церковными правилами, встрѣчало протесты Епископовъ и готовность перетерпѣть даже смерть за защиту канонѡвъ. Законы государственные, не согласные съ церковными правилами, ими отвергались въ сферѣ церковной.** Такъ поступалъ Епископъ **Епіандъ**, говорившій императору Анастасію: „Оставь Церковь, которую Христосъ искупилъ Своею Кровью... Довольствуйся своимъ собственнымъ достоинствомъ, тѣмъ, что ты императоръ и не наказывай предстоятелей Церкви“ (Кургановъ ib. 262 стр.).

Ѳеодоръ Студитъ говоритъ иконоборцу Льву Исавру: „Императоръ, внемли тому, что Апостоль Павелъ говоритъ тебѣ о церковномъ благочиніи, и узнавъ, что царю не слѣдуетъ ставить себя самого судьей и рѣшителемъ въ этихъ дѣлахъ, послѣдуй и самъ апостольскимъ правиламъ. Апостоль говоритъ: положи Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, второе Пророковъ, третье учителей (1 Кор. XII, 28); вотъ тѣ, которые устраиваютъ и изслѣдуютъ дѣла вѣры по волѣ Божіей, а не цари; ибо Св. Апостоль не упомянулъ, что царь распоряжается дѣлами Церкви“ и еще: „Тебѣ, государь, ввѣрено общество гражданское и военное, о немъ ты и заботься, а Церковь предоставь пастырямъ и учителямъ; если же ты не сдѣлаешь того, то знай, что своей цѣли никогда не достигнешь, потому что, если бы и самъ ангель съ неба сталъ вѣщать намъ ученіе, противное православной вѣрѣ, то мы и ему не вняли бы — тѣмъ болѣе мы не будемъ слушать тебя.“ То же говорилъ Никонъ царю въ „Раззореніи“ относительно изданія Уложеніемъ противоканоническихъ законѡвъ. Епископы и ревностные въ вѣрѣ монахи провозглашали обязательность канонѡвъ и для императоровъ въ ихъ личной жизни. Ѳеодоръ Сту-

дять обличалъ императора Константина Копронима за незаконный разводъ съ его женой, Патріархъ **Николай Мистикъ** обличалъ императора Льва VI за четвертый бракъ. Патріархъ **Ѳеодосій** воспротивился **Андронику Комнѣну**, желавшему бракосочетанія двухъ лицъ, находившихся въ близкомъ родствѣ, и историкъ **Никита Хоніатъ** говоритъ: „Патріарха не поколебало ни величіе Андроника, ни угрозы съ его стороны. Онъ былъ непоколебимъ, какъ скала, около которой вѣчно вздымаются огромныя волны, и бушуетъ море, разбивая волны въ пѣну и пренебрегая ревомъ шумящаго моря.“ Онъ же говоритъ: „Только смиренные изъ Патріарховъ, недалекіе по уму и необразованные, уступали желанію императоровъ, какъ законнымъ постановленіямъ; будучи невѣждами въ Словѣ, они неспособны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями.“ Нерѣдко послѣдующіе императоры уничтожали противоканоническія постановленія предшественниковъ, сознавая верховенство канона. **Кургановъ** утверждаетъ, что Византійскіе императоры никогда не оспаривали, что церковныя каноны имѣютъ преимущества передъ государственными канонами. Этого не отвергали даже такіе измѣнники Православія, какъ Михаилъ VIII Палеологъ. Такъ, вопреки Суворову, разъясненіе фактовъ самой исторіи показываетъ, что императоръ никогда не признавался верховнымъ субъектомъ церковнаго правообразования, ибо этимъ субъектомъ была церковная власть, получившая на то полномочія отъ **Божественнаго Основателя Церкви**. Это то, что постоянно утверждалъ въ „Раззореніи“ Никонъ. Въ отношеніи къ царской власти онъ на словахъ и на дѣлѣ слѣдовалъ Ѳеодору Студиту, борясь, подобно ему, съ духомъ иконоборческимъ, который выражался и въ легкомъ отношеніи къ канонамъ, и въ преувеличеніи правъ гражданской власти въ церковной сферѣ, съ тѣмъ духомъ, котораго представителемъ въ русскомъ законодательствѣ о Церкви явился Петръ I, но который начался ранѣе, вскорѣ послѣ смутнаго времени, послѣ общей разрухи и иноземнаго вліянія той эпохи. Это и былъ тотъ духъ, который Никонъ именовалъ антихристовымъ. Онъ велъ къ расцерковленію государства и къ искаженію симфоніи властей. Уже не Церковь является при его господствѣ высшимъ руководящимъ мѣриломъ для государства, а инья ученія, которыя устраняютъ Церковь отъ ея верховнаго въ духовномъ отношеніи руководства жизни и приводятъ къ возрожденію языческаго государства, находящаго опору въ самомъ себѣ. Выиграло ли отъ этого государство, по-

казываетъ исторія первой четверти XX вѣка съ его кризисомъ государственной власти. Цезарепапистскія построения лишали само государство того высшаго оправданія и смысла, которое оно находило въ симфоніи съ Церковью, и, подавляя Церковь въ ея жизненныхъ проявленіяхъ, разрушали этимъ самую прочную основу самого государства. Провозглашая идею царя православнаго, лишеннаго полномочій *Pontifex maximus*, Никонъ работалъ надъ упроченіемъ царской власти, а не надъ ея разрушеніемъ. Напоминая о Церкви, какъ о самодовлѣющемъ организмѣ, нарушать жизнь коего невозможно безъ вреда для самого нарушителя, Никонъ въ ея законахъ ставилъ преграды государственному всемогуществу и сохранилъ то реальное понятіе о Помѣстной Церкви, какъ особомъ союзѣ-учрежденіи съ собственными органами законодательства и управленія, которое въ XVIII вѣкѣ постепенно утрачивалось.

Въ недавнее время (1908 г.) явилась попытка обосновать права императора Православной Церкви черезъ особую теорію рецепціи, заимствованной изъ протестантской науки (Зомъ). Въ нѣкоторыхъ главахъ своей книги (Восточные Патріархи въ періодъ Вселенскихъ Соборовъ) проф. Гидуляновъ пишетъ о власти рецепціи, которая принадлежала въ Церкви міру, сначала въ лицѣ общиннаго собранія народа, затѣмъ върующими большей общины, гдѣ происходили Соборы (II и III вѣка) и затѣмъ въ лицѣ императора и благороднаго Сената, „свидѣтельствовавшихъ на Вселенскихъ Соборахъ своимъ согласіемъ, что рѣшеніе Епископовъ есть дѣйствительно воля Божія, которой надо непрекословно повиноваться, или, что одно и то же, сообщали соборному опредѣленію церковную рецепцію" (Стр. 715). Также въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ (Ib. 432): „Мысль о принадлежности церковной власти во всей полнотѣ только священникамъ чужда востоку. Центръ тяжести церковной власти здѣсь всегда лежалъ въ мірѣ, въ общинѣ, которой принадлежала рецепція. Отсюда уже, съ обращеніемъ Константина Великаго въ христіанство, къ императору, какъ представителю міра всей Церкви переходитъ высшая церковно-правительственная власть." Также на стр. 444 говорится: „Вѣра императора — это правило для Церкви. Императоръ былъ представителемъ міра Церкви, отъ котораго зависѣла рецепція." Если присоединить къ этому, что подъ внутренними дѣлами Церкви проф. Гидуляновъ (Ib. 463) разумѣетъ только священнодѣйствія (*potestas ordinis*), которыя только и принадлежатъ исключительно Епископамъ, а внѣшнія дѣла — юрисдикція — дѣла управленія въ широкомъ

смыслѣ, то дѣйствительно императоръ по этой теоріи окажется всемогущимъ управителемъ Церкви. Такъ и пишетъ проф. Гидуляновъ. „Съ обращеніемъ императоровъ въ христіанство къ нимъ, какъ представителямъ міра Церкви, переходитъ власть въ отношеніи рецепціи, власть судить о законности дѣйствій, такимъ образомъ высшая церковная власть. Отсюда императоръ дѣлается какъ бы главой Церкви" (Ib. стр. 463).

Противъ этого надо вспомнить всѣ святоотеческія возраженія цезарепапистамъ. Въ своемъ ученіи Гидуляновъ совершенно игнорируетъ природу Церкви Православной, которая имѣетъ свою организацію подъ невидимымъ главенствомъ Христа и управляется пастырями въ силу полномочій, данныхъ Христомъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ, — это сфера ея дѣйствій опредѣляется по полномочіямъ, ввѣреннымъ имъ Христомъ, въ видѣ ученія, священнодѣйствій и управленія. Лишь протестантизмъ, утратившій понятіе о церковной Іерархіи, нуждается для управленія Церковью въ привлеченіи органа государственнаго союза и во врученіи ему всѣхъ правъ управленія Церковью, суживая понятія внутреннихъ дѣлъ Церкви до священнодѣйствія: впрочемъ и тамъ это направленіе, забывающее внутреннюю природу Церкви, не получило общепризнаннаго авторитета, и искра самобытной духовной жизни, тлѣющая послѣ реформаціоннаго разрушенія, даетъ жизнь понятіямъ о самобытности Евангелической Церкви, въ извѣстной мѣрѣ независимой отъ государства, въ ученіяхъ Рихтера и Каля (См. Берниковъ: Основ. полож. церк. пр. прав. Церкви, стр. 51-61). Протестантскія церковныя общества не знаютъ такой части церковнаго правопорядка, которую бы они получили отъ Бога, какъ необходимую, и у нихъ поэтому всякое правообразование является дѣятельностью чисто человѣческой. Церковное право у нихъ выявляется въ тѣхъ же формахъ, какъ и право государственное, и сама церковная власть стала отраслью государственной власти, а Церковь превратилась въ государственное учрежденіе. Ученіе объ отсутствіи правительственныхъ полномочій у церковной власти изъ протестантизма перешло и въ православную каноническую науку, но самый источникъ ея изобличаетъ неправильность этого перенесенія. Церковь Православная остается особымъ нравственнымъ жизнепорядкомъ, имѣющимъ призваніе создавать свои нормы по своему собственному духу, черезъ свои органы, получающіе на то соотвѣтствующіе дары. Мірской элементъ въ ней никогда не имѣлъ рѣшающаго значенія; его значеніе не шло далѣе

совѣщательнаго, какъ это подробно было иллюстрировано огромнымъ большинствомъ членовъ Предсоборнаго Присутствія 1906 года (См. протоколы), составивъ *communis opinio patrum et doctorum*. Міряне могли содѣйствовать проведенію въ жизнь церковныхъ постановленій, но не юридически ихъ создавать. Утвержденіе императорами постановленій Вселенскихъ Соборовъ придавало имъ юридическую силу не въ Церкви, а въ имперіи